S.

L. as. Cagareli

555 u

<36615114450014

<36615114450014

Bayer. Staatsbibliothek

Jan Bojanek

О ГРАММАТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

ГРУЗИНСКАГО ЯЗЫКА.

КРИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

А ЦАГАРЕЛИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 л., № 12.)
1873.

Уч. № 5176

BAYERISCHE
STAATS-
BIBLIOTHEK
MUENCHEN

По опредѣленію факультета восточныхъ языковъ печатать дозволяется.
2 Апрѣля 1873 г. Деканъ факультета восточныхъ языковъ
И. Березинъ.

1926. 8654

СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловіе V — XII.

I.

Отдѣлъ I. О грамматическихъ трудахъ Католикоса Антонія I, стр. 1 — 35. О таковыхъ же: Гаіоза 35 — 36. Царевича Давида 36 — 38. Варлаама 38 — 39. Картвелова 39. І. Чубинова 39 — 41. Фиралова 41 — 43. Царевича Іоанна 43. С. Додаева 43 — 44. П. Іосселіани 44 — 45. Д. Чубинова 45 — 46.

Отдѣлъ II. О грамматикѣ Маджія 46 — 55. Грамматическія замѣтки у Аделунга 55 — 56. Грамматич. компиляція С. Фатера 56 — 57. Грамм. Джиролама-да-Норчіи 57. О грамматическихъ трудахъ ак. Броссе 56 — 63.

Отдѣлъ III. Изслѣдованіе проф. Фр. Мюллера о грузинскихъ глаголахъ 64 — 66. Разсужденія о сродствѣ грузинскаго языка съ другими языками у Лейбница, ак. Броссе, Ев. Бюрнуфа, Фр. Боппа, М. Мюллера, Клапрота, Пота, Фр. Мюллера, Шпигеля и др. 66 — 78. Изслѣдованія о другихъ иберійскихъ нарѣчіяхъ Клапрота, Г. Розена 78 — 82.

II.

Фонетика. О звукахъ грузинскаго языка и алфавитныхъ знакахъ его 83 — 90.

Морфологія. О родѣ 91 — 92. О числѣ 92. О падежахъ 93 — 94. О прилагательныхъ и мѣстоименіяхъ 94. О глаголахъ 95 — 97. Примѣчанія 99 — 110.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Возникновеніе и развитіе грамматическихъ понятій въ литературѣ какого-нибудь народа, какъ признакъ сознательнаго, критическаго отношенія къ языку, есть, безспорно, одинъ изъ важнѣйшихъ шаговъ впередъ въ умственной жизни его. Но понятія эти возникаютъ и развиваются не вдругъ, а постепенно и въ разныхъ видахъ: сначала они тѣсно связаны съ экзегетическимъ и лексическимъ (этимологическимъ) розборомъ и объясненіемъ трудно понимаемыхъ писателей. Изъ экзегетико-этимологическаго хаоса мало-по-малу выдѣляются и спеціализируются логическія и грамматическія категоріи и опредѣленія; но грамматика и логика еще долго связаны между собою, грамматическія категоріи еще долго представляются въ формѣ логическихъ понятій и опрсдѣленій. Освободившись же и отъ этой логической примѣси, грамматич. категоріи все еще смѣшиваются между собою, такъ, напр. именительный падежъ, или имя, отожествляется съ подлежащимъ, глаголъ съ сказуемымъ, дополнительные члены предложенія съ косвенными падежами, фонетика съ орфографіей и т. п. Наконецъ установляется болѣе или менѣе строгое разграниченіе и между частями рѣчи и ихъ категоріями, составляется сборникъ правилъ и предписаній по лучшимъ (обыкновенно труднопонимаемымъ) писателямъ и принимается въ школахъ какъ руководство, „которое учитъ правильно говорить и писать“ на данномъ языкѣ. Но на этой ступени развитія грамматика еще не есть *наука*, она только *искусство* (τεχνή, ჴელოვნება), какъ она была извѣстна у древнихъ и у грузинскихъ грамма-

тиковъ. Древность не пошла дальше, грамматика служила для удовлетворенія практическихъ потребностей, напр. священникамъ и учителямъ нужна была для поученія народа въ церквахъ и школахъ и т. п., и только сравнительно въ недавнее время она стала настоящею наукой, изслѣдующей законы, управляющіе жизнью и развитіемъ языка. Въ этомъ видѣ грамматика достояніе и плодъ новѣйшаго времени, европейскаго ума. Но и въ первомъ видѣ, т. е. въ видѣ искусства, грамматическая дисциплина возникла и установилась вполнѣ самостоятельно, независимо отъ иностраннаго вліянія, далеко не у всѣхъ, или даже не у многихъ народовъ; только у двухъ классическихъ народовъ — индійцевъ и грековъ, встрѣчаемъ мы возникновеніе и органическое развитіе этой дисциплины; у обоихъ народовъ грамматическія попытки начались комментаріями древнѣйшихъ памятниковъ письменности — Ведъ и Гомера; зачатки эти, развиваясь и формируясь мало-по-малу, выразились, какъ въ окончательномъ результатѣ, у первыхъ въ образцовомъ грамматич. сборникѣ Панини (Pânini около III ст. до Р. Х.), у послѣднихъ въ грамматич. экскизѣ Діонисія ѳракійскаго (въ I ст. до Р. Х.). Этотъ послѣдній будучи примѣненъ къ латинскому языку, въ этомъ новомъ видѣ, часто съ латинскою же терминологіею, обошелъ весь цивилизованный міръ, (конечно, говорящій на приставочныхъ и флексивныхъ языкахъ), послуживъ то прямой, то косвенной причиной началу грамматической литературы у разныхъ народовъ древнихъ и новыхъ *).

Со времени принятія грузинами христіанства (въ началѣ IV в.) началось умственное и нравственное вліяніе Византіи и Сиріи на Грузію, греческое высшее духовенство долгое время было господствующимъ элементомъ въ странѣ; хотя въ VIII в. съ утвержденіетъ династіи багратидовъ въ Грузіи, мѣстное высшее духовенство окончательно пріобрѣло первенствующее значеніе и, въ этомъ отношеніи, иностранное вліяніе ослабѣло, тѣмъ не менѣе Греція еще долго служила источникомъ образованія для грузинъ, желавшихъ получить

---

*) Beiträge zur Geschichte der Grammatik etc. v. Dr. K. E. A. *Schmidt*, Halle, 1859. Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache v. *M. Müller*.... bearbeitet v. D. C. Böttger, Leipz. 1866, p. 96, 99. Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griehen u. Römern, v. *Steinthal*. Berl. 1863, p. 24. Geschichte d. Sprachwiss. u. orientalischen Philologie in Deutschland, v. *Benfey*. Münch. 1869, p. 190, 191.

высшее или лучшее, по тогдашнему понятію, образованіе. Такъ еще со времени царя Давида-Возобновителя (XI в.) положено было посылать въ Аѳины на счетъ царства ежегодно молодыхъ людей для полученія классическаго образованія. Этими-то возвратившимися грузинами (въ XI и XII в.) и сдѣланы переводы на груз. языкъ значительнаго числа греко-римскихъ писателей. Въ числѣ другихъ предметовъ, какъ видно, не была забыта и грамматика (см. стр. 12, 106, 107). Съ нашествіемъ монголовъ на Грузію (въ началѣ XIII в.), если не совсѣмъ прекращается, то значительно ослабѣваетъ это духовное общеніе между Византіею и Грузіею, въ которую за Чингизъ-ханомъ слѣдуютъ опустошмтельныя вторженія другихъ азіатскихъ не менѣе страшныхъ завоевателей — Тамерлана, шаха Абаса и др., разрушившихъ въ этой странѣ разсадники, хранилища письменности и просвѣщенія — монастыри и церкви, вмѣстѣ съ находящимися при нихъ школами и библіотеками. Къ этому же прибавились и внутренніе раздоры и несогласія, возникшія по раздѣленіи Грузіи на три царства (въ XV в.) между царями Карталиніи, Кахетіи и Имеретіи, такъ что въ продолженіе четырехъ вѣковъ (XIII — XVII), не только не было никакого приращенія къ умственному капиталу XI и XII вѣковъ, но и пропало многое изъ оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій, оставшихся отъ трудолюбивыхъ и просвѣщенныхъ дѣятелей этого классическаго періода грузинской литературы, и только съ начала XVII вѣка снова начинается на долго прерванная литературная дѣятельность, пробуждается любовь и къ древнимъ памятникамъ письменности, начинаютъ отъискивать между ними и грамматику. Царь Теймуразъ, кн. Саба Орбеліани — лексикографъ и баснописецъ, царь Вахтангъ VI — историкъ и законодатель, Вахуштій — географъ тщетно ищутъ, нигдѣ ее не находятъ; о грамматикѣ же, составленной по ихъ предложенію нѣкіимъ Захаріемъ, Антоній Католикосъ замѣчаетъ, что „она не есть грамматика.“

Наконецъ, въ половинѣ XVIII ст. самъ Антоній задумалъ составить грамматику грузинскаго языка, но прежде всего самъ изучаетъ „грамматическое искусство“ ქართველობითი ხელოვნებაᲡ. Плодомъ этихъ занятій и была грузинская грамматика Антонія, составленная по плану и методѣ грамматики Мхитара севастійскаго. Это было въ 1753 году. Черезъ четырнадцать лѣтъ, именно въ 1767 г. снова составляетъ грамматику грузинскаго языка, отличающуюся осо-

бенною подробностью и самостоятельностью какъ въ формальномъ, такъ и матеріальномъ отношеніяхъ. Вотъ этими-то грамматическими трудами Антонія Католикоса и начинается собственно *въ систему приведенная туземная грамматическая литература, дошедшая до насъ.* Многимъ изъ послѣдующихъ, туземныхъ грамматиковъ труды его служили и источникомъ и пособіемъ, такъ что самостоятельнаго и новаго внесли они въ груз. грамматику, по крайней мѣрѣ въ фактическомъ отношеніи, немного.

Иностранная грамматическая литература грузинскаго языка, начавшаяся съ первой половины XVII ст. продолжается вплоть до нашихъ дней. Въ продолженіе этого времени появлялось нѣсколько весьма дѣльныхъ трудовъ объ этомъ языкѣ, между которыми, безспорно, первое мѣсто занимаютъ грамматическіе труды г. академика Броссе, появившіеся въ 34 — 37 годахъ. Но съ того времени наука языкознанія сдѣлала громадные успѣхи: дисциплина ея сдѣлалась спеціальнѣе, опредѣленнѣе и строже, методы (естественный, статистическій, историческій и сравнительный), употребляемые ею, задачи и цѣли, преслѣдуемыя ею, выяснились и установились, вслѣдствіе чего измѣнились взгляды науки и ученыхъ на характеръ многихъ языковъ, между прочимъ и на характеръ грузинскаго языка (см. стр. 75), сообразно съ этимъ и изслѣдованіе ихъ потребовало новыхъ пріемовъ, новыхъ работъ и, прежде всего, пересмотра существующей грамматичеекой литературы этихъ языковъ. И дѣйствительно, если на основаніи строгихъ требованій современной лингвистической науки спросимъ: къ какимъ научнымъ результатамъ привела болѣе, чѣмъ двухвѣковая разработка грузинскаго языка туземными и иностранными грамматиками? Извѣстны ли основные законы его внутренняго механизма, его грамматическаго строенія? Съ какой семьей языковъ имѣетъ онъ генетическую связь? Мы должны будемъ признаться, что отнѣты, которые даетъ существующая грамматич. литература на упомянутые вопросы, далеко неудовлетворительны. Въ настоящее время лингвисты также даютъ этому языку эпитетъ „загадочный, удивительный“ (räthselhafte, merkwürdige), приступая къ анализу его формъ, и въ настосщее время также спорятъ объ его индо-европейскомъ характерѣ, какъ это дѣлалъ болѣе полутораста лѣтъ тому назадъ Лейбницъ (см. стр. 67).

Главнѣйшія причины этого явленія, по моему мнѣнію, заключаются, во первыхъ, безъ сомнѣнія, въ самой *трудности предмета из-*

слѣдованія, во вторыхъ, въ *недостаточности матеріала*, которымъ до сихъ поръ ограничивались изслѣдователи и, въ третьихъ, въ *неудовлетворительности системы, методы*, примѣняемой къ изслѣдованію его. Объяснимся: грузинскій языкъ, и самъ по себѣ полный особенностей и своеобразностей, будучи съ незапамятныхъ временъ подверженъ сильному культурному и литературному вліянію болѣе развитыхъ сосѣднихъ языковъ и народовъ, и притомъ различныхъ семействъ (индо-европейскаго, семитическаго, туранскаго), такъ исказилъ свою грамматическую физіономію и столько воспринялъ чуждыхъ лексическихъ и даже грамматическихъ элементовъ, что изслѣдователь не безъ большаго труда можетъ отличить въ немъ туземное отъ иностраннаго, слѣдовательно, первое дѣло изслѣдователя — стараться возстановить типъ языка въ возможно полномъ и цѣльномъ видѣ, очистивъ его, насколько это возможно, отъ иноязычной примѣси. Но для этого, конечно, недостаточно ограничиться однимъ только грузинскимъ языкомъ, а *расширить кругъ изслѣдованія*, обративъ вниманіе и на другіе діалекты (мингрельскій, лазскій, сванетскій) и говоры (напр. гурійскій, грузинскихъ горцевъ: тушинъ, пшавцевъ и хевеуръ) основнаго (Grundsprache) иберійскаго языка, въ которыхъ часто встрѣчаются древнѣйшія формы и особенности языка, утраченныя уже въ грузинскомъ. Въ этомъ убѣдилъ меня бѣглый обзоръ морфологіи иберійскихъ языковъ (см. стр. 77 — 78), такъ въ лазскомъ я нашелъ во всѣхъ временахъ еще одну цѣльную форму вспомогательнаго глагола, тогда какъ въ грузинскомъ она образуется изъ трехъ совершенно различныхъ глагольныхъ корней: наст. вр. ვ-ხმ, прош. ვ-ი-ყვ, будущ. ვ-ი-ქმნ-ებ-ი, первый изъ этихъ корней и есть собственно представитель значенія *существованія, бытья*, два остальные значатъ: *дѣлать, творить*, и въ страдательной формѣ употребляются вмѣсто утраченной формы вспомогательнаго глагола въ прошедшемъ и будущемъ временахъ. Наконецъ, третье, не менѣе важное препятствіе, мѣшавшее до сихъ поръ успѣшности изслѣдованія заключается въ томъ, какъ я убѣдился изъ обзора грамматич. литературы, что въ основаніе грузинской грамматики была положена и туземными и иностранными грамматиками греко-латинская грамматическая система, конечно, съ нѣкоторыми варіяціями. Система эта, не приведшая къ желаемымъ результатамъ и этимъ доказавшая свою негодность, должна быть замѣнена другою, болѣе соотвѣтствующей духу языка грузинскаго, даю-

щей особенностямъ его строенія болѣе простору, больше возможности обнаружиться, — метода эта, мнѣ кажется, можетъ быть напр. приблизительно въ родѣ той, какой держались В. Гумбольдтъ при изслѣдованіи баскскаго языка, Кастренъ — урало-алтайскихъ языковъ и какой держатся въ новѣйшее время г. академикъ Шифнеръ и баронъ П. К. Усларъ въ своихъ изслѣдованіяхъ о сѣверо-восточныхъ языкахъ Кавказа. Думаю, что результаты, имѣющіе получиться такимъ путемъ, судя по аналогіи, должны быть плодотворнѣе для науки, чѣмъ тѣ, которые добыты до сихъ поръ по господствующей методѣ, въ которой вѣртятся грамматики столько времени, какъ въ заколдованномъ кругу, не находя исхода.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о самой книгѣ. Цѣльнаго критическаго обзора всей грамматической литературы грузинск. языка еще никто не дѣлалъ, тѣ же библіографическія и критическія замѣтки, сдѣланныя, по большей части, людьми не близкознакомыми съ грузинскимъ языкомъ и его литературой, которыя появлялись по поводу выхода въ свѣтъ новыхъ грамматическихъ твудовъ, я указываю въ самой книгѣ. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что попытки сдѣлать обзоръ всей грамматической литературы, встрѣтила бы большія затрудненія, по недостатку матеріала, вездѣ, кромѣ С -Петербурга, гдѣ обширныя книгохранилища, такъ богатыя сокровищами особенно по части восточной литературы, дали мнѣ возможность имѣть подъ руками, за исключеніемъ двухъ-трехъ, почти всѣ рукописныя и печатныя сочиненія, относящіяся къ моему предмету.

Въ предлагаемомъ очеркѣ я даю первенствующее мѣсто грамматическимъ трудамъ Антонія Католикоса, какъ *первому подробному, еще неизданному произведенію туземной грамматической литературы*, дошедшему до насъ. Конечно, при этомъ всякій разъ указываю на улучшенія, сдѣланныя послѣдующими грамматиками какъ относительно болѣе раціональнаго распредѣленія грамматическаго матеріала, такъ и обогащенія грамматической науки новыми фактамя и наблюденіями. Я позволю себѣ обратить вниманіе читателя еще на слѣдующее обстоятельство: содержаніе грамматики, составленной Антоніемъ въ 1753 г., первый разъ дѣлается, въ существенныхъ чертахъ, извѣстнымъ въ печати; до сихъ поръ извѣстно было только, что „кромѣ пространной грамматики Антонія (1767 г.), существуетъ еще грамматика, составленная имъ въ 1753 г. по образцу Мхитаровой грамма-

тики“ *). Эта традиціонная фраза первый разъ находитъ подтвержденіе и поясненіе въ предлагаемомъ трудѣ. Я отъискалъ экземпляръ этой грамматики въ Азіатск. Музеѣ Академіи Наукъ подъ № 88, b. Результаты этой находки превзошли мои ожиданія: я нашелъ въ этой рукописи пространное предисловіе, которое я привожу въ переводѣ, выпуская, конечно, мѣста (какихъ очень много), не имѣющія отношенія къ занимающему меня предмету. Предисловіе это проливаетъ совершенно новый свѣтъ на исторію грузинской грамматики, — изъ него мы узнаемъ, что нѣсколько разъ были сдѣланы попытки къ составленію груз. грамматики, что одинъ изъ такихъ опытовъ уже существовалъ во время Антонія, котораго онъ, впрочемъ, даже не удостоиваетъ названія грамматики; далѣе, мы знакомимся съ длиннымъ процессомъ подготовки Антонія къ составленію грамматики и съ тѣмъ, какъ онъ пользовался гримматикой Мхитара, равно мы узнаемъ изъ этого же предисловія, что Антоній отрицалъ существованіе грамматики въ древне-грузинской литературѣ, тогда какъ онъ самъ же цитуетъ одного грузинскаго грамматика XII ст. Іоанна Петрици и нѣсколькихъ другихъ называетъ грамматиками (см. стр. 12).

Кромѣ цѣли *чисто-грамматической*, предпринимая предлагаемую работу, я имѣлъ въ виду и другую — *историко-литературную*. Разработка исторіи грузинской литературы находится въ настоящее время въ такомъ состояніи, что сдѣлать сколько нибудь наукообразный очеркъ грузинской литературы пока почти невозможно, такъ какъ значительная часть памятниковъ не разобрана критически, не указаны: авторъ, время, мѣсто написанія и т. п.; даже относительно многихъ памятниковъ не опредѣлено, оригинальны ли они или переведены съ иностранныхъ языковъ, наконецъ, многіе изъ тѣхъ, которые считаются за переводныя сочиненія — неизвѣстно въ точности когда, кѣмъ, съ какого языка, съ какимъ знаніемъ дѣла сдѣланы и т. п. Мнѣ кажется, что, если разработать критически сначала по частямъ, каждую отрасль литературы отдѣльно, (какъ это сдѣлано напр. академикомъ Броссе отно-

---

*) Ак. Броссе сожалѣетъ, что не имѣлъ подъ руками въ Парижѣ этого интереснаго труда Антонія: Antoni, jeune encore, говоритъ г. Броссе, rédigea en 1754 une première grammaire, qui avoit au moins 3 partes... elle étoit remplie d'exemples traduits de l'arménien, mais du moins n'y avoit-il aucun mélange de nos idées européennes, et c'est sous ce rapport que *je considère comme un grand malheur de n'avoir pu consulter ce livre*. L'Art Libéral. Paris, 1834. p. VI.

сительно исторической литературы), такъ, напр. поэтическую,—однихъ романовъ, конечно существующихъ еще въ рукописяхъ, считается до 25, далѣе, Житья святыхъ, которыми весьма богата грузинская литература и т. п., говорю, на основаніи такихъ изысканій современемъ можно будетъ сдѣлать подробный и наукообразный очеркъ исторіи груз. литературы. Льщу себя надеждой, что настоящій трудъ мой, разсматривающій грамматическую часть грузинской литературы, будетъ не безполезенъ и въ этомъ отношеніи.

I.

ОТДѢЛЪ I.

О ГРАММАТИЧЕСКИХЪ ТРУДАХЪ

КАТОЛИКОСА АНТОНІЯ I.

Was glänzt, ist für den Augenblick geboren;
Das Aechte bleibt der Nachwelt unverloren.

Гёте, «**Фаустъ**».

§ 1. Для лучшаго пониманія грамматическихъ трудовъ Антонія, слѣдуетъ намъ, прежде всего, познакомиться съ самою личностью автора, его біографіею, имѣющею тѣсную связь съ его трудами, въ которыхъ онъ неоднократно ссылается на обстоятельства своей жизни, знакомство съ которой проливаетъ новый свѣтъ и на его грамматическія произведенія; за тѣмъ сдѣлаемъ краткую характеристику его взглядовъ на языкъ, грамматику и т. п. на основаніи его же собственныхъ словъ, которыя мы предпошлемъ нашей характеристикѣ, въ виду бо́льшей убѣдительности ея для читателя и, наконецъ, описавъ рукописные грамматическіе труды, которыми мы пользовались, представимъ содержаніе ихъ съ указаніемъ мѣстъ, заимствованныхъ Антоніемъ изъ иностранныхъ авторовъ.

Антоній Католикосъ — патріархъ Карталиніи, Кахетіи и Албаніи, былъ сынъ царя Іессея, принявшаго магометанство, брата Вахтанга VI законодателя и историка. Антоній родился въ 1714 г. и былъ названъ Арчиломъ. Воспитывался въ Давидо-Гареджійской пустынѣ, въ 60-ти верстахъ отъ Тифлиса, подъ руководствомъ опытныхъ наставниковъ, изучая духовную и свѣтскую литературу и языки татарскій и персидскій.

Во время опустошительнаго набѣга турокъ и лезгинъ на Грузію родственники взяли 16-ти лѣтняго Антонія изъ упомянутаго монастыря и послали въ 1729 году скрыться въ Осетію; во время бѣгства его сопровождалъ памфилійскій митрополитъ Парфеній, который и училъ молодаго Арчила въ это же время греческому языку.

Послѣ смерти царя Іессея, въ 1729 году, турки подарили Арчилу (Антонію) отцовскій дворецъ въ Тифлисѣ и назначили ему жалованье изъ городскихъ доходовъ; здѣсь Антоній женился, но, вслѣдствіе разныхъ семейныхъ непріятностей, оставилъ жену и удалился въ Имеретію. Спустя нѣсколько лѣтъ жена его умерла, а онъ, оставшись вдовцемъ, поступилъ въ монахи (противъ воли матери) и названъ Антоніемъ [1]). Быстро прошелъ онъ всѣ степени монашеской іерархіи, такъ что въ 1738 году Антоній былъ уже Кутаисскимъ митрополитомъ, — ему тогда было 24 года отъ роду.

Въ 1747 году карталинскій царь Теймуразъ пригласилъ своего племянника Антонія на вакантное мѣсто Католикоса въ Тифлисѣ. Къ этому времени относится составленіе 1-ой грузинской грамматики Антонія; такъ какъ открытіе школъ въ большемъ количествѣ и учрежденіе Телавской семинаріи (въ Кахетіи) вызвали настоятельную необходимость и въ учебныхъ пособіяхъ, надъ составленіемъ которыхъ трудился, главнымъ образомъ, самъ же Антоній, то съ этою цѣлью онъ сблизился съ католическими миссіонерами и армянскими священниками, которые удовлетворяли его любознательность и помогали ему въ учебныхъ и ученыхъ работахъ; но народъ и царь это сближеніе приписали сочувствію католической церкви. По приказанію царя миссіонеры были удалены изъ предѣловъ царства, а Антоній преданъ церковному суду, который и имѣлъ мѣсто въ Мцхетѣ, древней столицѣ Грузіи, въ присутствіи самого царя. Антоній признался въ своемъ увлеченіи и просилъ прощенія у присутствующихъ, но судьи были неумолимы и, по 18-ти мѣсячномъ заточеніи въ темницѣ, лишивъ Антонія сана Католикоса, позволили ему выѣхать въ Россію, гдѣ въ то время жили его родственники [2]).

Въ апрѣлѣ 1756 года Антоній оставилъ Грузію, а въ мартѣ 1757 года онъ прибывъ въ С.-Петербургъ, представилъ Св. Синоду собственноручно-написанное исповѣданіе вѣры, которое было признано совершенно согласнымъ съ ученіемъ Православной Церкви, вслѣдствіе чего, по приказанію императрицы Елисаветы Петровны, было поручено

Антонію управленіе Владимірской епархіей съ званіемъ архіепископа. Въ 1764 году царь Ираклій II, вскорѣ послѣ восшествія на престолъ Карталинскій, пригласилъ Антонія снова въ Тифлисъ, возвративъ ему санъ католикоса. Умеръ 1-го мая 1788 года, по 24-хъ лѣтнемъ управленіи епархіею въ этомъ санѣ. Онъ оставилъ болѣе 25-ти сочиненій переводныхъ и оригинальныхъ (переводы были сдѣланы частью имъ самимъ лично, частью же подъ его главнымъ руководствомъ и редакціею); изъ нихъ около 15-ти духовнаго содержанія: Теологія въ 4-хъ частяхъ; Мартирологія или жизнеописаніе 19-ти грузинскихъ святыхъ; Готовый отвѣтъ, или опроверженіе ученій латинской, лютеранской и армянской церквей; Толкованіе посланія Апостола Павла къ римлянамъ; Толкованіе на 50 псаломъ; Прологъ или Синаксорій, въ ямбическихъ стихахъ, четверомѣсячіе (остальныя два четверомѣсячія принадлежатъ Петрицію и Арсенію). Исторія Ефесскаго Вселенскаго собора; Камень вѣры Стефана Яворскаго (перев. съ рус.). Остальныя — свѣтскаго, таковы: Краткая исторія Грузіи, Мѣрное слово (წყობილ-სიტყვაბა) (похвальное слово въ честь знаменитыхъ царей, святыхъ и писателей грузинскихъ), Грузинская грамматика, составленная въ 1753 г. по образцу Мхитаровой грамматики, Грузинская грамматика, составленная въ 1767 г. и Симетне — краткій очеркъ грамматики въ вопросахъ и отвѣтахъ для употребленія въ школахъ; этотъ послѣдній не есть отдѣльный трудъ, какъ увидимъ ниже, но прибавленіе къ 1-ой части первой грамматики Антонія; Общая философія Баумейстера, Дефинитивная философія, его же (оба съ примѣчаніями и комментаріями переводчика), новый переводъ (1-й былъ сдѣланъ въ XII в. Іоанномъ философомъ) категорій Аристотеля съ комментаріями, Реторика Мхитара (съ армянскаго), Физика Вольфа, Исторія Александра Македонскаго Квинта Курція.

Такова была полная дѣятельности и превратностей жизнь нашего грамматика! Постараемся сгруппировать тѣ мѣста изъ его грамматическихъ трудовъ, въ которыхъ яснѣе высказывается уровень его познаній вообще, степень его грамматическаго образованія, его взгляды на языкъ, слогъ литературный и грамматику.

Въ этомъ отношеніи особенно важны „предисловія“ къ обѣимъ грамматикамъ Антонія, которыя, сверхъ того, знакомятъ насъ (особенно

№ 1, первый разъ издаваемое мною) съ исторіею грузинскихъ грамматикъ и длиннымъ процессомъ подготовки Антонія къ составленію ихъ.

Въ одномъ мѣстѣ I-ой своей грамматики (стр. 406 № 1), Антоній высказываетъ свое мнѣніе о характерѣ и родахъ литературнаго языка, или слога, который можетъ быть и долженъ быть предметомъ грамматики. Нижеслѣдующія слова Антонія служатъ какъ-бы введеніемъ въ практическій грамматическій анализъ отрывковъ, приведенныхъ имъ изъ разныхъ туземныхъ и иностранныхъ авторовъ [3]); легко, конечно, замѣтить, что дѣленіе литературнаго языка на высшій, средній и низшій слоги (отсюда дѣленіе самыхъ литературныхъ произведеній), сдѣланное Антоніемъ, ничѣмъ существенно не отличается отъ обыкновеннаго дѣленія, принятаго въ учебникахъ реторики и въ наши дни.

„Прежде чѣмъ приведемъ примѣры изъ нѣкоторыхъ твореній первыхъ учителей, говоритъ Антоній, слѣдуетъ замѣтить, что всѣ они (сочиненія) могутъ быть раздѣлены на три рода: первый родъ тотъ, который, заключая въ себѣ меньшее число оборотовъ и выраженій высшаго слога (соб. бесѣды высшаго общества), представляетъ языкъ наиболѣе общедоступный, какъ напримѣръ, языкъ Синаксорій и повѣстей грузинскихъ. Второй родъ — это сочиненія, писанныя значительно возвышеннымъ и благозвучнымъ языкомъ и не такъ легко доступныя, какъ сочиненія перваго рода. Такова бо̀льшая часть книгъ св. Писанія. Третій родъ — это сочиненія, писанныя вполнѣ высокимъ и благозвучнымъ слогомъ, не для всѣхъ понятнымъ, но плодами которыхъ могутъ пользоваться только ученые, таковъ слогъ твореній Діонисія Богослова, Аѳанасія Великаго, Василія Кессарійскаго, Григорія Нисскаго, преподобнаго Ефрема Сирянина, преподобнаго Максима, св. Германа Константинопольскаго, Іоанна Философа грузинскаго, царя абхазскаго и карталинскаго Давида, преподобныхъ Ефрема и Арсенія — *грамматиковъ* (ღრთმეტყველთა), Арсенія грузинскаго патріарха, Шоты Руставели, написавшаго жизнеописаніе Тамары, и др. Грамматики должны пользоваться каждымъ изъ упомянутыхъ родовъ изложенія, сообразно съ требованіемъ предмета, о которомъ пишутъ и съ соблюденіемъ правилъ синтаксическаго построенія ихъ.

Если кто говоритъ съ народомъ (простымъ), или пишетъ что-нибудь полезное для него, то онъ долженъ излагать слогомъ перваго рода; если сочиненіе научнаго характера, или писатель желаетъ передать

удобопонятнымъ языкомъ [текстъ] св. Писанія и подобныхъ ему [твореній], тогда онъ долженъ слѣдовать второму роду изложенія, чтобы благородство словъ (соб. сладкозвучія) соотвѣтствовало бы благородству предложеній (рѣчи) и глубокій смыслъ заставлялъ бы умъ ученыхъ еще больше углубляться. Если же сочиненіе не предназначается ни для учащихся, ни для [простаго] народа, а для ученыхъ и образованныхъ, тогда слѣдуетъ обратиться къ третьяго рода [слогу], чтобы блескъ [изящество] предложеній (выраженій) и многознаменательность рѣчи въ состояніи были удалить лѣнь отъ умовъ читателей, и радуя чувства ихъ, все больше и больше превлекали бы къ занятію подобнаго рода сочиненіями".

Эти взгляды Антонія на языкъ, слогъ и на роды литературныхъ произведеній объясняютъ намъ многое и относительно его собственныхъ сочиненій, писанныхъ почти безъ исключенія по выше привеннымъ правиламъ.

Рѣчь Антонія, никогда не отличающаяся ни сжатостію, ни простотою и ясностію въ „предисловіяхъ" имѣетъ, кромѣ того, религіозно-схоластическій характеръ по преимуществу, часто въ ущербъ самому смыслу, — такъ, Антоній дѣлитъ предисловіе своей грамматики № 1 — на „шесть словъ" ხოტყ̂ნ и „первое слово" состоитъ почти только изъ однихъ текстовъ св. Писанія, приведенныхъ слово-въ-слово, или въ перифразѣ, часто неимѣющихъ между собою никакой связи. Особенно часто цитуетъ онъ тексты изъ книгъ Премудрости Соломона, — всѣ они имѣютъ, впрочемъ, весьма похвальную цѣль, доказать на основаніи словъ св. Писанія, необходимость ученія и просвѣщенія.

Слово 2-ое.

Начинается такъ: *причина составленія этой книги (грамматики).* Желаю еще при жизни, говоритъ Антоній, письменно открыть тайну вамъ, о сіятельные господа, пречестные отцы, братья, ближніе и дѣти возлюбленные, *о томъ какъ и почему я принялся за составленіе новой грамматики на нашемъ, грузинскомъ языкѣ.* Слѣдуетъ замѣтить, что *мы не нашли ни одной грамматики, переведенной (на грузинскій языкъ) отцами-переводчиками.* Затѣмъ Антоній перечисляетъ извѣстныхъ грузинскихъ переводчиковъ числомъ до двадцати и между

ними „Іоанна божественнаго философа, котораго мы называемъ обыкновенно Петрици“. Переводы ихъ существуютъ во множествѣ и въ настоящее время, продолжаетъ нашъ авторъ, правда, многое пропало во время непріятельскихъ нашествій, часть же уцѣлѣла въ св. городѣ (Аѳинахъ) и на св. горѣ (Аѳонѣ), въ грузинскомъ (Иверскомъ) монастырѣ, но мы ни отъ кого не слышали, чтобы существовала грамматика [въ переводѣ?] на грузинскомъ языкѣ между оставшимися книгами до разоренія или послѣ разоренія [Тифлиса [4])]. Еще *царь Вахтангъ* [*VI*] сынъ Леона, желая найти эту книгу (грамматику въ переводѣ?) искалъ ее всюду долгое время, онъ старался всѣми силами просвѣтить свое царство свѣтомъ науки, — этому свидѣтельницей вся Грузія. Этотъ удивительный мужъ зналъ, что озаряя свой народъ свѣтомъ новой науки, тѣмъ самымъ приведетъ къ Живущему въ свѣтѣ неприступномъ. Въ его же царствованіе жилъ нѣкто монахъ по имени *Саба родомъ Орбеліани*, ревностный любитель мудрости (знанія), ему же подражали въ этомъ отношеніи и племянники его, подвизавшіеся до начала нашей книжной (литературной) дѣятельности, равно и современники мои, люди духовнаго званія, — всѣ они дали себѣ не мало труда, отыскивая грамматику; особенно былъ занятъ этою мыслью родственникъ мой, большой любитель знанія, сынъ царя Вахтанга (VI) *Вахуштій* [5]). Когда всѣ ихъ усилія [найдти грамматику] оказались тщетными, тогда обратились къ одному изъ тифлисскихъ гражданъ (მოქალაქე), называемому нынѣ вартапетомъ Захаріей, который по просьбѣ ихъ приступилъ къ переводу грамматики (съ армянскаго?), въ царствованіе Арчила (1647—1712). Этому переводу дали названіе „грамматика“, *которая* [*однако*] *не есть грамматика* [6]).

Слово 3-ье.

... Будучи помазанъ еллеемъ невидимой благодати, мнѣ первому удалось найти части рѣчи [въ грузинскомъ языкѣ]....

Слово 4-ое.

А теперь упомянемъ обстоятельство, подавшее намъ поводъ къ составленію настоящаго труда.... Богъ ниспослалъ царствованіе царей Теймура [II, 1744—1761] и сына его Ираклія [II, 1761—1798]; оба эти царя сильно желали найдти (изслѣдовать) правила грузинской

грамматики, но они не могли найдти [въ видѣ сотрудника] знатока грамматики какого-нибудь изъ иностранныхъ языковъ. Я же, будучи хорошо знакомъ съ нашимъ языкомъ, пожелалъ еще больше изслѣдовать его. Спустя нѣсколько лѣтъ я познакомился съ однимъ священникомъ Филиппомъ Каитмазашвили; [онъ былъ] по происхожденію Ерманянъ (армянинъ) т. е. Гайосіанъ, дворянинъ изъ владѣній князя Орбеліани; съ нимъ я очень подружился и стали заниматься каждый день вмѣстѣ изслѣдованіемъ предложеній (словъ) каждаго отдѣльно. Прежде всего я перевелъ съ армянскаго языка категоріи Аристотеля въ двухъ частяхъ [разсуждающія] о словосочиненіи и предложеніи т. е. о силогизмѣ, — чему я былъ весьма радъ и благодарилъ Бога моего св. Духа. Бесѣдуя между собою, мы стали говорить о томъ, чтобы сдѣлать и переводъ грамматики; но меня удерживало то, что умъ мой не имѣлъ грамматическаго образованія, между тѣмъ, священникъ Филиппъ былъ весьма близко знакомъ съ грамматическимъ искусствомъ, [такимъ образомъ] положившись на премудрость Божію, согласно съ повѣленіемъ царя Теймураза (II) и сына его (Ираклія II) предприняли мы это дѣло (составленіе грамматики). Филиппъ познакомилъ меня сначала кратко съ частями рѣчи, за тѣмъ съ опредѣленіями и свойствами грамматики, буквъ, слоговъ, словъ, и предложеній и постепенно излагалъ мнѣ части рѣчи и принадлежности ихъ, вводя меня незамѣтно въ дверь мудрости. И поелику благодать [Божія] помогла мнѣ, то умъ мой, познавъ ее, зачалъ грамматическую науку.

Мы не ограничивались изученіемъ одной армянской грамматики, но обращались и къ латинскимъ грамматикамъ [миссіонерамъ], у которыхъ тщательно собирали свѣдѣнія [касательно грамматики]; они хотя и не знали грузинскаго языка, но такъ какъ мы имъ ставили вопросы правильно, то легко разумѣли они [насъ]; сообщенными свѣдѣніями, мы дополняли армянскую грамматику и въ этомъ видѣ передавали ее [на грузинскій языкъ]. Что же касается до Синтаксиса, разсуждающаго о сочетаніи предложеній (словосочиненій), то и съ нимъ познакомилъ меня слегка тотъ достохвальный мужъ, соболѣзнующій мнѣ Филиппъ. Сходное [явленіе, форму] съ тѣмъ, съ которымъ я знакомился [въ другихъ языкахъ], легко находилъ я и въ грузинскомъ языкѣ, къ которому *примѣнялъ все, что было нужно или полезно* [*для него*].

Слово 5-ое.

По зрѣломъ обсужденіи и изслѣдованіи, мы признали нужнымъ *ввести* (შემოუვსებს) въ нашъ языкъ восемь частей рѣчи и нѣсколько [категорій] производныхъ [словъ], которыя, если и сходны иногда по формѣ съ причастіями, [тѣмъ не менѣе] легко отличить ихъ [другъ отъ друга], по мѣрѣ упражненія ума [въ грамматическомъ анализѣ]. Нашъ языкъ *потребовалъ* (დასჭირდეს) *восемь* падежей и *три* склоненія.

Во вторыхъ, [мы разсуждаемъ] о мѣстоименіи; опредѣлили правила для указательныхъ, притяжательныхъ и относительныхъ [мѣстоименій].

Въ третьихъ, я изложилъ наиболѣе употребительные и необходимые для нашего языка правильные и неправильные глаголы, изслѣдованіе которыхъ стоитъ много труда, но съ помощью Бога, давшаго намъ духъ безсмертный приступилъ и къ изслѣдованію глаголовъ, и такъ какъ милости Божьи велики, то далъ мнѣ силу достигнуть желанной [цѣли], не ради насъ самихъ, но ради раба своего, отца нашего Давида (царя-пророка).

Въ четвертыхъ, мы подробно разсуждаемъ о свойствахъ и принадлежностяхъ грузинскихъ причастій и употребленіи ихъ [въ рѣчи].

Въ пятыхъ, о сологахъ (თანდებული = compositio), ихъ природѣ, раздѣленіи, о каждой категоріи въ отдѣльности и употребленіи ихъ въ рѣчи. Я назвалъ ихъ *сологами* — თანდებული „вмѣстѣ полагаемый“, такъ какъ они полагаются не только въ началѣ слова, но и въ концѣ.

Въ шестыхъ, мы нашли и *нарѣчія* (ზმნა-ზედსართავი) *необходимыя для нашего языка* и изложили каждый отдѣлъ особо, подобно сологамъ, о чемъ я радуюсь....

Въ седьмыхъ, — мы распредѣлили междометія на нѣсколько видовъ, необходимыхъ для нашего языка; я *ввелъ также новыя*, соотвѣтствующія духу его, я *знаю, невпъжественные люди отнесутся къ нимъ (нововведеніямъ) не сочувственно, но снесу* [*ихъ нападки*] *во имя науки.*

Въ восьмыхъ, я изложилъ много видовъ союзовъ, приведенныхъ мною въ учебную систему [для васъ] дѣти мои, слушайтесь меня, внемлите ученію и не гнѣвайте Господа.

Упомянемъ, наконецъ о синтаксисѣ т. е. о словосочиненіи. Изслѣдуя творенія св. отцевъ грузинскихъ, я замѣтилъ, что при всѣхъ разнообразіяхъ (особенностяхъ), всѣ они подчиняются [однимъ и тѣмъ же] синтаксическимъ правиламъ; такъ отглагольное имя имѣетъ характеръ глагола. Я опредѣлилъ когда и какъ сочиняется падежъ прямой (именительный), когда повѣтствовательный и когда звательный; когда подлежащія глагольнаго происхожденія, или имѣющія природу глагола, равно и опредѣлительные и другіе необходимые члены словосочиненія (предложенія). За тѣмъ принаровилъ я къ грузинскимъ звукамъ, произношенію и письму титла, просодію и знаки [препинанія], а число грузинскихъ буквъ я увеличилъ одной весьма необходимой буквой.

Слово 6-ое.

Желаю повѣдать о своихъ тяжелыхъ трудахъ тѣмъ, которые меня лично не видѣли, чтобъ сердца ихъ исполнились любовью къ мудрости..... Вы знаете, братья мои, что мое пришествіе къ вамъ [изъ Кутаиса въ Тифлисъ], не было дѣломъ случайности, но, что согласно съ желаніемъ всѣхъ нашихъ современниковъ, было приказано мнѣ царемъ принять управленіе вами, — всѣми Картвелами. Сдѣлавшись же пастыремъ вашимъ и, зная, что однаго слышаннаго недостаточно, я счелъ своею обязанностью, принявъ сердечное участіе въ васъ, просвѣтить души ваши, какъ пасомыхъ, наукою; [такимъ образомъ] любовь къ вамъ вызвала умъ мой къ дѣятельности и по плодамъ можете узнать сокровенную причину ихъ.

Какъ только вступилъ въ управленіе паствой, сталъ отъискивать я, второй Немія, священный огонь, скрытый Іереміею и хотя священный огонь былъ залитъ водою, но, положивъ его на алтарѣ всесожженія, снова воспламенился и пожралъ жертву всесожженія; теперь же, когда священный огонь найденъ, умоляю васъ и заповѣдаю вамъ, дѣтямъ моимъ, не дѣлать жертвоприношенія безъ него, ибо посредствомъ него можно будетъ возстановить снова всѣ украшенія Сіона....."

Очевидно, что этою библейскою образностью Антоній выражаетъ желаніе, чтобы съ этихъ поръ писатели грузинскіе руководствовались грамматическими правилами и не писали кому какъ вздумается, полагая, что этимъ способомъ можно будетъ возсоздать забытыя и утраченныя формы языка въ ихъ прежней полнотѣ и разнообразіи.

„Не могу утверждать, продолжаетъ Антоній, братья мои, что не осталось грузинскаго слова, котораго бы я не упомянулъ въ этой грамматикѣ, да это и не возможно, но, скажу вамъ, что невозможно найдти грузинскаго слова, которое бы не подходило подъ то, или другое правило моей грамматики.....

Этимъ оканчивается предисловіе I-ой грамматики Антонія. Здѣсь же приводимъ и „Предисловіе грамматики № 2“.

Въ началѣ предисловія Антоній распространяется о необходимости трудиться для блага ближнихъ и совѣтуетъ избирать „хорошія (вѣрныя?) средства для достиженія хорошихъ цѣлей“ — затѣмъ продолжаетъ: „всѣ наши дѣйствія и настоящій трудъ имѣютъ цѣлью безъ препятствій и заблужденій вести васъ къ дверямъ мудрости, между тѣмъ, философы называютъ предлагаемую книгу *искусства* т. е. грамматику дверью мудрости, такъ какъ *грамматика есть возможность* (მეძღებელობა) *правильно говорить и писать*, а не умѣя правильно говорить и писать невозможно любить мудрость, слѣдовательно грамматика есть дверь мудрости. Зная, что единомысліе между ближними украшаетъ мудрость и, что единомысліе между братьями приводитъ къ единой вѣрѣ, надеждѣ и любви, но и съ которыми еще нельзя быть сопричастнымъ Божеству безъ пріобрѣтенія мудрости, которую въ свою очередь можно стяжать мудростью же (знаніемъ), то я не счелъ лишнимъ два раза составить грамматику, служащую дверью мудрости [7]).

Причины, побудившія меня къ составленію первой грамматики, я уже изложилъ вамъ, — второй же разъ я снова предпринялъ такой трудъ *потому, что многое казалось мнѣ* [*въ первомъ трудѣ*] *несвойственнымъ грузинскому языку и многое было свойственно и необходимо ему, чего не было въ первой моей грамматикѣ;* ибо хотя я и тогда тщательно обсуждалъ каждую часть рѣчи, чему свидѣтельницей истина, но, такъ какъ предметъ изслѣдованія былъ для насъ новъ, то неудивительно, что мы не могли тогда составить полнаго и яснаго понятія о немъ.

Послѣ того какъ, во время пребыванія нашего въ Россіи, мы перевели (на груз. яз.) мѣсячную книгу, Параклитикосъ, Типиконъ, Исторію Александра Великаго Квинта Курція въ 10-ти книгахъ, Полную и Дефинитивную философію (Баумейстера); тогда умъ нашъ еще болѣе изощрился; по возвращеніи же на родину мы перевели еще реторику (Мхитара?) и категоріи Аристотеля [8]). Еще въ бытность нашу въ Россіи спрашивалъ я знатоковъ греческаго, латинскаго, французскаго, итальянскаго, нѣмецкаго и русскаго языковъ объ употребленіи частей рѣчи и принадлежностей ихъ въ упомянутыхъ языкахъ и они мнѣ сообщали (желаемое), отъ чего умъ мой еще больше вникъ въ это искусство (грамматику). Кромѣ того, преподавая ученикамъ своимъ грамматику я старался строго и внимательно обсуждать все, чтобы не сообщить имъ ложныхъ мыслей, въ слѣдствіе этого я всмотрѣлся глубже [въ языкъ] и такимъ образомъ пришелъ я къ тому заключенію, что, такъ сказать, по необходимости долженъ былъ исправить составленную прежде мною грамматику.

Все, что я въ состояніи былъ сдѣлать—сдѣлано въ предлагаемой книгѣ. Она состоитъ изъ четырехъ главныхъ частей, а вмѣстѣ съ подраздѣленіями ихъ — изъ восьми частей. Въ этой вновь составленной грамматикѣ опредѣленія (грам. категорій), заключающіяся во второй части найдены и составлены мною.

Ученіе о Синтаксисѣ облегчилъ я, обогативъ многими примѣрами. Всѣ три части, сообразно съ новой системой, раздѣлилъ на параграфы, главы же остались по системѣ Мхитаровой грамматики, впрочемъ нѣкоторыя изъ нихъ какъ лишнія исключены или измѣнены и вмѣсто нихъ введены новыя“.

Оканчивая предисловіе Антоній проситъ прощенія за ошибки и приглашаетъ читателей быть признательными и благодарить царя Ираклія (II) подъ покровительствомъ и по иниціативѣ котораго предпринялъ онъ настоящую работу.

Попытаемся теперь, на основаніи предпосланныхъ документовъ, съ указаніемъ и на другія мѣста разбираемыхъ нами трудовъ, представить характеристику нашего автора какъ грамматика.

а) Первое что̀ обращаетъ на себя наше вниманіе, — это противорѣчіе въ словахъ Антонія относительно существованія грузинской грамматики до него; мы видѣли, что Антоній отрицаетъ существованіе грамматики въ древне-грузинской литературѣ, между тѣмъ въ

§ 258 своей грамматики № 2, говоря объ образованіи формы страдательнаго глагола посредствомъ начальной гласной ი (ვ-ცემ бью, ვ-ი-ცემ-ები, ვ-ი-ცემ-ი, ვ-ი-ცემ-ვი бьюсь, меня бьютъ), прибавляетъ, что страдательныя формы образуются *въ неокончательномъ наклоненіи* посредствомъ конечной согласной ვ (ჭვ-ჭამ-ѣсть, ჭვ-ვ-ს (?) быть съѣдаему и т. п.) и, *что это правило принадлежитъ Петрици* (ж. въ XII в.) [9]), хотя правило это искуственно *для неопредѣленнаго наклоненія*, плодъ келейной работы головы схоластика-грамматика и такой страдательной формы не знаетъ грузинскій языкъ въ упомянутомъ наклоненіи, но только въ *настоящемъ времени* (ვ-ი-ცემ-ები, или ვ-ი-ცემ-ვ-ი одинаково правильно); но для насъ важенъ фактъ, который, не смотря на свою ошибочность, показываетъ, что трудъ Петрици былъ остроумный грамматическій трактатъ спеціальнаго характера.

Далѣе самъ же Антоній даетъ св. отцамъ-переводчикамъ Арсенію и Ефимію, равно и Петрици, эпитетъ *грамматиковъ*, наконецъ во многихъ мѣстахъ своихъ грамматикъ Антоній приписываетъ грамматическую терминологію первымъ грузинскимъ грамматикамъ. — Теперь, рождается вопросъ, какъ согласить эти мѣста съ словами Антонія, что „онъ, будучи помазанъ елеемъ невидимой благодати, *первый* открылъ законы грузинскаго языка“ ?

До-сихъ-поръ т. е. до изданія предисловія грамматики № I Антонія, противорѣчіе въ словахъ его ни кѣмъ не было замѣчено и объ этомъ никто ничего не зналъ, такъ какъ не было извѣстно содержаніе этой № I грамматики Антонія.

Впрочемъ, нужно признаться, что это отрицаніе грузинской грамматики до 17 ст. у Антонія не ясно высказано, — отрицалъ ли вообще существованіе грузинской грамматики въ древней литературѣ, или только грамматики въ переводѣ (переводнымъ сочиненіямъ Антоній придавалъ особенную важность), — въ послѣднемъ случаѣ противорѣчіе, конечно, само собою изчезаетъ, ибо могла существовать грамматика Петрици, но *не переведенная* съ иностраннаго языка, а *оригинальная;* въ первомъ же случаѣ, т. е. если Антоній совершенно отрицалъ вообще существованіе грузинской грамматики и въ то же время цитовалъ древнихъ грамматиковъ, — тогда вопросъ принимаетъ другой характеръ и мы должны постараться устранить или объяснить происхожденіе этого противорѣчія.

За отвѣтами на нижеслѣдующіе вопросы обратимся къ самымъ же трудамъ Антонія: какъ онъ понимаетъ слово ღრამმატიკოს „грамматика“ и ღრამმატიკობაჲ „грамматикъ?“ не отрицаетъ ли Антоній существованіе грамматики, вслѣдствіе желанія присвоить себѣ честь перваго грамматика? не нашелъ ли грамматику Петрици въ промежутокъ времени (14 л.) между составленіемъ 1-ой грамматики и 2-ой? Наконецъ что̀ можетъ быть наиболѣе вѣроятной причиной отрицанія существованія грамматики въ древне-грузинской литературѣ?

Подъ именемъ „грамматика“ Антоній понимаетъ „искусство правильно говорить и писать“, слѣдовательно сборникъ правилъ и предписаній о томъ *какъ слѣдуетъ говорить и писать*; подъ названіемъ же „грамматикъ“ онъ понимаетъ: грамматика въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. автора грамматики, кромѣ того, — писателя вообще, ритора, стилиста, ученаго, хорошаго переводчика, комментатора, наконецъ учителя грамматики, даже и изучающаго грамматику. — Такъ грамматиками онъ называетъ св. отцевъ грузинскихъ переводчиковъ (библіи и другихъ церковно-богослужебныхъ книгъ, равно и твореній св. отцевъ), двумъ изъ нихъ Ефимію и Арсенію даетъ эпитетъ „*грамматикъ*“, равно какъ и Петрици. Въ грамматикѣ № 1 гл. 21 носитъ такое заглавіе: „о различіи слога у нашихъ *грамматиковъ*. Возвѣщаемъ всѣмъ сынамъ Грузіи какъ молодымъ, такъ и старикамъ, что *наши грамматики* писали различнымъ другъ отъ друга слогомъ (ღრამმატიკოსობდეს) въ своихъ переводахъ, такъ какъ эти послѣдніе отличаются другъ отъ друга по языку“. — Въ § 258,з, грамматики № 2, у Антонія сказано: „*спряженіе* называется у *нашихъ первыхъ грамматиковъ* შეუღლებაჲ. Отъ такого обширнаго пониманія и неопредѣленности словъ „грамматика и грамматикъ“ происходитъ сбивчивость въ трудахъ Антонія, не позволяющая сказать положительно, что̀ авторъ разумѣлъ въ данномъ мѣстѣ своего сочиненія.

Допустить мысль, что Антоній отрицалъ существованіе грамматики въ древне-грузинской литературѣ, желая, по обыкновенной слабости человѣческой природы, приписать себѣ честь составителя первой грамматики, — нельзя, потому, что мы знаемъ, какъ высоко отзывается онъ, напримѣръ, о Петрици въ своемъ сочиненіи „Мѣрное слово“ называя его философомъ, астрономомъ, астрологомъ, богословомъ, стихологомъ (поэтомъ), риторомъ и

наконецъ *грамматикомъ*. Далѣе, мы видѣли, съ какою искренною признательностью и любовью Антоній упоминаетъ о сотрудникахъ и учителяхъ своихъ, помогавшихъ ему въ трудномъ дѣлѣ грамматическаго образованія и составленія грамматики.

Предположить, что въ промежуткѣ времени между составленіемъ 1-ой и 2-ой грамматики, Антоній нашелъ грамматическое сочиненіе Петрици, — какъ я сначала думалъ, — тоже нельзя, такъ какъ Антоній цитуетъ и въ грамматикѣ № 1 правило Петрици объ образованіи страдательной формы посредствомъ ვ, не говоря, впрочемъ, кому это правило обязано своимъ происхожденіемъ, какъ это дѣлаетъ въ грамматикѣ № 2.

Наконецъ, мнѣ кажется, что побудительной причиной отрицанія существованія грамматики въ древне-грузинской литературѣ могло служить Антонію его собственное, высокое понятіе о „грамматическомъ искусствѣ“ какъ „двери мудрости“, и съ этой точки зрѣнія всѣ эти грамматико-логическія комментаріи, экзегетическія сближенія и этимологическія толкованія, разсѣянныя у писателей различныхъ вѣковъ, или даже спеціальные и остроумные грамматическіе трактаты, какимъ, безъ сомнѣнія, было грамматическое сочиненіе Петрици,—Антоній могъ считать дѣйствительно не заслуживающими названія грамматики. Такими же казались ему переводы съ иностранныхъ грамматикъ въ родѣ того, какой былъ сдѣланъ „нѣкіимъ тифлисскимъ гражданиномъ Захаріей“, о трудѣ котораго Антоній замѣчаетъ, что онъ „не есть грамматика“ — говорю всѣ эти грамматическіе труды, вѣроятно, безъ строгой системы и методы, понятно, не могли удовлетворить схоластико-аналитическаго, самобытнаго ума Антонія, соотвѣтствовать его идеалу грамматики и онъ задумалъ составить сначала по образцу Мхиторовой грамматики, а потомъ свою собственную. Этимъ капитальнымъ трудомъ, самымъ подробнымъ и полнымъ грамматическимъ сборникомъ, дошедшимъ до насъ, безспорно, онъ заслужилъ право перваго грузинскаго грамматика, въ строгомъ смыслѣ слова, который смѣло могъ сказать, что „будучи помазанъ елеемъ невидимой благодати первый открылъ законы грузинскаго языка“ [10]). И такъ отрицаніе, или умаленіе грамматическихъ заслугъ предшественниковъ, вѣрнѣе всего, произошло у Антонія, вслѣдствіе преувеличеннаго мнѣнія о „грамматическомъ искусствѣ“ и неопредѣленности словъ, „грамматика, грамматикъ“. Одно положительно можно сказать что у Антонія были предшественники на грам-

матическомъ поприщѣ, чего онъ самъ не отрицаетъ, что̀ видно между прочимъ и изъ того, что онъ постоянно говоритъ и о первой и о второй грамматикѣ: ახლად შედგენილი ჩემ მიერ, ახალი ქართველთაჲს „*вновь* составленная мною грамматика, „*новая* грамматика“; но такіе, вѣроятно, которыхъ грамматическіе труды не могли сравниться съ его трудами этого рода. Въ какомъ видѣ Антоній нашелъ грамматическія работы предшественниковъ и что онъ внесъ своего собственнаго, новаго — изслѣдованіе этого интереснаго вопроса предоставляю будущему; по мѣрѣ накопленія необходимаго матеріала для опредѣленія состоянія грамматики въ до — антоніевскую эпоху, надѣюсь поговорить съ любителями древне-восточной литературы, какъ только обстоятельства позволятъ. Пока съ достовѣрностью можно сказать, что могли существовать, по крайней мѣрѣ, общія опредѣленія грамматическихъ категорій, раздѣленіе на части рѣчи, грамматическая терминологія, изложеніе существеннѣйшихъ отдѣловъ грамматики — склоненій и спряженій, словомъ существовалъ уже, такъ сказать, скелетъ грамматики.

б) Взгляды Антонія на языкъ, какъ на грамматику, ничѣмъ существенно не отличаются отъ взглядовъ большинства его современниковъ. Онъ часто цитуетъ въ своей грамматикѣ № 2, мѣста изъ Баумейстера и Вольфа при опредѣленіи ли разныхъ категорій грамматики, или трактуя о существѣ и значеніи ея предмета. Антоній считаетъ грамматику, какъ мы видѣли, *искусствомъ* (ჴელოვნებაჲ) *правильно говорить и писать;* при такомъ взглядѣ на языкъ и его науку, очевидно, роли между этими послѣдними совершенно мѣняются: *цѣль* — языкъ обращается въ средство, а *средство* — грамматика дѣлается цѣлью. Вслѣдствіе того, что грамматика считается искусствомъ, которое можетъ и должно учить говорить и писать *правильно*, совершенно естественно вытекаетъ заключеніе, что грамматика можетъ и должна *предписывать правила*, по своему благоусмотрѣнію, какія найдетъ необходимыми для достиженія своей цѣли; слѣдовательно, грамматикѣ предоставляется роль *активная*, *законодательная*, языкъ же въ этомъ случаѣ играетъ роль *пассивную*, принимающую предписанія грамматики не къ свѣдѣнію только, но и къ *руководству*.

Односторонностью и ошибочностью этого основнаго положенія, большей посылки объясняются и ошибки въ выводахъ и приложеніи ихъ къ дѣлу, практикѣ; сюда относятся, напримѣръ, многія мѣста въ грамматическихъ трудахъ Антонія, позволяющія заключить, что онъ раз-

сматривалъ всѣ языки какъ бы выбитыми на одну колоду: что̀ одинъ языкъ имѣетъ, — имѣетъ и другой или *долженъ получить*, на то и существуетъ грамматика, т. е. искусство, предназначенное поправлять и пополнять языкъ, недостающими ему формами. Далѣе изъ сходства языковъ вытекаетъ то положеніе, что грамматическія схемы одного языка могутъ быть примѣнены къ другому. Въ силу такого ошибочнаго пониманія роли *грамматика*, *грамматики* и *языка* нашъ авторъ считаетъ себя въ правѣ *вводить* въ языкъ *звуки* и *формы*, которыми предполагается или облегчить произношеніе (см. стр. 9), или обогатить языкъ (см. § 207 винит. падежъ), или наконецъ, съ педагогическою цѣлью, — для вящшей ясности и наглядности въ синтаксическомъ или реторическомъ отношеніяхъ, напримѣръ, когда Антоній убѣдился, что для винительнаго падежа въ грузинскомъ языкѣ нѣтъ особенной, спеціальной формы, тогда онъ предлагаетъ отмѣчать слово, имѣющее по смыслу рѣчи, значеніе винительнаго падежа черточкою сверху (см. § 207 № 2). По праву же грамматика, своеобразно понятому, Антоній измѣняетъ самыя коренныя особенности грузинскаго языка, — такъ многія изъ *послѣловъ* (Postpositiones), которыми этотъ языкъ изобилуетъ, онъ обращаетъ въ *предлоги* (prepostiones), напримѣръ, послѣлоги თჳს для, მებრ по (სახლისა-თჳს, კაცისა-მებრ): *для* имени, *по* человѣку (собственно: имени — *для*, человѣку — *по*), онъ пишетъ თჳს-სახლისა, მებრ-კაცისა равно и порядочное числительное პირუჳლი — первый, онъ составляетъ, вѣроятно для единообразія, совершенно искусственно и произвольно отъ количественнаго ერთი — одинъ: მე-ერთ-ე, этой формы грузинскій языкъ вовсе не знаетъ, а замѣняетъ формою отъ другого корня პი̀რუჳლი. Между прочимъ и выраженія Антонія въ приведенныхъ предисловіяхъ достаточно выясняютъ его взглядъ на языкъ: онъ часто говоритъ о себѣ, что *вводилъ* (შემოვიუჳნებდი), въ языкъ грузинскій все, что ему казалось для него важнымъ и нужнымъ. Легко понять, что при такомъ *введеніи* (а не *выведеніи*), или нововведеніяхъ дѣло не обходилось безъ насилій, урѣзываній и искаженій фактовъ языка. Словомъ, Антоній понимаетъ грамматику не какъ науку, представляющую сводъ законовъ, управляющихъ жизнью и развитіемъ языка и выведенныхъ изъ тщательно изслѣдованныхъ фактовъ самого же языка, но на оборотъ, у него языкъ подгоняется къ готовымъ грамматическимъ схемамъ.

Со взглядами же Антонія на языкъ или слогъ литературный мы имѣли выше случай познакомиться: дѣленіе Антонія литературнаго языка на *для всѣхъ доступный* (языкъ повѣстей), — на *доступный для образованныхъ* (языкъ бо́льшей части книгъ Библій) и на языкъ — *доступный только мудрецамъ* (= ученымъ) *и философамъ*, — обличаетъ въ авторѣ сына своего вѣка.

в) Если ошибочныя понятія о сущности, цѣли и предметѣ грамматики Антоній раздѣляетъ съ большинствомъ современныхъ ему грамматиковъ, даже европейскихъ, за то есть у него недостатки, лично ему принадлежащіе, — нѣтъ у него строгой методы и системы въ распредѣленіи грамматическаго матеріала, пріемы и основныя грамматическія положенія не отличаются опредѣленностью и строго логическимъ развитіемъ, въ цѣломъ замѣчается недостатокъ строгой послѣдовательности и соразмѣрности въ частяхъ. Но чрезмѣрное обиліе *анализа* и крайняя скудость *синтеза* — составляютъ главнѣйшій недостатокъ грамматическихъ сочиненій Антонія. Въ грамматикѣ его равно мало соблюдено *соподчиненіе* (субординація) менѣе важнаго болѣе важному, въ „грамматическомъ смыслѣ“, — *частнаго общему:* авторъ не даетъ сначала общаго, родоваго понятія, или правила и затѣмъ, частныя, видовыя, которыя относились и заключались бы въ первомъ, какъ части въ цѣломъ, словомъ, чтобы факты и формы языка были бы логически-естественно развиты и распредѣлены, напримѣръ въ § 197 грамматики № 2 говорится, что родительный падежъ въ грузинскомъ языкѣ имѣетъ *6* знаковъ падежныхъ и перечисляетъ ихъ: ⴁⴑⴇ, ⴁⴑⴑ, ⴑⴑ, ⴀⴑⴑ, ⴆⴑⴑ, ⴑ, между тѣмъ, достаточно было выставить за общій знакъ родительнаго падежа полный характеръ его флексіи ⴁⴑⴑ и за тѣмъ оговориться о тѣхъ весьма рѣдкихъ отступленіяхъ (исключеніяхъ), которыя встрѣчаются въ языкѣ въ родѣ ⴁⴑⴇ, ⴀⴑⴑ, ⴆⴑⴑ. Далѣе можно было упомянуть, что окончаніе родительнаго падежа ⴁⴑⴑ иногда (въ просторѣчіи) сокращается въ ⴑⴑ и даже ⴑ, и тогда все было бы понятно и логично, вмѣсто того, чтобы отдѣльные случаи отступленія отъ общей нормы, незначительныя уклоненія и сокращенія иногда чисто фонетическаго характера, не влекущія за собою никакого грамматическаго измѣненія, считать за особенные падежные знаки и ставить на ряду съ полнымъ характеромъ падежа, отъ этого выиграла бы не только научная сторона труда, но и учебно-педагогическая. Относительно распредѣленія болѣе

крупныхъ грамматическихъ категорій и статей существуетъ у Антонія, какъ мы замѣтили, такая же сбивчивость и непослѣдовательность, — часто повторяетъ онъ одно и тоже, безъ всякой причины, разсѣкаетъ какое нибудь правило, или положеніе на части и распредѣляетъ ихъ по разнымъ параграфамъ, тогда какъ въ промежуточныхъ параграфахъ говорится о совершенно другихъ предметахъ, такъ напримѣръ, въ упомянутомъ же § 197 авторъ началъ говорить о родительномъ падежѣ, котораго значеніе онъ объясняетъ, оканчиваетъ этотъ періодъ обѣщаніемъ дать нѣсколько правилъ относительно образованія формы родительнаго падежа единственнаго числа, ставитъ двѣ точки и вдругъ ни съ того, ни съ сего, начинаетъ разсуждать объ именительномъ падежѣ множественнаго числа, покончивъ съ этимъ, снова возвращается къ родительному падежу единственнаго числа и приступаетъ къ изложенію обѣщанныхъ правилъ образованія этой формы. Такіе примѣры у Антонія далеко не единичны! Нашъ грамматикъ дробитъ иногда совершенно произвольно и искусственно одну форму, или понятіе на будто бы составныя части, другой разъ, на оборотъ, спаиваетъ во едино совершенно не соединимые и разнородные грамматическіе элементы. Таковы вкратцѣ существенные недостатки системы изложенія грамматическихъ трудовъ Антонія. Конечно многіе недостатки его грамматикъ, по крайнѣй мѣрѣ № 1, объясняются тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ слѣдовалъ въ изложеніи мхитаровой грамматикѣ, однако эта зависимость нисколько не оправдываетъ его, — вольно же было ему отнестись къ ней часто безъ всякой критики!

г) Къ недостаткамъ же грамматическихъ трудовъ Антонія слѣдуетъ отнести, часто попадающееся въ нихъ смѣшеніе самыхъ *явленій*, имѣющихъ мѣсто *въ природѣ* (materieles) съ грамматической сферой, *формальной стороной* этихъ явленій, выражающейся въ языкѣ (formeles), таковы напримѣръ, α) письменные знаки — буквы, смѣшиваемые съ *звуками* (§ 156), β) грамматическіе роды — съ *естественнымъ поломъ* (§ 179), γ) дѣйствительныя и страдательныя формы глагола — съ *дѣйствіемъ и страданіемъ* въ природѣ физической или нравственной. Этимъ смѣшеніемъ двухъ совершенно различныхъ сферъ объясняются многіе существенные недостатки нашего автора.

д) Языкъ грамматическихъ трудовъ Антонія (какъ и другихъ его сочиненій), тяжелъ и трудно понимается: періоды длинны и запутаны,

вслѣдствіе избытка вводныхъ и придаточныхъ предложеній, риторическихъ украшеній и схоластико-библейскихъ остротъ. Рѣчь его впрочемъ не всегда плеонастична, она отличается порой и особенною елиптичностью. Ложно понятая роль грамматика, имѣющаго будто бы право предписывать законы не только учащимся, но и языку, вредитъ, какъ нельзя больше, ясности его рѣчи, напримѣръ, *послѣлоги* онъ обращаетъ въ *предлоги* (см. стр. 16).

Къ тому же — новизна дѣла, передача многихъ отвлеченныхъ понятій, схоластико-философскихъ идей, сухой грамматической терминологіи, ошибочное мнѣніе о языкѣ, высокомъ слогѣ, которымъ будто бы должны быть написаны учебныя и ученыя сочиненія, — все это соединилось вмѣстѣ, чтобъ придать языку грамматическихъ трудовъ Антонія (да и всѣхъ его сочиненій) ту тяжеловѣсность, которою они всѣ отличаются; впрочемъ это взглядъ стилиста, взглядъ филолога на языкъ, хотя бы самый искуственный, долженъ быть другой, и, въ самомъ дѣлѣ, эта масса новыхъ словъ и формъ, хотя произвольно и искуственно образованныхъ, встрѣчающихся у Антонія, составляетъ драгоцѣнный матеріалъ для исторіи грузинскаго языка и спеціально — для характеристики этого языка 18 стол.

Мѣстами рѣчь Антонія особенно энергична и онъ выражается какъ „власть имѣющій“, такъ въ главѣ, разсуждающей о знакахъ препинанія и титлахъ (ჴრთჳმ) Антоній грозитъ всѣмъ тѣмъ, которые бы вздумали увеличить титла и безъ нужды, можетъ быть изъ лѣности, стали бы сокращать слова, „растлѣвая [этимъ] языкъ, что всѣ таковые [писцы, переписчики] подвергнутся заслуженной карѣ закона царскаго „§ 23, № 2. Въ другомъ мѣстѣ, разсуждая о томъ, что въ грузинскомъ языкѣ нѣтъ формы винительнаго падежа, восклицаетъ: не притащить же его (вин. пад.) насильно веревкою, когда его нѣтъ въ языкѣ (ვრა იძულებით სჳბლითა მცჳდინებისთა მოჳთრიოთმცა შემსჭვნელობითი, § 200,7, № 2)!. Иногда же щеголяетъ библейскою образностью и метафорами, такъ мы видѣли въ предисловіи, гдѣ онъ говоритъ, что ему помогла благодать [Божья, которую] познавъ умъ его, зачалъ грамматическую науку“ (ვიწყოდჳნ შემჳწია მე მადლი იგი [ღჳთისა] მიუდგა გონებად ჩემად და მუცლად იდო მეცნიერებად კურძოდ ღრმმსტიკისა).

На себя смотритъ Антоній какъ на нѣкоего избранника Божія, сравнивая съ прор. Давидомъ, „который малъ былъ посреди братій

своихъ“, но былъ отличенъ провидѣніемъ. Далѣе говоритъ о себѣ, что „*будучи помазанъ елеемъ благодати Божьей* первый нашелъ правила грузинскаго языка“, что „Богъ далъ ему духъ безстрашный“ и т. п.

е) Одно и тоже слово пишетъ Антоній на нѣсколько ладовъ, такъ слово „первый“ онъ пишетъ პირუჳლი, პირუჳლ, მე-პირუჳლ-ე, ს-პირუჳლ-ე, მე-ერთ-ე и т. д., „въ частности“ განძოსხს შინა, განძო-ბითს შინ, ნაწყვრთვნს შინ, „вообще“ ხშირად შინ, ზოგ-დის შინ, ხშირად.

Представивъ характеристику личности занимающаго насъ грамматика и познакомившись съ его взглядами на языкъ и грамматику, переходимъ теперь къ описанію его грамматическихъ трудовъ, въ какомъ видѣ они до насъ дошли и къ изложенію вкратцѣ ихъ содержанія.

Грамматическіе труды Антонія существуютъ только въ рукописяхъ. Я пользовался рукописями, принадлежащими Аз. музею Акад. Наукъ. Первая изъ нихъ по времени, которую я для удобства обозначаю № 1 (по академическому каталогу № 88[illegible], b), составлена Антоніемъ въ 1753 г., по его же собственнымъ словамъ (см. § 259 № 2), вторая — № 2 (по академическому каталогу 91, a) въ 1767 году ibid., а о времени появленія третьяго грамматическаго труда № 3, въ видѣ особой книжки мы ничего не знаемъ, да и самъ Антоній не только не упоминалъ о годѣ написанія этого труда, но и нигдѣ въ своихъ грамматикахъ не намекаетъ, что онъ составилъ и третью грамматику. Мы ее (№ 3) разсмотримъ сейчасъ послѣ № 1, частью которой мы ее считаемъ.

§ 2. Рукописный экземпляръ Грамматики № 1 in 4°, состоитъ изъ 450 страницъ, писана, за исключеніемъ заглавій, начальныхъ буквъ и важныхъ въ грамматическомъ отношеніи фразъ (писанныхъ церковными буквами и красными чернилами), гражданскими буквами и черными чернилами; письмо не красивое, но отчетливое и рукопись легко читается. Въ концѣ книги значится $17\frac{3}{9}54$; годъ этотъ не можетъ быть годомъ написанія означенной рукописи, такъ какъ насѣроватой бумагѣ, на которой написана эта рукопись, или лучше въ самой бумагѣ, если смотрѣть сквозь при свѣтѣ, прозрачное мѣсто (Wasserschrift) отчетливо показываетъ *1819* годъ, равно и гербъ, изобращающій овальный кругъ, въ которомъ стоитъ левъ на заднихъ ногахъ, держа мечъ лѣвой передней ногой, въ нижней части круга надпись латинскими заглавными буквами „PRO PATRIA“, на верху же круга корона съ крестомъ.

Въ этой рукописи встрѣчается много орфографическихъ ошибокъ и вообще замѣтно большое колебаніе относительно употребленія полугласныхъ ჱ, ჲ, ჳ которыя замѣняются часто гласными: ე, ი, ვ, равно и въ употребленіи словъ: напр. „первый“ მე-ერთე, მე-პირველე, სპირველო и терминологіи: вообще ზოგად, სპზოგადოდ, სპზოგადსა შინა, причастіе მიმდებს ე. ი. მიმდებელობს, რომელ ჰრსმეწყობრებლობს, მიმთჳლჳსლობს. Орфогафическія ошибки, пожалуй, можно приписать переписчику, но колебаніе въ употребленіи словъ и грамматической терминологіи, вѣроятно, самому Антонію, или его предшественникамъ-грамматикамъ, отъ вліянія которыхъ въ этомъ отношеніи освобождается нашъ авторъ въ грамматикѣ № 2, употребляя болѣе понятную, опредѣленную и постоянную терминологію, больше соотвѣтствующую духу языка грузинскаго.

Мы замѣтили выше, что Антоній въ грамматикѣ № I придерживался армянской грамматики извѣстнаго вардапета Мхитара, основателя братства мхитаристовъ [11]). Антоній слѣдовалъ ему въ распредѣленіи и расположеніи грамматическаго матеріала, заимствовалъ многія общія опредѣленія грамматическихъ категорій цѣликомъ, какъ увидимъ ниже, но то, что̀ составляетъ грамматическую особеннвсть каждаго языка, — *звуковыя особенности, этимологическія формы и словообразованіе*, въ обширномъ смыслѣ слова, главнымъ образомъ *склоненіе и спряженіе*, — изложено авторомъ самостоятельно и сообразно съ духомъ грузинскаго языка, рѣзко отличающагося отъ грамматическаго строенія армянскаго языка. Антоній излагалъ коренныя формы грузинскаго языка самостоятельно и въ грамматикѣ № I, не перенося ихъ механически изъ армянскаго, такъ напримѣръ, у Мхитара падежей числомъ 10, у Антонія ихъ только 8, а въ № 2 даже 7; число склоненій у Мхитара 14 (6 յատուկք частныхъ и 8 հասարակք общихъ; первыя 4 изъ 8 имѣютъ по 2 вида կերպք), между тѣмъ, у Антонія только *три* склоненія и то основанныхъ на различіи *родительнаго* и *дательнаго* падежей *Единственнаго числа*, тогда какъ Мхитаръ дѣлитъ ихъ на основаніи различія *окончаній* и предшествующихъ имъ *гласныхъ* знаковъ, имѣющихъ мѣсто въ род. и твор. падежахъ обоихъ чиселъ.

Такая же разница замѣчается и въ изложеніи глаголовъ у этихъ грамматиковъ: у Мхитара, за исключеніемъ существительнаго глагола и нѣкоторыхъ другихъ, отступающихъ отъ общей нормы спря-

женій, всѣ флексіи глаголовъ представлены въ 4-хъ спряженіяхъ, изъ которыхъ первое, второе и четвертое имѣютъ по 3 вида, третье же 5; дѣленіе основано и здѣсь на различіи гласныхъ, являющихся въ послѣднемъ слогѣ преимущественно въ настоящ. врем. Изъяв. накл.; у Антонія же № 2, 8-мъ спряженій, изъ которыхъ первое имѣетъ 7 видовъ (ხასიათ*) = *կերպ*); второе—15; третье—7; четвертое—10; пятое—8; шестое — 4; седьмое — 1; восьмое — 7 видовъ.

Но насколько Антоній *въ изложеніи грамматическихъ формъ собственно грузинскаго языка* отступаетъ отъ мхитаровой грамматики, настолько же онъ придерживается этой послѣдней *въ общемъ планѣ изложенія грамматическихъ положеній и опредѣленій разныхъ грамматическимъ категорій, которыя онъ переводитъ иногда слово-въ-слово;* для примѣра приведемъ мѣста изъ обѣихъ грамматикъ и укажемъ ошибки, неизбѣжныя при такомъ буквальномъ переводѣ. Послѣ приведеннаго предисловія (стр. 5) прямо слѣдуетъ такое заглавіе:

„*Начало* первой части, называемой дверью грамматики, въ которой (части) изложены просто (вкратцѣ) склоненія именъ, спряженія глаголовъ и собраніе (перечень) другихъ частей рѣчи, которыя должны быть наизустъ изучены, начинающими учиться грамматикѣ, — съ присовокупленіемъ вообще (общихъ) вопросовъ объ опредѣленіяхъ, измѣненіяхъ (флексіяхъ) и другихъ принадлежностяхъ частей рѣчи, которыя должны быть также впечатлѣны въ умѣ учащихся.

Вотъ и подлинныя слова Мхитара и грузинскій переводъ его Антонія:

დასაბამი ვიერუსალჱმისა ნაწილთაჲსა რომლისა წოდებულ არს კარი ღრაჲმა ტიგრისა, რომლისაჲ შორის მარტივად დადებულ არს სახელთა ბრუნჳანი, შეუღლჳანი ზმნათანი და შეკრებანი

Սկսան առաջին որ ևկոչի դուռն քերականու Թեան։ Յորում պարզապէս դնին հոլովմունք անուանց, և ծորդութիւք բայից, և գումարք այլոց մասանց բանին,

*) Въ грамм. № 1 Антоній употребляетъ часто арм. слово *կերպ* «видъ, образъ» въ смыслѣ სახე ხატი, «видъ (= forma, species), образъ, икона», между тѣмъ оно употребляется въ груз. яз. исключительно въ значеніи *кумира, идола*, такъ слова запов. «не сотворити себѣ *кумира*» по груз. гласятъ: არა გქმნა კერპი თჳსი შენისა...

სხვათა სიტყუსნაწილთნი, რომელ-ნიცა ზეპირ სწავლად უკმს ყე ახალ დრმმატიკოსთა სწავლის შინათა: ხოლო ზედკიდებულ მერმეცა სა-ზღვართ კითხვანი, წვალებისა თჳს და გარემოთა (ესე იგი მდევართა) ნაწილთა სიტყჳათა ზოგებითსა შინა (ესე იგი საზოგადისა), ჯერ არს მათიცა გამოხატვაჲ გონებასა სწავლით შინათსა:

որք սերտողաբար ուսանելիք են յաշակերտաց: Եւ առակցին նաև Թարգմունք զաճմանաց՝ զբաժանմանց՝ և զպարագայից մասանց բանին ՚ի հասարակի՝ որպէս զի և նոքին սերտողաբար տպաւորեսցին ՚ի միտս ուսա-նողաց:

По сличеніи этихъ мѣстъ оказывается, что слова დასაბამი „начало“ въ армянскомъ оригиналѣ нѣтъ, а начинается прямо Մասն առաջին „часть первая“, и на оборотъ, армянская частица և „и, еще, также“ не переведена на грузин. языкъ; но не въ этомъ ошибка, а въ слѣдую-щихъ за симъ словахъ: დასაბამი პირველისა ნაწილისა რომლისა წოდებულ კარი დრამმატიკისა „начало первой части, которой назва-ніе—дверь грамматики“. Во второй половинѣ этой фразы на грузин. языкѣ родительн. падежъ употребленъ вмѣсто дательн. или именительн. падежа и недостаетъ вспомогательн. глагола 3-го л. არს „есть“ წოდება „названіе, называется“ сочиняется съ именительн. падежомъ, какъ причастіе вмѣстѣ съ вспомвгательн. глаголомъ, или съ род. па-дежемъ, какъ существительное съ глаголомъ же вспомогательнымъ, и, наконецъ, съ дательнымъ какъ глаголъ, такимъ образомъ одинаково правильно: წოდებულ არს „который названъ есть“, или რომლისა წოდება არს „котораго названіе есть“ или, наконецъ, რომელსა ეწოდე ბის „который (буквальн. которому) называется“. Очевидно, что, если относительное мѣстоименіе რომელი въ разбираемомъ нами отрывкѣ оста-витъ въ род. падежѣ, то слѣдуетъ, вмѣсто причастной формы глагола წოდება, „называть,—ься“ употребить отглагольное имя წოდება „на-званіе“ съ существ. глаголомъ არს „есть“ რომლისა წოდება არს, а лучше всего оставить это мѣстоименіе въ именительн. падежѣ, какъ въ армянскомъ, и согласовать съ причастіемъ съ вспомогательн. глаголомъ: որ և կոչի = რომელი აგრეთვე წოდებულ არს (=იწოდების) „который или которая (родовъ нѣтъ ни въ грузинск. ни армянск. яз.) также названа есть“. Далѣе, въ предложеніи მართივად დადებულ სახელთა ბრუნვანი

„изложены просто (вратцѣ) склоненія именъ“, недостаетъ вспомогат. глагола არიან „суть“ который часто сокращается въ ა, но никогда не опускается въ груз. языкѣ, и такъ, слѣдовало: მარტივად დადებულ არიან სახელთა ბრუნჳანი...

За тѣмъ слѣдуютъ слова: ზეპირ სწავლად უკმსყე ახალ დრამმატი-კოსთა სწავლის შინათა... Эта фраза вышла у Антонія весьма темной, между тѣмъ, у Мхитара она ясно выражена: *սերտողաբար ուսանելիք են յաշակերտաց*... [ჯერ არს რათა] ზეპირ შესწავლილ იქმნენ მოწაფეთა მიერ... должны быть наизустъ изучены учениками; Антоній переводитъ слово *յաշակերտաց* род. п. мн. числа отъ *աշակերտ* ученикъ, воспитанникъ „молодыми грамматиками“ а *ուսանելիք են* — словами „при, въ изученіи, во время ученія“, тогда какъ ихъ правильнѣе перевести ჯერ არს შესწავლად „должны быть изучены, надлежитъ изучить“...

При словѣ ზედ-კიდებულ „прибавлены“ недостаетъ сущ. глагола 3-го л. слѣдовало: ზედ-კიდებულ არიან „суть прибавлены“. Потомъ слово въ род. и творительномъ падежахъ: ზოგადებითსა შინა ე. ი. საზოგადისა, — не вѣрный переводъ армянскаго слова *ի հասարակի*, которое есть нарѣчіе и значитъ „вообще“ отъ имени *հասարակ* „общій, обыкновенный“, въ формѣ ablativo оно имѣетъ значеніе нарѣчія и соотвѣтствуетъ грузинскому საზოგადოდ „вообще“,

Послѣдняя фраза ჯერ არს მათიცა გამოხატვაჲ გონებასა სწავ-ლით შინათასა, не совсѣмъ понятна, особенно послѣдняя половина ея; это мѣсто у Мхитара гласитъ: *որպէս զի, և նոքին սերտողաբար տպաւորիցին ի միտս ուսանողաց*... „чтобы [и эти] также наизустъ напечатлѣлись въ умѣ учащихся“. Антоній и здѣсь переводитъ армянское слово *ուսանողաց* въ формѣ причастія род. падежа мн. ч. отъ глагола *ուսանիլ* (учиться, образоваться, упражняться) „учащихся“, — სწავლით შინათსა „при изученіи, во время ученія“ т. е. существительнымъ съ послѣлогомъ „въ“ въ дательн. падежѣ, имѣющимъ въ этой формѣ значеніе прилагательнаго *). Словомъ, нашъ переводчикъ одни слова подлинника описалъ, другія буквально передалъ, такъ, что во многихъ мѣстахъ грамматическія формы подлинника вѣрно переданы, но смыслъ выходитъ другой, какъ напримѣръ, выше разобранный *ի հասարակի*,—

*) Буквальн. «въ умѣ подлежащемъ ученію».

дѣйствительно, форма ablativus, какъ его переводчикъ понялъ, но эта же форма употребляется какъ нарѣчіе, и именно въ разбираемомъ нами отрывкѣ, котораго точный переводъ представляемъ здѣсь съ исправленіемъ всѣхъ ошибокъ, какъ чисто грамматическихъ, такъ и орфографическихъ: დასაბამი ვირჱწლისა ნაწილისა რომლისა აგრეთვე წოდება არს (или лучше и ближе къ подлиннику: რომელი აგრეთვე წოდებულ არს) კარი ღრამმატიკისა, რომლისა შორის მარტივად დადებულ არიან სახელთა ბრუნჱანი, შეუღლჱანი ზმნათანი და სახელდებანი (შეკრებანი) სიტჱათა ხიტყჳს ნაწილთანი, რომელნიცა ზეჱით სწავლად უკმს უე მოწაოგეთა (вмѣсто: ახალ-ღრმმატიკოსთ სწავლის შინათა): ხოლო ზედ-კიდებულ არიან მერმეცა საზღჱართა (т. е. განსაზღჱრებათა) კითხჱანი, [აგრეთვე] წჱალებისათჳს და გარემოთა, (т. е. მდევართა ნაწილთა ხიტყჳსათა საზოგადოდ (вм. ზოგებითსა შინა, т. е. საზოგადისა), ხოლო კერ არს მათიცა ზეჱით გამოხატვად გონებასა მოსწავლეთასა (вм. სწავლით შინათსა).

Но гдѣ Антоній нарочно не старается быть непонятнымъ для обыкновенныхъ смертныхъ, т. е. не имѣетъ въ виду однихъ „ученыхъ и философовъ“, и переводитъ „не мудрствуя лукаво“, тогда его легко понять, какъ увидимъ ниже. Можетъ быть и вышеуказанныя ошибки слѣдуетъ объяснить этимъ желаніемъ писать „ученымъ слогомъ“, иначе онѣ слишкомъ элементарны, чтобы можно было ихъ допустить; при этомъ, вѣроятно, не малая доля ихъ обязана своимъ происхожденіемъ и *невѣжественному* переписчику нашей рукописи, какимъ онъ, безъ сомнѣнія, былъ, судя по массѣ орфографическихъ ошибокъ.

Вторая и третья части грамматики № 1 носятъ такое заглавіе: Изслѣдуется (იძიების) вторая часть: объ опредѣленіяхъ, измѣненіяхъ и принадлежностяхъ частей рѣчи.

იძიების; ნაწილა მეორე: განსაზღჱრებისათჳს და განწჱალებათა და მდევართა ხიტყჳს ნაწილთასა.

Ասան երկրորդ յաղագս սահմանաց բաժանմանց և պարագայից մասանց բանիւն։

Изслѣдуется часть третья: о согласованіи частей рѣчи (словосочиненіи) и употребленіи ихъ.

იძიების: ნაწილი მეორე; შეთხზჱისათჳის ნაწილთა ხიტყჳსათა და მექმეობისა მათისა.

Ասան երրորդ։ Յաղագս շարաւարութեան մասանց բանին և կիրառութեանց նոցին։

Въ предъидущихъ примѣрахъ всѣ слова вѣрно переданы на грузинскій языкъ; слово же ⴰⴷⴰⴳⴰⵝ „изслѣдуется“ принадлежитъ переводчику, его нѣтъ въ армянскомъ текстѣ.

Первая и третья части разбираемой нами грамматики имѣютъ въ свою очередь „прибавленія“, первое изъ нихъ гласитъ: *Симетне* первой части грамматики: вопросы и отвѣты о грамматикѣ и частяхъ ея, которыя должны быть выучены наизустъ учениками.

სიმეტნე; ღრმმატიკისა ვირცელისა გკრძოსა: კითხვა გებანი ღრმმატიკისათჳს და ნაწილთა მისთა, რომელთა ზეჱირ უკმს ყოგჯოხტაჲ გონებასა სწავლის შინათსა.

Յաւելուածն առաջնոյ մասին քերականութեան: Հարցմունք, և պատասխանիք զքերականութեան, և զմասանց նորին, զոր սերտողաբար ի միտս առնուլ պարտին աշակերտքն յայսմիկ վայրի:

Въ приведенномъ отрывкѣ Антоній замѣняетъ армянское слово *յաւելուածն* „прибавленіе“ словомъ „симетне“ и слово *աշակերտքն* „ученики, учащіеся“ переводитъ и здѣсь „въ—, при изученіи“.

Прибавленіе къ третьей части: нѣкоторыя свѣдѣнія, относительно правописанія, произношенія и чтенія, касающіяся грамматическаго искусства.

დამეტებაჲ მესამისა ნაწილისა, ცნობა რომელთამე შესატყჳს [მართლ] წერათა თჯს, გამოღებათა და ალმოცნობათა რომელნიცა ალიყვანებიან სამქრდჳელოსა გელოვნებისა მიმართ:

Յաւելուածն երրորդի մասին: Առաջադեցութիւնք ոմանք սակաւ յարմարագրութիւն, արտաբերութիւն, և վերծանուէ որք վերաբերին առ արհեստն քերթողութիւն:

§ 3. Грамматика Антонія № 3 носитъ названіе „Симетне“ и есть, какъ мы замѣтили выше, ни что иное какъ „прибавленіе къ первой части грамматики“ его № 1. Она написана въ вопросахъ и отвѣтахъ, обнимаетъ всю этимологію вкратцѣ, и, въ этомъ отношеніи, она весьма удобна для употребленія въ школахъ, что, вѣроятно, и послужило причиной появленія этого трактата въ видѣ отдѣльной тетради, но когда это случилось, послѣ ли составленія грамматики № 2, или между грам. № 1 и 2 (1753—1767), не извѣстно. Самъ Антоній нигдѣ не упоминаетъ о томъ, что онъ составилъ и третью грамматику.

Рукопись этого грамматическаго трактата, которою я пользовался, (кат. груз. кн. Азіат. Муз. Ак. Н. № 91) in 4°, стр. 102, писана плохимъ почеркомъ, гражданскими буквами, на половину сѣроватой толстой бумагѣ; годъ написанія незначится въ рукописи, только прозрачное мѣсто въ бумагѣ показываетъ 1807 г. На 1-й стр. написано по грузински: „принадлежитъ царевичу Теймуразу 1819 г., Ноября 14“ [12]). Этотъ Теймуразъ былъ сынъ грузинскаго царя Георгія XIII.

Я привожу нижеслѣдующія мѣста изъ „Симетне“ паралелльно съ мѣстами изъ грамм. Мхитара, между прочимъ, въ доказательство того, что этотъ грамматическій очеркъ не есть отдѣльный, самостоятельный трудъ Антонія.

Отдѣлъ этотъ въ грамм. Мхитара, какъ и Антонія № 1, носитъ заглавіе, выписанное нами выше (стр. 26) далѣе слѣдуетъ:

ღრამმატიკისა ნაწილთათჳს თჳი — Յաղագս մասանց քերականու-
მეცნიერებაჲ. — թե՛: Գլուխ առաջին:

О частяхъ грамматики. Глава первая.

კითხჳა, რაჲ არს ღრამმატიკაჲ. — Հարցուածն: զինչ է քերակա-
նութի՛ն:

Вопросъ: что такое грамматика?

მიგებაჲ, ღრამატიკაჲ არს კელოვნებაჲ წრფელ ოქმაობისა და უცთომელ ქსოისა. — Պատասխանի՛: [քերականութի՛ն]ն արհեստ ուղղապէս խօսելոյ, և անսխալաբար շարադրելոյ:

Отвѣтъ: грамматика есть искусство правильно говорить и безошибочно сочинять (писать).

კ. რაოდენნიარიან უჳიარატესნი ნაწილნი ღრამმატიკისანი; — Հ՛ր: քանի՛ք են գլխաւորք մասունք քերականութե՛ն, զորոց լինի ուսուցանել?

В. Сколько частей грамматики, *которыя слѣдуетъ учить* (эта послѣдняя фраза есть только въ армянскомъ, въ грузинскомъ же ея нѣтъ)?

პ. ოთხნი (ესე იგი); წიგნი, მარცუალი, ღექსი და სიტყუაჲ. — Պ՛ասխ: Չորք են. Ի գիր, վանկ, բառ, և բան:

О. Четыре: знакъ [письменный], слогъ, слово и предложеніе.

ჯ. რაჲ არს წიგნი. Հիւ՝ Ի՞նչ է գիրն։

В. Что такое знакъ (письменный)?

მ. წიგნი ვიდრემე არს რომელი დგას მნიშვნელი ასოსა: ხოლო ასო არს ოკვრაჲ რაჲმე ნაწევრობითი, რომელი შეიკვრის. და ენებაის სხვისა თანა ასოსა და სრულსა კმასა გამოიღებს;

Պ՚ասխ՝ գիրն է գիծ ինչ որ կացուցեալ է առ՚ի նշանակել զտառն. և տառն է հնչուածն ինչ յոգեւի. զի կապի, յոգի ընդ այլուսն տառ, և զկատարեալ ձայն արտահանէ.

О. Знакъ [письменный] есть то (въ армянск. нѣкая черта), что̀ стоитъ показателемъ буквы, буква же есть такой членораздѣльный вздохъ (дыханіе = звукъ), который, соединясь съ другими буквами (звуками), образуетъ полный голосъ (звукъ).

ჯ. რაჲ არს მარცუ̂ლი; Հիւ՝ Ի՞նչ է վանկն։

В. Что такое слогъ?

მ. მარცუ̂ლი უკუ̂ცო არს კმა რაჲმე, რომელი ერთითა ოკვრითა გამოიღების ჴირისაგან კაცისა.

Պ՚ասխ՝ վանկն է ձայն ինչ, որ միով հնչմամբ արտաբերի՛ ի բերանոյ մարդոյն։

О. Слогъ есть такой звукъ который произносится устами человѣка однимъ дыханіемъ (въ одинъ пріемъ?)

ჯ. რაჲ არს ლექსი; Հիւ՝ Ի՞նչ է բառն։

В. Что такое слово?

მ. ლექსი ვიდრემე არს კმა სანიშნო (ესე იგი) კმა ერთი რომელი ნიშნავს ნაჲდაგ საქმესა რაჲმესა, ანუ მექმეობასა საქმისასა და ანუ გარემოთა მისთა:

Պ՚ասխ՝ [բառն] է ձայն նշանական. ա՛յն է ձայն մի՛, որ միշտ նշանակէ զիր ինչ, կամ զգործողութի՛ւն, և կամ զպարագայս նոցին։

О. Слово есть звукъ знаменательный т. е. звукъ, выражающій всегда какое-нибудь дѣло (въ арм. *գիր, իր* = вещь и дѣло), или дѣйствіе дѣла (предмета, вещи), или же обстоятельства (принадлежности) ихъ.

ჯ. რაოდენ გვარად განირჩევიან ლექსნი:

Հիւ՝ ի քանի ցեղս անջատին բառքն։

В. На сколько родовъ раздѣляются слова?

მ. რვა გუარად (ესე იგი) სახე-ლად, ნაცვალსახელად, ზმნად, მიმღე-ობად, თანდებულად, ზმნისზედად, შორისდებულად, კავშირად, გარნა ესე ყოველნი ნიშნენ რაჲმესა;

Պտսխ: 'Ի յութն ցեղս. յ՛ 'ի յանուն, 'ի դերանուն, 'ի բայ, 'ի յընդունելութի, 'ի նախադրու-թի, 'ի մակբայ, 'ի միջարկու-թի, և 'ի շաղկապ. Զի այսոքիկ ամ.քեան նշանակեն զինչ:

О. На восемь, а именно: имя, мѣстоимѣніе, глаголъ, причастіе, нарѣчіе, междометіе, союзъ; всѣ сіи (части и частицы рѣчи) означаютъ что-нибудь.

გ. რაჲ არს სიტყუაჲ;

Հրց: Զինչ է բանն:

В. Что такое предложеніе?

მ. სიტყუაჲ არს თხზულებაჲ ლექსთა მასაჩინოჲ ჭაზრისა კაცი-სასა;

Պտսխ: բանն է շարամանու-թի բառից յայտնօղ տրամախո-հութե մարդոյ:

О. Предложеніе есть сочиненіе словъ, выражающее мысль человѣка.

გ. რაჲ არს სახელი;

Հրց: Զինչ է անունն:

В. Что такое имя?

მ. სახელი არს ნაწილი სიტყჳსა, რომელიცა არსებასა საქმისასა დანიშნავს.

Պտսխ: անունն է մասն բանի, որ զէութի իրին նշանակէ:

О. Имя есть часть рѣчи, которое означаетъ существованіе дѣла (вещи).

გ. რაჲ არს ზმნა და რაოდენად იწვალების;

Հրց: Զինչ է բայն, և 'ի քանիս անջատի:

В. Что такое глаголъ и на какіе [роды] дѣлится?

მ. ზმნაჲ ვიდრემე არს ნაწილი სიტყჳსა რომელი ქმნასა და ვნებასა ჰნიშნავს ქუეშეჟამისა პირითურთ, ხოლო განიყოფების არსებითადდა საქმითად;

Պտսխ: բայն է մասն բանի, որ զառս, և կամ զկիրս էութե ընդ ժամանակաւ նշանակէ. և բաժանի 'ի յէական, և յառ.քա-կան:

О. Глаголъ есть часть рѣчи, означающій дѣйствіе и страданіе съ [указаніемъ] времени и лица, и раздѣляется на [глаголъ] существительный и дѣйствительный.

Словомъ, эта работа, считающаяся за третью грамматику Антонія, есть ничто иное какъ „прибавленіе къ первой части“ грам. Мхитара, служившей Антонію образцемъ при составленіи своей первой грамматики, заключающей въ себѣ и этотъ отдѣлъ подъ названіемъ „симетне (прибавленіе) къ 1-ой части“, совершенно въ томъ же видѣ въ какомъ она находится и отдѣльно.

Переводъ этого отдѣла вышелъ у Антонія гораздо правильнѣе и понятнѣе предшествующихъ — что̀, конечно, много зависитъ и отъ характера изложенія (въ вопросахъ и отвѣтахъ) этого отдѣла.

Терминологія, какъ въ этомъ трактатѣ, такъ и въ другихъ грамматичгскихъ трудахъ Антонія, больше приближается къ греческой и латинской, но попадаются и такія техническія названія, которыя позволяютъ заключить, что они переведены съ армянскаго языка, а не непосредственно съ греческаго или латинскаго, такъ, слово „падежъ“ не переведено на груз. словомъ დაცემა, შემთხჳევა (соотвѣт. русскому „паденіе, случай“ нѣмец. Fall), какъ слѣдовало ожидать, судя по греч. πτῶσις лат. casus, но переведено словомъ ბრუნჳა „круженіе, верченіе“ какъ и въ арм. հոլով буквальн. „катаніе, круженіе, обращеніе“. Равно и слово „склоненіе“ не передано словомъ დახრა, какъ въ греч. κλίσις лат. declinatio, но словомъ ბრუნჳება „скатываніе, круженіе, обращеніе“, какъ и въ арм. հոլովումն.

§ 4. Экземпляры грамматики Антонія № 2 гораздо больше распространены, чѣмъ № 1 и № 3; грамматика эта составлена Антоніемъ, какъ мы замѣтили выше, въ 1767 г. (см. § 257, № 2). Въ рукописи азіатскаго музея (№ 88^{a}), которою я пользовался, не значится года написанія; тогько послѣсловіе гласитъ по грузински „написана книга сія грамматика *по приказанію пресвѣтлѣйшаго царевича Георгія* рукою недостойнаго іеромонаха Гамаліила“. И такъ, Георгій XIII еще не былъ царемъ, онъ вступилъ на престолъ въ 1798 году. На 1-ой ст. этого рукописнаго экземпляра написано другимъ почеркомъ по грузински же: „книга эта принадлежитъ Теймуразу сыну царя Георгія XIII“, а на стр. 9 снова другимъ почеркомъ, что она „принадлежитъ Давиду сыну грузинскаго царя“. Приписки эти показываютъ, приблизительно какъ время написанія этой рукописи, такъ и

достоинство ея какъ рукописи, какъ списка. Экземпляръ, о которомъ идетъ рѣчь больш. in 4°, написанъ на очень хорошей бумагѣ, въ которой прозрачное мѣсто показываетъ гербъ съ короной, внутриже герба во всю длину латинскими заглавными буквами отпечатано „IBERIA“; писанъ въ два столбца не только четко, но и изящно, буквами гражданскаго алфавита, загловныя же буквы, равно и слова и, даже цѣлыя фразы, имѣющія особенное грамматическое значеніе писаны церковными буквами. Страницы не нумерованы. Вся книга состоитъ изъ трехъ частей и „прибавленія“ къ третьей части, раздѣлена на главы и параграфы, всѣхъ главъ 66, §§ 545; начинается предисловіемъ, приведеннымъ нами выше (стр. 10), далѣе слѣдуетъ оглавленіе и, наконецъ, изложеніе самой грамматики. Кромѣ того, первыя и послѣднія страницы испещрены приписками историческаго содержанія, относящимися къ исторіи Грузіи конца прошедшаго столѣтія.

Вотъ названіе статей (по заглавному реестру самой книги), вошедшихъ въ нее.

„Часть I (§§ 152), въ которой просто (кратко) изложена каждая часть рѣчи съ примѣрами. Гл. 1 — о склоненіи именъ, гл. 2 — о склоненіи собственныхъ именъ; гл. 3 — о склоненіи мѣстоименій; гл. 4 — о спряженіи сущсствительнаго глагола; гл. 5 — о спряженіи дѣйствительныхъ глаголовъ и прежде всего о первомъ спряженіи и его видахъ; главы отъ 6—14 включительно посвящены восьми спряженіямъ; гл. 15 — о предлогѣ; 16 — о нарѣчіи; 17 — о союзѣ; 18 — о междометіи.

Часть II (§§ 153—306): объ опредѣленіяхъ [грамматическихъ категорій], измѣненіяхъ (флексіяхъ) и принадлежностяхъ частей рѣчи. Гл. 1 — о грамматикѣ и главнѣйшихъ частяхъ ея; гл. 2 — о буквѣ; 3 — о слогѣ; 4 — о словѣ; 5 — о имени вообще; 6 — о имени; 7 — о принадлежностяхъ имени вообще; 8 — о первой и второй принадлежностяхъ имени, т. е. о родѣ и составѣ; 9 — о третьей принадлежности имени — о видѣ; 10 — о четвертой принадлежности — склоненіи; 12 — о мѣстоименіи и его измѣненіяхъ (флексіяхъ); 13 — о принадлежностяхъ мѣстоимѣній; 15 — о принадлежностяхъ глаголовъ и прежде всего, о залогѣ, составѣ и видѣ; 16 — о числѣ, лицѣ и временахъ глаголовъ; 18 — о производствѣ временъ, формѣ и составѣ лицъ глаголовъ въ настоящ. и прошед. временахъ изъявительн. наклоненія; 19 — объ отлагательномъ имени; 20 — о неопредѣлен-

номъ наклоненіи; 21 — о нѣкоторыхъ правильныхъ глаголахъ, происходящихъ отъ восьми спряженій и, распадающихся на два спряженія; 22 — о разныхъ неправильныхъ глаголахъ; 23 — о причастіи и его принадлежностяхъ; 24 — опредѣленіе предлога и его принадлежностей, 25 — опредѣленіе нарѣчія и его принадлежностей; 26 — о союзѣ; 27 — о междометіи, его опредѣленіе.

Часть III (§§307—545). О синтаксисѣ или сочиненіи частей рѣчи (словъ) и ихъ употребленіи. Гл. 1 — о четырехъ родахъ согласованія частей рѣчи вообще; гл. 2 — о первомъ согласованіи, какъ-то, глагола съ именемъ; гл. 3 — о второмъ согласованіи т. е. имени существительнтго съ прилагательнымъ; гл. 4 — о третьемъ согласованіи, — относительнаго мѣстоименія съ предшествующимъ [членомъ предложенія къ которому оно относится]; гл. 5 — о четвертомъ согласованіи,—отвѣта съ вопросомъ; гл. 6 — о падежахъ, требуемыхъ различными частями рѣчи (словами) вообще; гл. 7 — о падежахъ, требуемыхъ дѣйствительными глаголами въ частности; гл. 8 — о падежахъ, требуемыхъ средними глаголами; гл. 9 — объ отъименныхъ глаголахъ, принимаемыхъ дѣйствительными глаголами какъ имя въ видѣ дополнительнаго [члена предложенія]; гл. 10 — о не опредѣленномъ наклоненіи и причастіяхъ, требуемыхъ глаголами въ видѣ дополненія; гл. 11 — о падежахъ, требуемыхъ причастіями; 12 — объ именахъ прилагательныхъ и требуемыхъ ими падежахъ; гл. 13 — о правильномъ расположеніи частей предложенія [по правиламъ] грамматическаго искусства, [показанное] на нѣсколькихъ примѣрахъ; гл. 15 — примѣры, взятые изъ разныхъ писателей для упражненія въ синтаксисѣ грамматическаго искусства; гл 16 — о нѣкоторыхъ свойствахъ граммат. синтаксиса; гл. 17 — о нѣкоторыхъ другихъ свойствахъ грамм. синтаксиса“.

Далѣе слѣдуетъ: „приложеніе къ 3-й части, нѣкоторыя свѣдѣнія относительно письма, разговора и чтенія, подлежащихъ граммат. искусству: гл. 1 — о письмѣ; гл. 2 — о произношеніи и гл. 3 — о чтеніи.

Изъ этого реестра содержанія граммат. Антонія № 2 видно, что первыя двѣ части ея заключаютъ этимологію, третья — синтаксисъ, а фонетической части отведено мѣсто въ началѣ II-ой части и въ „прибавленіи къ третьей части“, впрочемъ, о звукахъ Антоній распространяется во многихъ мѣстахъ своего труда. Особенно хорошо разработаны у Антонія главы: о словопроизведеніи, сложеніи частей

рѣчи о словооразованіи въ тѣсномъ смыслѣ слова; склоненія и спряженія также принадлежатъ къ лучшимъ и наиболѣе совершеннымъ частямъ его труда. Главнѣйшій недостатокъ его и здѣсь — это погоня за излишнею подробностью, граничащей часто съ мелочностью.

Чѣмъ грамматика № 2 отличается отъ грам. № 1, это указываетъ самъ Антоній въ приведенномъ выше (стр. 11) предисловіи, изъ котораго видно, что хотя общій планъ распредѣленія грамматическаго матеріала остался, въ главныхъ чертахъ, тотъ же самый, но во всемъ остальномъ онъ представляетъ трудъ самостоятельный: опредѣленіе грамматическихъ категорій и понятій, ихъ распредѣленіе, разработка подробностей и особенностей свойственныхъ грузинскому языку, большею частью, новы и оригинальны. Нѣтъ болѣе колебанія въ правописаніи, строго и методически проведена классическая система правописанія, напримѣръ, придых. ჰ, ჳ, ჲ не замѣнены посредствомъ ჰ, ჳ, ი, но удержаны вездѣ; наконецъ, сама терминологія и техническія выраженія не носятъ болѣе слѣдовъ буквальнаго перевода, но они представлены по звуковымъ и этимологическимъ законамъ груз. языка, такъ не встрѣчается болѣе, или весьма рѣдко: სუბიექტი შიბს, вмѣсто სუბიექტად, კერძოს შიბს вм. კერძოდ, или одно и тоже слово на два и три способа: ხატი, კერპი, სახე, შესახედავი = (арм. կերպ) „видъ“ и т. п.

Въ прочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что освободившись отъ вліянія Мхитара, Антоній замѣтно поддается вліянію европейскихъ грамматиковъ и философовъ, съ которыми онъ въ послѣдствіи познакомился и переводилъ на грузинскій языкъ, такъ, онъ часто приводитъ слова Вольфа, Баумейстра, конечно, и здѣсь, какъ и въ грам. № 1, только для опредѣленія общихъ грамматическихъ понятій и категорій, что же касается до особенностей груз. языка, то онъ и здѣсь чуждъ иностраннаго вліянія, равно нерѣдко оспориваетъ и отступаетъ отъ прежнихъ взглядовъ, высказанныхъ имъ въ грам. № 1.

Предположеніе, будто Антоній пользовался при составленіи своей грам. № 2 и грамматикой Ломаносова, — я не могу подтвердить, какъ по отсутствію всякихъ указаній объ этомъ предметѣ у Антонія, такъ и по многимъ существеннымъ противорѣчіямъ между грамматиками этихъ авторовъ, тогда какъ ссылки на другихъ писателей или прямо указаны у Антонія, или читатель легко замѣтитъ сходство многихъ общихъ мѣстъ его грамматики съ таковыми же въ граммати-

ческихъ, или логическихъ трудахъ европейскихъ писателей, знакомыхъ Антонію; мы приведемъ для этого нѣсколько примѣровъ:

„Буква ასო (соб. членъ) есть знакъ, выражающій членораздѣльный звукъ (ნაწევრობითი ოხვრა)" № 2, § 156,a. Voces sunt soni articulati, quibus notiones significantur. Baumestrii Log. LII, p. 12. „Букву разсматриваютъ древніе грамматики, замѣчаетъ Антоній ib. §, какъ нѣчто первичное, на подобіе стихійныхъ элементовъ: огня, воздуха, воды, земли, составляющихъ начало и основаніе тѣлъ, также какъ и буквы суть начала и элементы звуковъ"; такъ понимали и греческіе грамматики функцію буквъ. См. Штейнталъ, Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen u. Römern, Berl. 1863.

Далѣе, при опредѣленіи значенія *дѣйствительнаго* и *страдательнаго* глаголовъ, Антоній прямо ссылается (№ 2, § 235) на Дефинитивную Философію Бауместра § 49; въ этомъ параграфѣ у Бауместра въ латинскомъ подлинникѣ нѣтъ ничего, относящагося къ опредѣленію дѣйствія, но есть въ § CCCCXC, III, который мы приводимъ ниже.

მოქმედებითად ზმნად უწოდებთ მას რმელი დანიშნავს ცვალებასა ქუმ-მდებარის მდგომოებისასა, რომლისაცა მიზეზი იპოების თჳთ ქუმდებარესა შინა ცვალებულსა.

„Глаголомъ дѣйствительнымъ называемъ то, что̀ означаетъ измѣненіе состоянія предмета, причина котораго (измѣненія) заключается въ самомъ предметѣ, подверженномъ измѣненію".

Вышеуказанный § у Бауместра гласитъ такъ: actio est mutatio status cujus ratio continetur in subjecto quod eandem mutat.

ხოლო ვნებითად ზმნად უწოდებთ მას, რომელი ნიშნვდეს ცვალებასა მდგომოებისა ქუმ-მდებარისასა, და ცვალებისა მის მიზეზი გარეგან ქუმდებარისა მის იპოებოდეს. „Страдательнымъ же глаголомъ называемъ то (слово), что̀ означаетъ измѣненіе состоянія предмета, причина же измѣненія его находится внѣ предмета". При этомъ опредѣленіи значенія страдательнаго глагола Антоній (ib. §) ссылается на § 492 Дефинитивной Философіи Бауместра, у котораго ничего не говорится о страданіи вообще въ указанномъ Антоніемъ §, но въ предъидущемъ § CCCCXCI, III: passio est mutatio status, cujus ratio continetur extra subjectum, quod statum suum mutat (этой послѣдней фразы нѣтъ въ грузинскомъ).

Этимъ оканчиваемъ библіографическую характеристику грамматическихъ трудовъ Антонія; слѣдуетъ замѣтить, что ближайшіе, по

времени, послѣдователи Антонія на грамматическомъ поприщѣ: Гаіозъ, царевичь Давидъ, Варлаамъ строго придерживаются его грамматики и въ терминологіи, и опредѣленіяхъ, и общемъ планѣ, но у Додаева, Чубиновыхъ, Іосселіани является уже нѣсколько другая система и терминологія, болѣе опредѣленная, приближающаяся, по точности техническихъ выраженій, опредѣленій и по системѣ, къ болѣе раціональному, современному изложенію и распредѣленію грамм. матеріала.

§ 5. Грамматика *Гаіоза* [13]), на грузинскомъ языкѣ, напечатана въ Кременчугѣ 1789 г. 2-го октября, стр. 143, §§ 283, in 8°, частью церковными, частью же гражданскими буквами. Грамматика эта безъ предисловія и оглавленія (по крайней мѣрѣ, экземпляръ Аз. Музея Ак. Наукъ, которымъ я пользовался, не имѣетъ ихъ), раздѣлена на 3 части: этимологію, синтаксисъ и орфографію.

Первая часть начинается *„вступленіемъ“*, въ которомъ дается опредѣленіе *грамматики*, какъ и у его предшественника Антонія; за тѣмъ говорится „о четырехъ главныхъ частяхъ грамматики“: о буквахъ (ასოები), слогахъ (მარცვალი), словахъ (სიტყვა) и предложеніи (სიტყვის). Алфавитныхъ знаковъ въ грузинскомъ языкѣ Гаіозъ считаетъ 40. Онъ мало отступаетъ отъ грамматики Антонія, которую сокращаетъ весьма удачно и со знаніемъ дѣла.

Ч. I. Имя, говоритъ Гаіазъ, раздѣляется на двѣ части, на имя *существительное* и имя *прилагательное*.

Далѣе слѣдуютъ отдѣлы: о степеняхъ сравненія. О родахъ, которые находитъ онъ *четыре*, какъ и его предшественникъ. О составѣ (ნაწარმოები) и видахъ (სახე). Онъ перечисляетъ 10 категорій производимыхъ словъ. Эта глава одна изъ лучшихъ у Гаіоза. Чиселъ два. Падежей 8. Гаіозъ признаетъ *только одно склоненіе*, говоря, что всѣ имена склоняются въ грузинскомъ языкѣ одинаково во всѣхъ падежахъ, за исключеніемъ *родительнаго падежа*, для котораго даетъ нѣсколько совершенно достаточныхъ правилъ. Въ этомъ состоитъ его неоспоримая заслуга.

Мѣстоименіе (§§ 86—101) имѣетъ всѣ принадлежности имени: родъ, видъ, составъ, число, лице, склоненіе.

О глаголахъ (§§ 102—109). Глаголы *сложные* съ предлогами, одно изъ хорошо разобранныхъ и самостоятельныхъ мѣстъ у Гаіоза. Главныхъ временъ глагола три: *настоящее, прошедшее и будущее* и кромѣ того еще *три прошедшихъ* времени; наклоненій *четыре*: онре-

дѣленное (სავლუ̂რებითი), неопредѣленное (განუსავლუ̂რებითი), повелительное (ბრძანებითი), гипотетическое (ჴიბრტყეტივ, ანუ ქუ̂ს-წყობილებითი). Правильныхъ спряженій глагола 6. Далѣе въ гл. 4—8 слѣдуетъ изложеніе другихъ частей и частицъ рѣчи.

Ч. II. Синтаксисъ. Гл. 1—8. О согласованіи частей рѣчи вообще. О сочиненіи имени съ глаголомъ. О согласованіи неправильныхъ глаголовъ. О согласованіи неопредѣленнаго наклоненія, причастія и отглагольнаго имени. О согласованіи именъ т. е. имени существительнаго съ именемъ существительнымъ, прилагательнымъ, причастіемъ и мѣстоименіемъ. О согласованіи предлога, нарѣчія, союза и междометія съ именемъ и глаголомъ. О согласованіи отвѣта съ вопросомъ. О художественномъ слогѣ. Объ естетическомъ слогѣ.

Ч. III. О правописаніи.

Гл. 1 — 3. О правильномъ чтеніи. О знакахъ препинанія и титлахъ. О раздѣленіи сочиненій на части, главы, параграфы и статьи.

§ 5. Грамматика *царевича Давида* существуетъ въ рукописяхъ; въ предисловіи своей грамматики авторъ обращается къ царственной особѣ, котораго имени не упоминаетъ, но котораго внукомъ (ძოძი ძე) называетъ себя, слѣдовательно Ираклію II: „для того, чтобы наше шествіе было направлено къ дверямъ мудрости, говоритъ авторъ, и, будучи движимъ сердечною любовью къ вамъ и народу вашему, который (народъ) вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ не имѣлъ досуга изучать благородныя искусства или философію, составилъ я эту маленькую, удобопонятную книгу въ вопросахъ и отвѣтахъ на основаніи *древнихъ и новыхъ грамматикъ;* она есть путь къ мудрости или ключъ знанія... Но дерзаю просить ваше величество, что въ случаѣ найдете ошибки простите мнѣ, такъ какъ въ знаніи я еще не опытенъ; хотя это сознаніе и казалось мнѣ препятствіемъ, но вѣрноподданическая преданность къ вамъ и любовь къ народу вашему преодолѣли препятствія и, сколько силы мои позволяли, рѣшился составить книгу, называемую основаніемъ мудрости, которая не мало пользы принесетъ народу вашему и мнѣ самому: имъ — поелику покажетъ путь и дверь къ благороднымъ искусствамъ, мнѣ — потому, что этимъ я выскажу желаніе усердно служить вашему величеству.

Ихъ величества милостиваго государя нижайшій рабъ, внукъ ихъ Давидъ“.

Давидъ сынъ и наслѣдникъ Георгія XIII, внукъ Ираклія II, умеръ въ 1829 г. Судя потому, что онъ въ предисловіи обращается къ дѣду (Ираклію), какъ еще царствующей особѣ, слѣдуетъ полагать, что эта грамматика не была составлена позже 1798 года, когда умеръ Ираклій и вступилъ на престолъ грузинскій, сынъ его Георгій, управлявшій всего два года.

Грамматика эта находится только въ рукописяхъ. Рукопись которою я пользовался (Кат. Азіят. Музея Акад. Наукъ № 93; in 4°) написана въ вопросахъ и отвѣтахъ, которыхъ 298; стр. 72. На переплетѣ отпечатана по русски „Философическая грамматика“. Она оканчивается философскимъ объясненіемъ грамматическихъ категорій и изображеніемъ разныхъ круговъ, связанныхъ между собою, съ надписями: сущность, форма, безродный родъ (უნათესავესი ნათესავი) смѣшеніе, простота, плотская душа (*душа* въ отличіе отъ *духа*?) живой камень, чувственное растеніе и т. п.

Послѣ предисловія начинается изложеніе грамматики, не отличающейся отъ предшествующихъ ни методичностью изложенія, ни простотою опредѣленій грамматическихъ понятій, ни, наконецъ, языкомъ, которымъ она написана; авторъ, желая *философствовать* только затѣмняетъ многія опредѣленія, которыя „не мудрствуя лукаво“ онъ передалъ-бы понятнѣе, лучше и проще. Онъ часто смѣшиваетъ *логическія* понятія и опредѣленія съ *грамматическими*. У него не менѣе своеобразнаго схоластическаго толкованія, чѣмъ у Антонія.

„Грамматика, говоритъ онъ, т. е. словесность (буквальн. „книжничество“), დრამმატიკჳ ე. ი. მწიგნობრობს, разсуждаетъ о знакахъ, слогахъ, словахъ и предложеніяхъ; слоги раздѣляются на буквы, буквы на граммы, (γραμμή), граммы на точки, точки же не раздѣляются болѣе“ [14]).

Вотъ его разсужденіе о природѣ звуковъ (вопр. 10—27): „Вопросъ. Сколько видовъ имѣетъ родовое понятіе *вздохъ, дыханіе*“ ტჳრს? Отвѣтъ. Два вида: *звукъ* (голосъ) ხმა и *незвукъ* (шумъ?) ხრახმა. В. Какіе суть незвуки? О. Незвуки — это [шумъ], издаваемый неодушевленными предметами, напримѣръ: шелесть листьевъ (ფოთოლთ შრიალი), грохотъ грома (ქუხილთ გრიალი), гудъ колокола (ზართ ბგერანი), журчаніе воды (წყალთ ჩქერანი), скрипъ колесницъ (ეტლთ ჭრიალი), и т. п. В. Какіе бываютъ звуки? О. Звуки бываютъ людей и животныхъ. В. Какъ раздѣляется звукъ? О. Раздѣляется

на *членораздѣльный* (ნაწყვეტნაწნაწ) и *членный* (ნაწყვეტნაწ нечленораздѣльный?) В. Какіе суть звуки членные? О. Тѣ, которыхъ нельзя изобразить письмомъ, какъ напримѣръ, звуки животныхъ и птицъ. В. Какіе суть звуки членораздѣльные? О. Звуки людей, такъ какъ ихъ можно передать письмомъ. В. Какъ раздѣляется звукъ членораздѣльный? О. На *знаменательный* (ნიშნაგვნაწ) и не *знаменательный* (უნიშნაწ). В. Какіе суть не знаменательные звуки? О. Тѣ, которые хотя и могутъ быть изображены знаками, но ничего неозначаютъ (ან ნიშნებ ან რაღმეს, для примѣра слѣдуютъ по три точки ∴∴∴∴∴∴). В. Какіе суть знаки знаменательные? О. Тѣ, которые могутъ быть изображены письмомъ и означаютъ что-нибудь. В. Извольте сказать (მიბრძანე მე ასომთა ხმაჲს) мнѣ значеніе буквы? О. Какъ человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла и безъ души не можетъ тѣло издавать звука (გამოსცემს ხმასა), такъ и буквы (?) состоятъ изъ *гласныхъ* и *безгласныхъ*, и безгласная не можетъ имѣть безъ гласной звука, но только соединясь вмѣстѣ образуютъ полный звукъ“.

Падежей 8. Названія падежей тѣ же самыя, какія у Антонія. Вопр. 116 — 123 нашъ авторъ объясняетъ названіе и внутреннее значеніе падежей, которое ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго толкованія, принятаго въ грамматикахъ. За тѣмъ излагаетъ ученіе о мѣстоименіяхъ и глаголахъ (вопр. 163—203), нѣсколько разбавленное для учениковъ, но, въ сущности, тоже самое что̀ и у Антонія. Временъ допускаетъ: 4 прошедшихъ, одно настоящее и одно будущее. Наклоненій (ბრძანება) 5: опредѣленное, повелительное, жалательное, гипотическое, или условное и не опредѣленное. Принадлежности глагола: основа глагола (ძირი ზმნისა), соединительныя буквы (ასომი შემაერთებელნი), характеры лицъ (წიგნნი მისნიერებანი), знаки чиселъ (წიგნნი მისწრაფებანი).

Далѣе распространяется: о причастіи, сологѣ (предлогахъ и послѣлогахъ), нарѣчіи, междометіи, союзѣ.

Синтаксичоская часть представляетъ также не мало своеобразнаго.

§ 7. Краткая грузинская грамматика, сочиненная на россійскомъ языкѣ. Въ С.-Петербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1802 г., in 8° стр. 64. Грамматика эта начинается коротенькимъ предисловіемъ также на русскомъ языкѣ, подъ которымъ стоятъ буквы: В. А. Г. т. е. *Варлаамъ Архіепископъ Грузіи*, въ послѣдствіи митрополитъ и первый грузинскій экзархъ, былъ родомъ изъ князей Эри-

стовыхъ, умеръ въ Москвѣ 1830 г. „Хотя слогъ грузинскаго языка не имѣетъ толикой привлекательности, гласитъ предисловіе, чтобы обратить къ себѣ нѣкоторыхъ вниманіе касательно совершеннаго его понятія; но судя по отношеніямъ, каковыя послѣдовать должны между Россіею и Грузіею по случаю ихъ соединенія, не обинуясь сказать можно, что діалектъ сей въ связи общественнаго онаго правленія для жителей Россіи есть нынѣ не безполезенъ, особливо для тѣхъ, коихъ всемощная Монарха Россійскаго рука поставила тамо правити судъ и дѣлати всякую правду. И вотъ на семъ-то основаніи разсудилъ я издать въ свѣтъ краткую сію грамматику, стараясь сколько можно было, помѣстить въ ней все то, что потребно къ правильному грузинскаго языка уразумѣнію.

Да будетъ убо, почтенные словесности любители! сей малый трудъ мой предъ лицемъ вашимъ пріятенъ и любезенъ, да будетъ милъ неотвратителенъ. Впрочемъ желаю, чтобы изученіе книжицы сей составило хотя малѣйшее пособіе къ взаимному Грузіи съ Россіею отношенію“.

Грамматика эта довольно удачное сокращеніе грамм. Гаіоза содержитъ этимологію и важнѣйшія правила синтаксиса, расположенныя почти въ томъ же порядкѣ какъ и у Гаіоза. Буквъ считаетъ Варлаамъ только 39, а не 40, какъ Антоній, Гаіозъ и царевичь Давидъ.

Падежей 8, склоненій 5 — по числу конечныхъ гласныхъ.

По Варлааму грузинскія мѣстоименія имѣютъ два рода (?): средній и общій. Первыми бываютъ мѣстоименія, замѣняющія *неодушевленные* предметы, вторыми же — предметы *одушевленные*. Это правило искуственно и произвольно составлено.

Временъ по Варлааму 7. Спряженій также 7, но онъ даетъ, для краткости, образцы только трехъ изъ нихъ. О сочетаніи словъ. Въ этомъ отдѣлѣ Варлаамъ даетъ только 7 важнѣйшихъ синтаксическихъ правилъ.

§ 8. Въ каталогѣ грузинскихъ книгъ библіотеки свѣтлѣйшаго князя Іоанна Григорьевича Грузинскаго значится еще „Грузинская грамматика составленная *Іоанномъ Картвеловымъ*. Тифлисъ, 1809 г. рукопись“. Я не видѣлъ этой грамматики.

§ 9. Грамматика *Іессея Чубинова*, на груз. языкѣ, печ. церковными буквами, безъ заглавнаго листа, равно и безъ имени автора, (по крайней мѣрѣ, они не обозначены на экземплярѣ С.-Пб. Пуб-

личной Библіотеки, которымъ я пользовался, хотя экземпляръ совершенно новъ) in8°, 128 стр. §§ 75; безъ озн. года и мѣста напечатанія.

По Шёгрену (Literarische Anzeige. St.-Petersb. Ztg. 1838, № 97), авторъ ея протоіерей Іессей Чубиновъ, издана въ Тифлисѣ въ 1816—17 гг. Послѣ опредѣленія грамматики, слѣдуетъ раздѣленіе ея на 3 части: этимологію, синтаксисъ и орфографію.

Родовъ (гл. 4) 4, падежей 8, склоненій 7. О производныхъ словахъ (12 категорій), гл. 5 — одинъ изъ лучшихъ отдѣловъ этой грмматики. Хотя они взяты у предшествующихъ грамматиковъ, но они у него представлены гораздо проще и систематичнѣе, чѣмъ у прежнихъ. Авторъ подробно излагаетъ (гл. 7) глаголы. На стр. 50 замѣчаетъ онъ очень обыкновенное явленіе въ грузинскомъ языкѣ, но не высказанное его предшественниками (кромѣ Антонія) съ такою опредѣленностью, именно, что всѣ грузинскіе глаголы измѣняютъ какъ *начала* (префиксы), такъ и *окончанія* (суф.), по лицамъ и временамъ; что и составляетъ своеобразную особенность грузинскаго языка. На стр. 360 перечисляетъ нѣкоторые предлоги, являющіеся въ началѣ глаголовъ, таковы: ად, შთა, წართმო, მო, შე, გან, გამო и замѣчаетъ (со словъ Антонія), по этому случаю, что слоги эти прибавляются къ глаголамъ чаще *въ прошедшемъ и будущемъ временахъ*, прибавляясь же къ формѣ *настоящаго времени*, придаютъ ей значеніе *будущаго* ად-ვაშენებ по-строю, და-ვ-წერ на-пишу, გა-ვათბობ разо-грѣю. На стр. 58 подробно разсуждаетъ о производныхъ глаголахъ სხმითვარდასვლითთა (causativa), означающихъ дѣйствіе, совершаемое черезъ посредство другаго лица.

Наклоненія: опредѣленное, повелительное, гипотетическое, или желательное, неопредѣленное. Онъ дѣлитъ спряженія грузинскихъ глаголовъ на основаніи *показателей лицъ* (ასონი მაჩვენებელნი), какъ ихъ грузинскіе грамматики называютъ, согласно съ ихъ функціей — ა, ე, ი, ჳ, ჴ, მ, ვ, ს, на *два спряженія*.

§ 48—65 заключаютъ особыя примѣчанія о временахъ и наклоненіяхъ глаголовъ, особенно хорошо разработанъ § объ образованіи страдательныхъ глаголовъ и, вообще, ясно указаны характеры временъ наклоненій и исключенія изъ общихъ правилъ.

§ 65 посвященъ разсмотрѣнію неправильныхъ глаголовъ, какими онъ считаетъ: глаголы неполные, недостаточные, безличные.

Гл. 12 — 16. Частицахъ рѣчи.

Языкъ грамматики менѣе книжный, чѣмъ у его предшественниковъ, опредѣленія его кратки, просты и понятны, вся система грамматики упрощена, и, если онъ повторяетъ въ общемъ своихъ предшественниковъ, то въ лучшемъ видѣ, и какъ учебникъ одинъ изъ лучшихъ, словомъ, въ авторѣ видѣнъ грамматическій смыслъ и ясное представленіе того, что онъ писалъ. Авторъ колеблется между древне-грузинскимъ языкомъ и ново-грузинскимъ, приводитъ примѣры то одного, то другаго.

§ 10. Самоучитель содержащій въ себѣ грамматику, разговоры, нравоученія и лексиконъ на россійскомъ и грузинскомъ языкахъ. Сочиненныя служащимъ въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ надворнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ *Годерзіемъ Фираловымъ*. თჳთ მასწავლებელი რომელი იჳცრობს თჳს შორის ლრამმატიკასა, ზნეობის სწავლასა, საუბარსა და ლექსიკონსა რუსულსა და ქართულსა ენასა ზედა: შეთხზული მასხურებელისა სახელმწიფოსა კოლლეგიასა შინა უცხოს მხრისათა ნადვორნის სოვეტნიკის და კავალერის გოდერძი თჳრალოვისაგან: въ С.-Петербургѣ. Въ типографіи Іос. Іоанесова 1820 года, in 4° больш. форм. стр. 187, напеч. въ два столбца, параллельно по русски и по грузински. Грамматика, разговоры, нравоученія лексиконъ все передано съ буквальнымъ грузинскимъ переводомъ, часто неправильнымъ и непонятнымъ.

Самъ авторъ Фираловъ былъ мдиваномъ (секретаремъ) царя Георгія, когда онъ былъ еще наслѣдникомъ престола грузинскаго. Онъ передалъ на русскій языкъ, въ видѣ драмы, грузинскую поэму Вепхвисъ-ткаосани (см. ცისკრის ვეფხვის ყაოსანი. მოსკოვს 1852 წ.).

Самоучитель начинается „предисловіемъ“ на грузинскомъ и на русскомъ языкахъ; авторъ высказываетъ побудительныя причины, планъ и цѣль составленія этого сочиненія: „со всевозможнымъ тщаніемъ, говоритъ онъ, сочинилъ сію книгу самоучителя, для познанія двухъ языковъ, Россіанамъ—Грузинскаго, а Грузинамъ—Россійскаго“.

Самоучитель состоитъ изъ VI частей и 21 главы. Часть I, гл. 1—3. „О Азбукѣ Грузинской, складахъ и произношеніяхъ. О числахъ. О слогахъ и рѣченіяхъ.

Ч. II, гл. 1—2. О Россійской Азбукѣ, складахъ и произношеніяхъ ихъ. О словахъ и рѣченіяхъ.

Ч. III, гл. 1—16. О грамматикѣ вообще. О знакахъ препинанія. О словопроизведеніи. О имени вообще“ и другихъ частяхъ рѣчи;

оканчивается эта часть „словосочиненіемъ и слогоударенiемъ“. Далѣе „Ч. IV Нравоученія. Ч. V. Разговоры. Ч. VI. О лексиконѣ и толкованіи именъ человѣческихъ“.

Языкъ Фиралова „болѣе удобопонятный“, говоря словами Антонія, чѣмъ у его предшественниковъ, но у него также есть колебанія въ употребленіи словъ и грамматической терминологіи. Что же касается собственно грузинской грамматики, то она весьма слабо передаетъ даже то, что было сдѣлано его предшественниками.

На грамм. строй собственно грузинскаго языка не обращено никакого вниманія, лишь изрѣдка замѣтитъ авторъ кое-что о будто-бы незначительныхъ отступленіяхъ его отъ русской грамматики и то въ примѣчаніи, такъ на стр. 31 онъ, перечисляя падежи русскаго языка, говоритъ: „Въ грузинской грамматикѣ склоненій числомъ не опредѣлено, какъ въ россійской; но вообще всѣ имена кончащіяся на самозвучащія или безгласныя буквы, *склоняются по свойству языка чрезъ падежъ* (?!)“. Хорошо объясненіе! Въ другомъ мѣстѣ по поводу русскихъ мѣстоименій Фираловъ замѣчаетъ:

„Въ грузинскомъ языкѣ мѣстоимерій суть только два рода, *общій* и *мужескій*“, но не указываетъ, какія это общаго рода мѣстоимѣнія и какія мужескаго рода, чѣмъ они другъ отъ друга отличаются? Да такихъ и не укажетъ, потому, что ихъ нѣтъ въ грузинскомъ языкѣ. Равно ошибочно и слѣд. прим. стр. 59. „Какъ выше о мѣстоимѣніяхъ сказано, что въ грузинскомъ языкѣ родовъ только два: *общій и мужескій, такъ и о глаголахъ прошедшихъ временъ разумѣть надлежитъ(?!)*“ При этомъ нужно замѣтить, что авторъ ни разу не подкрѣпляетъ примѣрами свои замѣчанія о грузинской грамматикѣ. Вотъ еще образчикъ его разсужденій:

„Въ грузинской грамматикѣ хотя спряженій глаголовъ по окончаніямъ своимъ считается 7 (?), но какъ оныя сходны съ россійскимъ (?!), то за лишнее почитаю здѣсь о нихъ упомянуть“ стр. 59. Словомъ, его трудъ есть ни что иное, какъ *изложеніе общихъ опредѣленій грамматическихъ категорій съ краткимъ обзоромъ русскихъ склоненій и спряженій, съ ссылкою иногда и на грузинскую грамматику*, въ томъ родѣ, какъ мы выше выписали. Къ сожалѣнію, и переводъ съ русскаго на грузинскій весьма слабъ, обличая въ авторѣ поверхностное знакомство съ грузинскимъ языкомъ и незнаніе

самыхъ обыкновенныхъ идіотизмовъ его, которыми онъ долженъ былъ замѣнить буквальн. переводъ съ русскаго, часто не имѣющій никакого смысла и не понятный на грузинскомъ, если не посмотрѣть въ русскомъ параллельно напечатанномъ текстѣ. Вотъ немногое изъ множества такихъ примѣровъ, стр. 107: „Я вамъ весьма обязанъ“ Фираловъ переводитъ: „მე თქვენდამი ფრიად შევკრულ ვარ“ слово: *обязанъ* въ грузинскомъ языкѣ употребляется исключительно въ слыслѣ *физическомъ*, „связать, связывать“ и никогда въ смыслѣ *нравственномъ*,— въ смыслѣ „одолженія“, и сочиняется всегда съ род. п. съ послѣлогомъ გან отъ, მიერ чрезъ, თქუმენგან, თქუმენ მიერ, а не съ дат. съ послѣлогами მდინ, მდი до, къ,—какъ это дѣлаетъ Фираловъ; и такъ, слѣдуетъ перевести: მეთქვენ მიერ (გან) ფრიად დავალებული ვარ“. Въ фразѣ: გმადლობ თქვენ თქვენსა ალერსსა ზედა (послѣлогъ ზედ „на“ употребленъ вмѣсто თჳს для): „благодарю васъ за вашу ласку“. Фразу стр. 130. „Полкъ въ которомъ онъ находится претерпѣлъ въ семъ дѣйствіи много“, Фираловъ переводитъ: ვაჟკაცან, რომელსაცა შინა იგი იმყოფების, მოითმინა მოქმედებასა შინა მრავალი, послѣдняя половина фразы имѣетъ *противуположный русскому смыслъ*, благодаря совершенно буквальной и механической передачѣ слова „претерпѣлъ“. Вотъ еще образчикъ механической передачи: слова „положитесь на меня „стр. 134. Фираловъ нереводитъ: დაჰყევით ჩემზედ, буквальн. „положите на меня“.

Но, не смотря на существенные недостатки, можетъ быть книга эта была не безполезна въ то время, когда совсѣмъ не было учебниковъ подобнаго рода, по пословицѣ „на безрыбьи и ракъ рыба“.

§ 11. Шёгренъ говоритъ, что онъ „самъ имѣетъ рукописную грузинскую грамматику, составленную царевичемъ *Іоанномъ* [16]) (стр. 114, in 4°) въ 1829 г. въ Спб. (Literar. Anzeige. St-Petersb. Ztg. 1838, № 27, p. 2). Я не видѣлъ экземпляра этой грамматики.

§ 12. Кратвая грузинская грамматика, изданная *Соломономъ Додаевымъ*. Тифлисъ 1830. Въ типографіи издательскаго комитета. შემოკლებული ქართული დრამმატიკა გამოცემული სოლომონ დოდაევისა მიერ, ტფილისსა 1830 წ. სტამბასა შინა გამოცემულისა კომიტეტისასა; in 4° малаго формата стр. 80 §§ 156. Напечатана на груз. языкѣ гражданскими буквами. Языкъ грамматики довольно обработанный и легко доступный всякому, по крайней мѣрѣ, въ то время. Опредѣленія грамм. категорій и техническіе термины болѣе

сближенны съ разговорнымъ языкомъ, чѣмъ у его предшественниковъ, хотя изложеніе и объясненіе ихъ не многимъ отличается отъ грамм. системы предшественниковъ; число склоненій, падежей, спряженій, все тоже, даже четыре грамматическіе рода, общая ошибка всѣхъ ихъ. И его грамматика дѣлится на три части: словопроизведеніе ლექსთ-წარმოება, (гл. 1 — 8), словосочиненіе ლექსთ-თხზულება (гл. 1 — 8), правописаніе მართლ-წერა (гл. 1 — 3). Склоненій 4: 1) всѣ слова, кончащіяся на согласныя; 2) слова кончащіяся на ს, ჯ, ჳ, ჱ; 3) всѣ слова на ი, ჴ; 4) слова на ო, ჲ. Спряженій два, на основаніи личныхъ показателей.

Довольно поучительна орфографическая часть этой грамматики: гл. 1 — 3. О правильномъ употребленіи буквъ. О большихъ буквахъ. Объ употребленіи гласныхъ и двугласныхъ буквъ. Объ употребленіи безгласныхъ буквъ. Въ этихъ рубрикахъ авторъ даетъ нѣсколько остроумныхъ объясненій нѣкоторыхъ грузинскихъ звуковъ.

§ 12. Первоначальныя правила грузинской грамматики, составленныя *Платономъ Игнатьевичемъ Іоселіани*. Тифлисъ 1840 г. პირველ-დაწყებითნი კანონნი ქართულისა ღრამმატიკისა, შედგენილნი პლატონ ეგნატის ძის იოსელიანისა მიერ. სტბეჭდილნი ქ. თფილისს, წიგნთა სტბეჭდავსა შინა ი. და დ. ანტონოვთა 1840, стр. 84, §§ 103 in 4°. Автора многихъ историческихъ, археологическихъ, географическихъ трудовъ о Грузіи, обличающихъ въ немъ большую начитанность, хотя, къ сожалѣнію, не всегда научнаго характера. Грамматика эта излагаетъ только этимологію. Но ни съ матеріальной, ни формальной стороны не представляетъ большей разницы отъ предшествовавшихъ ему трудовъ: ни по языку, ни по расположенію грамм. матеріала, ни по внутреннимъ достоинствамъ, какъ учебникъ и элементарное пособіе для изученія роднаго языка. Въ ней повторены тѣ же крупныя ошибки предшественниковъ, напримѣръ, все тѣ же роковые четыре рода, хотя авторъ могъ заглянуть въ грамматику г. Броссе и устранить эту общую ошибку всѣхъ туземныхъ грамматиковъ. Какъ предшествующій грамматикъ — Додаевъ, Іоселіани также дѣлитъ грамматику на три части, употребляя, почти безъ измѣненія, тѣ же техническія выраженія, опредѣленія и названія разныхъ грамматнческихъ категорій. Г. Іоселіани полагаетъ какъ и Додаевъ *четыре* склоненія.

Падежей признаетъ Ісселіани 6: им., дат., повѣств., твор,, зват. Онъ считаетъ въ грузинскихъ глагольныхъ измѣненіяхъ 5 временъ. Наклоненій четыре. Опред., Услов., Повел., Неопред. Спряженій два, какъ и у Іессея Чубинова: 1) спряженія съ преф. для 1 л. ვ, въ наст. вр. изъяв. накл.; 2 л. ს, ე, ო, უ, ჱ; 3 л. суфф. ს. II) спр. для 1 л. преф. ე; 2 л. ვ; 3 л. უ, ჱ.

При этомъ дѣлаетъ (стр. 47) Іоселіани справедливве замѣчаніе, что „у нѣкоторыхъ грузинскихъ грамматиковъ справедливо приняты для груз. глаголовъ *два* спряженія, хотя и это дѣленіе не совершенно удовлетворительно, но лучше, чѣмъ, напримѣръ, Антонія, который считаетъ 10 (?) и Гаіоза 6 спряженій, затрудняя этимъ ихъ изученіе и различеніе другъ отъ друга; поэтому всѣмъ послѣдующимъ грузинскимъ грамматикамъ остается только заботиться о томъ, какъ-бы ихъ сократить и выразить въ болѣе простыхъ схемахъ“. На стр. 49 замѣчаетъ авторъ, что „всѣ грузинскіе глаголы неправильны (?!), каждый глаголъ можетъ образовать новый глаголъ черезъ прибавленіе извѣстныхъ слоговъ; многія другія части рѣчи также обращаются въ глаголъ (подобнымъ же способомъ); отсюда происходитъ трудность установить правила для нихъ, но въ этой особенности языка (груз.) заключается, вмѣстѣ съ тѣмъ, богатство и разнообразіе его“.

Особыя примѣчанія (стр. 69, 1 — 12) о свойствахъ грузинскихъ глаголовъ заключаютъ въ себѣ немало, заслуживающаго вниманія.

Разбираемая нами грамматика въ существенныхъ чертахъ, правда, ни чѣмъ не разнится отъ предшествующихъ трудовъ, особенно грамматики Додаева, но въ ней уже замѣтна попытка, кромѣ св. Писанія, обращать вниманіе и на свѣтскія сочиненія Вепхвисъ-Ткаосани, Шавтели, не рѣдко указано и употребленіе словъ, грамм. формъ въ разговорномъ языкѣ, такъ напримѣръ, ეხლა, ხოლმე и др., равно и въ примѣчаніяхъ дѣлаетъ авторъ нѣкоторыя, довольно мѣткія соображенія объ особенностяхъ груз. яз., его грамм. формахъ. Все это составляетъ отрадное отступленіе отъ принятой въ прежнихъ грамматикахъ рутины. Но какъ учебникъ (насколько мнѣ извѣстно, и до-сихъ-поръ употребляемый какъ руководство въ мѣстныхъ школахъ), не соотвѣтствуетъ своему назначенію — ни по языку, которымъ она написана, ни по изложенію и распредѣленію грамматическаго матеріала.

§ 13. Краткая грузинская грамматика *Д. Чубинова*. Спб. 1855 г. in 4°, стр. 76, самая послѣдняя, по времени, грамматика грузинскаго

языка и лучшій учебникъ, преимущественно, новаго грузинскаго языка. Въ фактическомъ отношеніи не много новаго, но въ формальной сторонѣ ново то, что изложеніе и распредѣленіе грамм. матеріала не сравненно болѣе раціонально, систематично, чѣмъ у его предшественниковъ.

Въ началѣ авторъ даетъ знаки грузинскихъ алфав. и указываетъ нѣсколько случаевъ измѣненія звуковъ въ грузинскомъ языкѣ, замѣченныхъ, впрочемъ, еще г. Броссе въ L'art libéral; затѣмъ слѣдуютъ статьи:

§ 5 объ имени существительномъ. § 8 о прилагательномъ; § 10 о мѣстоименіи; § 12 о глаголѣ; § 21 о нарѣчіи; § 22 о предлогѣ; § 23 о союзѣ; § 24 о междометіи; § 25 о частицахъ утвердительныхъ. § 26. О словосочиненіи: § 27 а). О согласованіи словъ; § 28 б) объ управленіи словъ; г) объ образованіи именъ и глаголовъ: д) объ образованіи именъ прилагательныхъ; е) объ образованіи глаголовъ; ж) о грузинскомъ стихосложеніи. Этотъ послѣдній отдѣлъ *о словообразованіи*, составляетъ самую обширную и поучительную часть грамм. г. Чубинова, хотя, къ сожалѣнію, дѣленіе производныхъ словъ на различныя категоріи страдаетъ отсутствіемъ строгой системы.

Нельзя не отнестить сочувственно и къ тому, весьма похвальному, отступленію отъ принятой рутины, которое обнаруживается у автора въ попыткѣ объяснить и нѣкоторыя явленія живой, народной рѣчи, а не только литературной съ его „тремя слогами“, какъ это было прежде. Очевидное доказательство того, что авторъ смотритъ на предметъ грамматики именно такъ, представляетъ множество примѣровъ, приведенныхъ для упражненія изъ басенъ кн. Сулханъ-Сабба Орбеліани, писанныхъ далеко не „классическимъ слогомъ“ XVII стол., но языкъ которыхъ представляетъ странное сочетаніе архаическихъ формъ, древнѣйшихъ литературныхъ съ новѣйшими народными.

ОТДѢЛЪ II.

§ 14. Первая груз. грамматика на иностранномъ языкѣ, которую мы имѣемъ, составлена католическимъ миссіонеромъ [17]) и издана въ Римѣ въ 1643 г., второй разъ въ 1670 г. Она написана на латинскомъ языкѣ и носитъ нижеслѣдующее обширное заглавіе: Syntag-

maton linguarum orientalium quae in georgiae regionibus audiuntur authore Francisco Maria Maggio clerico regulari, panormitano. Romae. MDCXLIII. Ex Tipographia Sacrae Congregationis de Propaganda Fide. In folio мал. p. VIII, 143. Второе изданіе, Romae MDCLXX, тоже in folio p. VIII, 143. Подъ упомянутымъ заглавіемъ соединены двѣ „книги“: a) Liber primus complectens georgianae, seu Jbericae vulgaris linguae institutiones grammaticas; b) Liber secundus complectens Arabum et Turcarum orthographiam ac Turcicae linguae institutiones. Эти два изданія ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга, ни по содержанію, ни по внѣшней формѣ.

Въ началѣ книги авторъ обращается къ Папѣ Урбану VIII, которому онъ посвящаетъ свой трудъ, говоря, что по 8 лѣтнемъ странствованіи, возвращается снова въ Римъ, чтобы повергнуться къ стопамъ св. отца, что, будучи посланъ въ Иверію и Колхмду онъ перенесъ, въ продолженіи этого опаснаго странствованія по Азіи и Европѣ, много трудовъ и лишеній. Описываетъ, нѣсколько витіевато, преграды, которыя ставили ему люди и сама природа тѣхъ странъ... Въ Грузіи встрѣчаетъ своихъ земляковъ-миссіонеровъ, „привлеченныхъ туда не желаніемъ золота, увлекшаго нѣкогда Аргивянъ съ береговъ Греціи, но единственно повинуясь велѣнію Папы“ [18]).

За тѣмъ говоритъ Маджій, что, будучи посланъ туда съ цѣлью привести въ учебную систему загадочные языки тѣхъ странъ, цѣли этой онъ посвятилъ почти 22 года, путешествуя, кромѣ Грузіи, по Арменіи, Сиріи, Персіи и Аравіи. По прибытіи въ Грузію старается всѣми силами собрать книги (codices) на основаніи которыхъ, между прочимъ, онъ составилъ свою грамматику. Проникнувъ въ Гурію и тамъ даже встрѣчаетъ нѣкоторыхъ изъ своихъ братій (...ad Gurios penetravi, ubi et alios e fratribus vidi).

За обращеніемъ къ Папѣ слѣдуетъ предисловіе, въ которомъ авторъ совѣтуетъ каждому миссіонеру, желающему успѣшно „просвѣщать варваровъ“, непремѣнно запастись его книгою, принаровленной-де къ этой цѣли. За тѣмъ перечисляетъ извѣстныхъ миссіонеровъ „просвѣтителей“, „апостоловъ“ тѣхъ странъ (Грузіи и ея областей) и знатоковъ мѣстныхъ языковъ. Въ концѣ предисловія проситъ у читателя, какъ водится, быть снисходительнымъ какъ къ ошибкамъ автора, такъ и опечаткамъ типогравщиковъ.

Маджій называетъ свой трудъ грамматикой *грузинскаго народнаго* языка, основанной и на письменныхъ фактахъ, почерпнутыхъ

изъ *рукописныхъ грузинскихъ книгъ* (codices), въ этомъ отношеніи трудъ его особенно важенъ. Авторъ, видно, имѣлъ хорошее грамматическое образованіе и природный, здравый смыслъ, вслѣдствіе чего онъ успѣлъ составить, независимо отъ туземныхъ грамматиковъ (по крайней мѣрѣ, онъ нигдѣ объ нихъ не упоминаетъ), довольно полную и подробную грамматику грузин. языка, имѣющую въ настоящее время, правда, лишь историческое значеніе, но въ свое время она была единственнымъ и полезнымъ учебникомъ, привлекшимъ вниманіе европейцевъ на упомянутый языкъ.

Нѣкоторые отдѣлы грамматики хорошо разработаны, напримѣръ, отдѣлъ о словопроизведеніи. Склоненія представлены весьма просто и ясно; вѣрно угадано также, что грузинскій языкъ не имѣетъ грамм. родовъ. Къ слабѣйшимъ отдѣламъ грамм. Маджія принадлежитъ изложеніе глаголовъ, хотя формы *временъ* и *наклоненій* вѣрно угаданы, но дѣленіе спряженій на категоріи не вѣрно, не основано на характеристическихъ признакахъ; примѣры подобраны не удачно, большею частью неправильные, недостаточные и сложные глаголы, и то безъ системы и порядка; благодаря этой неурядицѣ въ западной Европѣ, до конца прошедшаго столѣтія, существовало мнѣніе, что каждый грузинскій глаголъ имѣетъ будто-бы свое особое спряженіе, пока, наконецъ, грамм. труды природныхъ грузинъ — Гаіоза, Варлаама и др. не разсѣяли это ходячее мнѣніе. Вообще относительно системы изложенія грамматики Маджія слѣдуетъ замѣтить, что она въ главныхъ чертахъ представляетъ общепринятыя схемы латинской грамматики, принаровленной груз. языку. Понятно, что при такихъ пріемахъ особенности этого языка не могли быть угаданы; къ этому же присоединилось довольно поверхностное знакомство автора съ упомянутымъ языкомъ и не точное пониманіе, различеніе его звуковъ, вслѣдствіе чего въ его изслѣдованіи получились часто результаты не только ошибочные; но и смѣшные, такъ напримѣръ, въ междометіяхъ подъ рубрикой exultantis, sive laudantis онъ помѣстилъ слово ბარკალი (barkali) „стегно, ляшка“, вмѣсто дѣйствительно употребляемаго въ Грузіи восхваленія ბარაქალა (barak'-alla), отъ араб. بارك الله да благословитъ тебя Богъ (въ смыслѣ: браво! славно!)

Что касается до латинской транскрипціи Маджія, то нужно замѣтить, что онъ описываетъ многіе грузин. звуки не вѣрно; такъ ჭ у него

равняется *к*, между тѣмъ для *к* въ груз. языкѣ есть другой, вполнѣ соотвѣтствующій звукъ — ჳ, а ჴ есть *kh*, или ḱ, равно и ღ у него = gh, между тѣмъ, этотъ звукъ вполнѣ соотвѣтствуетъ лат. *g* (русск. г) безъ всякаго h, а ყ, которую онъ описываетъ ghh, можно выразить только gh, и звучитъ какъ славян. или малорусское г. ჟ = j (=русск. ж) у Маджія sg, равно ошибочны: ფ = ph (ṕ), შ = (sc (sˊ, ш); ც = zz (ц); ძ = z (дз), წ = cc (ćc = тч), ხ = chh (русск. х), ჯ = gi (gˊ); ჰ, ჵ и ჱ Маджій описываетъ одинаково — hh, между тѣмъ ჱ совершенно другаго рода звукъ, онъ соотвѣтствуетъ русск. х, а въ основаніи двухъ слѣдующихъ знаковъ лежатъ звуки ა (а) и ო (о) аспирированные, произносимые съ шумомъ. При этомъ нужно замѣтить еще, что у Маджія въ транскрипціи латинскія буквы произносятся по итальянски, такъ онъ употребляетъ c вмѣсто ć (русск. ч); груз. ჩ (ć = русск. *ч*) онъ описываетъ cin (ćin = *чин*), такъ ჩაჭდა сеќта (не цекма, а чеќма) сапогъ, равно givari (слѣдуетъ читать по итальян. дж(и)вари, а не какъ по лат. гівари) крестъ.

Отъ ошибочнаго пониманія груз. звуковъ и невѣрной транскрипціи ихъ произошла и не вѣрная передача цѣлыхъ словъ, такъ напр., на pp. 76, 77, 75 мы находимъ слѣдующія ошибки: ჭბო vitulinus, вмѣсто ხბო; ჭრმაღი gladius вм. ხმაღი = ხრმაღი; ბიჩი puer вм. ბიჭი; გმირძუილი infans вм. უმაწვილი (=უმარწვილი, ურმაწული, შვილი, ჩვილი); ვაჟი вм. ვაჟი iuvenis (?) сынъ, дитя мужескаго пола; ჭერი plebs вм. ერი; კალი muliercula (?) дочь, вм. ქალი; ჳსი pretium вм. ფასი; ამპართავანი superbus вм. ამპარტავანი и т. п. Грамматика эта состоитъ изъ четырехъ частей: 1 часть (p. 32) содержитъ въ себѣ „правила о правописаніи“ (orthographia prima pars grammatices hoc est de recta legendi, ac scribendi ratione institutiones). 2 часть (p. 77) посвящена этимологіи (Etymologia altera pars grammatices hoc est de partium opationis formatione institutiones). Въ 3 части (p. 15) авторъ разсуждаетъ о Синтаксисѣ (Syntaxis tertia pars grammatices hoc est de partium orationis constructione institutiones). Въ 4 части (p. 6) трактуется о просодіи (Prosodia quarta et ultima pars grammatices hoc est de syllabarum dimensione institutiones). I-я, орфогр. часть въ свою очередь, раздѣляется на главы: I — III обнимаютъ порядокъ буквъ обоихъ груз. алфавитовъ, начертаніе, названіе, значеніе ихъ, раздѣленіе и т. п. (Litterarum series, figurae, nomina, potestates, divisiones etc.). Алфавитный порядокъ и начерта-

ніе знаковъ почти тоже самое, какія соблюдаются и въ настоящее время; число же знаковъ меньше, а именно, 37 (нынѣ оно доходитъ до 39), такъ, у него нѣтъ буквъ ⴟ (fie) и ⴔ; равно и вмѣсто *дыханія* ⴕ (hie) у Маджія встрѣчаемъ ⴈ (i). Гл. IV: „Litterarum Arithmetica potestas, et appelatio". Онъ даетъ въ этой главѣ числовое значеніе знаковъ груз. алфавита, на ряду съ этимъ и арабскія цифры (notae arabicae numerorum, quibus pluries usi sunt in Jrebia) p. 18. Въ этой же главѣ авторъ разсуждаетъ о знакахъ препинанія, изъ которыхъ Маджій въ употребленіи въ груз. рукописяхъ находитъ только двѣ, или три точки, поставляемыя послѣ каждаго слова. Гл. V. Nexus syllabarum, et exercitatio lectionis Ibericae. Въ этой главѣ Маджій даетъ много образцовъ всевозможныхъ соединеній между собою отдѣльныхъ буквъ и цѣлыхъ слоговъ. Гл. VI-й заключаетъ въ себѣ *армянскій* и *арабскій* алфавиты съ соотвѣтствующими грузинск. буквами, и вотъ почему: „Cum Iberiae Regionem, hostium incursionibus devastatam, iam diu non modo Graeci et Persae, sed Armenii flamines, et Antistites incoluerint: inde ortum est etiam, ut in ea, passim plura Opuscula inveniantur, vernacula quidem, atque Iberica lingua: sed literis vel Armeniis, vel arabicis exorata, quae magni refert nostra intelligere, ut eorum ritus, atque errores deprehendamus. Ideò visum est sub finem hujus Ibericae Orthographiae, harum Gentium elementa paucis adijcere. Эта первая (орфографическая) часть Маджія оканчивается таблицею, содержащею буквы груз. гражд. азбуки, представленныя въ 3 — 5 разныхъ начертаніяхъ.

2 ч., какъ мы видѣли, Маджій посвящаетъ этимологіи. Здѣсь онъ распространяется о каждой части рѣчи отдѣльно. Въ гл. I разсуждаетъ объ имени и его принадлежностяхъ: родѣ, числѣ, склоненіи, видѣ и степеняхъ сравненія. Родъ, говоритъ онъ справедливо, у грузинъ одинъ и неизмѣняется (genus apud Iberos unicum est et invariabile); онъ подкрѣпляетъ это примѣрами: ლამაზი კაცი pulcher homo, ლამაზი ქალი pulchra femina. Чиселъ два, замѣчаетъ Маджій, *единственное* и *множественное;* послѣднее образуется изъ перваго, присоединяя къ концу частицу ბი (bi) (?), напр., მამა отецъ мн. ч. მამები (?). Справедливо даетъ Маджій только одинъ знакъ мн. ბი (bi) (ები), какъ единственно употребляемую въ народномъ языкѣ форму мн. ч. для существ. и прилагат. именъ; но онъ ошибочно пишетъ знакъ мн. ч. ბი, вм. ები (ebi): отъ მამა отецъ мн. ч. будетъ не მამბი, но მამები;

დედ̣ა мать, не დედ̣ბი, но დედ̣-ები; гласныя ед. ч. ა и ი выпадаютъ передъ знакомъ мн. ч. ები, напр., დიდი большой, დიდ̣ები (не დიდი-ები), დედ̣ა мать, დედ̣-ები (не დედ̣ა-ები); гласная ე ед. ч. остается и во множ. ч., образуя вмѣстѣ съ ე, знакомъ мн. ч. ები, долгую ე (ē) т. е. два е, напр., სახე лице, мн. ч. სახე-ები, равно и конечная ო и უ не выпадаютъ передъ ები (ebi), напр., გოგო дѣвушка, не გოგ-ები, и не გოგობი, какъ у Маджія, равно и не უცხები чужой, иностранецъ или უცხო-ბი, но გოგო-ები, უცხო-ები; გუ черепаха, мн. ч. გუ-ები; დრეგუ лукавый, დრეგუ-ები.

Маджій находитъ въ груз. яз. *одно склоненіе* и шесть *падежей*: им., род., дат., зват., отлож. (ablat), вин. Падежи эти, говоритъ онъ, образуются посредствомъ извѣстныхъ буквъ или слоговъ, присоединяемыхъ къ концу словъ: род. п. ს (s) или სა (sa); дат. п. имѣетъ ту же букву или частицу (particula) безъ ი (i) или другой гласной, на которую оканчивается слово. Зват. п. букву ო (o); abl. частицу სა-გან (sa-gan), соотвѣтствующую лат. a, ab, ex: вин. сходенъ съ именит., который принимаетъ частицу (particula?) ად, если же слѣдующее слово начинается гласною, говоритъ Маджій, тогда (?) ად принимаетъ еще букву ნ (n)=ად-ნ (man), напр. ღმერთად-ნ იცის Deus scit, соб. Богъ—тотъ вѣдаетъ. Для поясненія и подтвержденія всѣхъ этихъ правилъ Маджій приводитъ нѣсколько примѣровъ склоненія, въ которыхъ много ошибокъ противъ флексіи груз. языка, также какъ и въ правилахъ, въ подкрѣпленіе которыхъ они приведены. Такъ полное окончаніе род. п. не სა, какъ думаетъ Маджій, но ისა (isa), სა (sa) же есть окончаніе д. п.; напр. ადა отецъ, род. ად-ისა, дат. ად-სა, კაცი человѣкъ, род. კაც-ისა, дат. კაც-სა.

Въ концѣ обзора падежей Маджій даетъ и образчики склоненія мн. ч. на ნი (ni) и его флексіи: Demum plerumque in Codicibus, pluralem numerum reperi in ნი (ni) particulam exeuntem; eiusque genitivum, in particulam თა (tha); et in eandem dativum; vocat in ნო (no) et ablativum in particulam თა-გან (thagan)... потомъ прибавляетъ: sed haec nominum inflexio, in scribendo potius, quam in loquendo usurpatur; p. 41.

Глава о категоріяхъ производныхъ словъ составляетъ лучшій отдѣлъ въ грамм. Маджія; она обличаетъ въ авторѣ наблюдательность и большой лингвистическій талантъ. Маджій перечисляетъ категоріи производныхъ отъ существительныхъ, прилагательныхъ, нарѣчій, числи-

тельныхъ и др. числомъ до 15, объясняетъ образованіе и сущность понятій, выражаемыхъ каждой изъ нихъ въ отдѣльности, при этомъ, конечно, дѣло не обошлось и безъ ошибокъ (хотя сравнительно не грубыхъ), какъ въ отношеніи опредѣленія функцій производныхъ словъ, такъ и ихъ образованія. Далѣе Маджій *сочиняетъ* правила для степеней сравненія и *составляетъ* примѣры по этимъ правиламъ. Эта глава принадлежитъ къ слабѣйшимъ частямъ его труда, большая часть правилъ и примѣровъ степенней сравненія у Маджія ошибочны, напр., онъ говоритъ, что *сравнительная степень* образуется черезъ прибавленіе суффикса ხი (si) къ формѣ положительной степени: ლამაზი pulcher, ხი-ლამაზჲ pulchrior (?), წმინდა sanctus, ხი-წმინდჲ sanctior (?), მძიმჲ gravis, ხი-მძიმჲ gravíor (?) p. 65. Подобной формы для степеней сравненія не знаетъ груз. языкъ. Посредствомъ префиксовъ ხი (si) образуются отъ прилаг. существительныя съ абстрактнымъ значеніемъ, такъ слова: ხი-ლამაზჲ, ხი-წმინდჲ, ხი-მძიმჲ не выражаютъ ни высшей, ни низшей степени достоинства, качества, но значатъ единственно: pulchritudo, sanctitas, gravitas (красота, святость, тяжесть).

Для формы превосходной степени онъ полагаетъ троякое образованіе: всѣ они, по его мнѣнію, перифрастическія, образованныя посредствомъ სულა (sula) весь, ბევრი много, უფრო больше: სულ (სრულიად) ლამაზი pulcherrimus; სულა (სრულიად) წმიანდა sanctissimus. Наконецъ, по Мадж. превосх. степень образуется посредствомъ род. п. ед. ч. или мн. ч. (genitivo plurali, vel singulari, qui multitudinem significet, nulla addita particula nomini positiva (?): კაცების ღარიბი (?) hominum pauperrimus; ქალების აზნაური (?) mulierum nobilissima. Подобной формы прев. степени не только не существуетъ въ груз. языкѣ, но она вообще даже какъ сложное слово не имѣетъ никакого смысла; равно безсмысленны и ничего не выражаютъ слѣдующія, искусственно составленныя авторомъ формы: წმიანდა შავი (?) infortunatissimus; მართალი უსარგებლო (?) stolidissimus.

Если предшествующая (V) глава была одна изъ слабѣйшихъ, то слѣдующая глава (VI. p. 67—76), посвященная изложенію мѣстоименій одна изъ лучшихъ, особенно въ формальномъ отношеніи, хотя въ матеріальномъ авторъ не вполнѣ исчерпываетъ эту, безспорно, одну изъ важнѣйшихъ частей рѣчи. Въ III гл. (p. 77—91) Маджій разсуждаетъ *о глаголѣ*. Эту главу дѣлитъ онъ на *три параграфа*,

какъ онъ выражается, собственно на 3 спряженія, въ которыхъ онъ излагаетъ будто-бы всѣ видоизмѣненія глаголовъ. Эта часть труда принадлежитъ къ слабѣйшимъ отдѣламъ его. Категоріи спряженій не основаны на характеристическихъ чертахъ механизма груз. глаголовъ, примѣры подобраны неудачно. I. De communiori inflexione Verborum. Общимъ спряженіемъ Маджій называетъ то, по которому большая часть глаголовъ спрягается, особенно тѣ, которые выражаютъ движеніе (conjugatio communior, quae pluribus verbis competit, et ijs praecipuae, quae motum significant), такъ: მოვდ venio, წავდ, не „eo“, но abeo, „eo“ же значитъ ვდ. II, озаглавливается: De alijs (?) Verborum inflexionibus. III, de verbis substantivo, negativo, impossibili, transtivo (т. е. causativo) et affixis. При этомъ замѣчаетъ Маджій весьма мѣтко: pronomina mihi, tibi, sibi, et ego, tu, ille frequenter exprimunt Iberi literis quibusdam verbo affixis, nimirum მ (m), გ (g), ს (s) მ-ხჳნ (მჯობ неправ.) ostende mihi, გ-ხჳნ (?) ostende (?) tibi, ხჳნ ostende illi. მ-ჴან-ს (მსჴნს неправ.) mihi nocet, გჴან-ს tibi nocet, ჴან-ს illi nocet.

Времена: Praesens, Praeteritum, Imperfectum, Praet. perfectum magis propinquum, Praet. plusquam perfectum, Futurum. Наклоненія: Indicativus, Imperativus, Desideratívus. Изъяв. имѣетъ всѣ 6 временъ; жел. 4: наст., прош. не сов., прош. сов. Неок. накл. по Мадж. имѣетъ 2 времени: наст. и прош. მოსვლა venire et venisse (?). За тѣмъ Герундій, для котораго примѣры ошибочно подобраны: მოს veniendi, მოსსულპ veniendo, მოსული veniendum. Причастія: a) *глагольныя* (verbalia, quae a verbis deducuntur) и b) именныя (nominalia, qnae a nominibus effluunt). a) მომსვლელი veniens est, წამსვლელი abiens est, მომსვლელი venturus, წამსვლელი iturus, მოსული qui iam venit, წასული qui iam ivit, გატეხილი fractus; b) именныя secundi generis Participia, fiunt praeadita syllaba და atque adiecta nominibus particula ული: ხარჯი impensa, და-ხარჯ-ული impensus, ბნელი obscursus, და-ბნელებ-ული obscuratus. Далѣе (p. 98—113) слѣдуютъ: гл. V *о нарѣчіяхъ*. Эту главу Маджій разсматриваетъ подробно, раздѣляя на 2 части: a) разныя категоріи нарѣчій, b) ихъ образованія. Гл. VI о послѣлогѣ и предлогѣ (De postpositione et praepositione). Гл. VII о междометіи и гл. VIII о союзѣ. Всѣ эти категоріи разсмотрѣны авторомъ подробно, въ нихъ много новаго, народнаго, не книжнаго. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслу-

живаетъ изложеніе междометій, о которыхъ Маджій особенно распространяется, вводя въ эту частицу рѣчи даже такія слова, которыя по природѣ своей и по значенію не могутъ имѣть мѣста въ ней. Онъ даетъ подробно различныя формы и значеніе междометій въ алфавитномъ порядкѣ, дѣлитъ ихъ на 20—23 категоріи, выражающихъ различныя состоянія души (quae varios animi affectus indicant). Въ какія подробности вдается при этомъ Маджій, желая представить всевозможные крики, возгласы, обращенія, воззванія, клички, звукоподражательныя слова, видно изъ того, что, напримѣръ, подъ рубрикою „congregantis“ находимъ подраздѣленія обращенія къ разнымъ породамъ птицъ и животныхъ: anseres: ბუღი, ბუღი, ბუღი feles: წი, წი, წი, galinas: ბუოთი, ბუოთი, ბუოთი; capras; წეის, წეის, წეის; oves: თრუ, თრუ, თრუ, ბეჱ; sues: წნგეი, წნგეი, წნგეი, წნგეი; vaccas: გენშ, გენშ, მოო.

Синтаксисъ p. 113—123. Гл. I, о согласованіи словъ. Эта часть труда вообще неудовлетворительна; въ ней встрѣчается много ошибокъ грамматическихъ и орфографическихъ; но вѣрно подмѣчены нѣкоторыя особенности разговорной рѣчи, такъ Маджій говоритъ въ главѣ I p. 113, что сказуемое не всегда согласуется съ подлежащимъ въ числѣ, первое можетъ стоять въ ед. ч., второе во мн. ч. и на оборотъ: ვაჟკაცი იცოცხი (такого слова въ грузинскомъ языкѣ нѣтъ, но есть მეცნიერი) მიუვარს, doctos adolescentulos diligo, вм. (მეცნიერნი ანუ მსწავლულნი) ვაჟები მიბუვარ-(ართი)-ან.

Гл. II — IV. О согласованіи глаголовъ. О сочиненіи нарѣчій. О сочиненіи другихъ частей рѣчи.

Далѣе слѣдуетъ изложеніе *просодіи*. Авторъ на основаніи будто бы *количества* и *ударенія* послѣднихъ и предпослѣднихъ слоговъ дѣлитъ всѣ слова на двѣ категоріи: I) разсуждающая о количествѣ предпослѣднихъ слоговъ (de penultimarum syllabarum quantitate), имѣетъ 10 разрядовъ; II) о произношеніи многосложныхъ словъ, принимающихъ въ концѣ ударение, съ тремя подраздѣленіями, на основаніи гласныхъ ა, ი и ე (de polysyllabis dictionibus quae cum accentu in fine pronunciantur), онъ приводитъ для подкрѣпленія имъ же сочиненныхъ правилъ болѣе 30 примѣровъ, изъ которыхъ почти ни одинъ не имѣетъ въ концѣ ударенія, но, или на предпослѣднемъ, если слово двухсложное, или на 3-ьемъ отъ конца слогѣ, если трехсложное и болѣе. Словомъ, вся эта просодическая часть, какъ правила, такъ и

примѣры, составлена, по механическому подражанію схемамъ латинской грамматики, весьма искусственно.

Этимъ оканчивается груз. грамм. Маджія; далѣе слѣдуетъ общее подробное оглавленіе всей грамматики (131—136), а къ концу книги приложенъ краткій Катехизисъ (p. 137—143). Catechesis Christiana sive aliquot fidei rudimenta. Содержаніе: Signum Sanctae Crucis. Trisagion. Oratio dominicalis. Salutatio angelica. Symbolum Apostolorum. Decem praecepta Dei. Opera misericordiae corporalia. Septem ecclesiae Sacramenta. Litaniae Mariae Virginis. Языкъ этого Катехизиса простонародный, употребляемый въ зап. мѣстностяхъ Грузіи, преимущественно въ ахалцыхской области, переданный со многими грамматическими и орфографическими ошибками. Даже 10 заповѣдей подверглись сокращенію и измѣненію, чѣмъ католическіе миссіонеры никогда не стѣснялись, такъ 10-ая заповѣдь гласитъ: *„не позволяй сердцу увлечься сребролюбіемъ* (ნუ· გულსა· ჴშჳი· მიჰსცებსდ· სხვებისა·); какъ извѣстно, подобной 10-й заповѣди не существуетъ. или, напримѣръ, въ Символѣ вѣры 10 членъ гласитъ: „и одну св. каѳолическую и апостольскую церковь, исповѣдую едино крещеніе“ а 11 только „во оставленіе грѣховъ“... Dominus vobiscum, patres-illuminatores barbarorum!

§ 15. Языкъ грузинскій принадлежитъ къ грубымъ горскимъ языкамъ, говоритъ *Аделунгъ* въ своихъ грамматич. замѣткахъ о груз. языкѣ [19]), такъ какъ между его 37 буквами 10 шипящихъ и 9 гортанныхъ, которыя европеецъ почти не въ состояніи произнести, при этомъ встрѣчается и стеченіе твердыхъ согласныхъ. Этотъ языкъ не имѣетъ члена, производныя слова образуются посредствомъ суффисковъ и префиксовъ. Всѣ слова одного рода. Мн. число образуется посредствомъ слога bi, (?) во многихъ существительныхъ ebi, ibi (?). Имѣетъ только одно склоненіе и оно очень просто (einfach), ибо измѣняетъ правильно свои окончанія по падежамъ, которыхъ 6. Срав. степень прибавляетъ si къ положительной (?) Превосх. sula (?) Мѣстоимѣнія здѣсь въ полномъ составѣ, какъ и въ другихъ развитыхъ языкахъ. Хотя въ грамматикѣ принято только 4 спряж., по которымъ бо́льшая часть глаголовъ спрягается, въ особенности глаголы, означающіе движеніе, но, при этомъ, *каждый глаголъ имѣетъ свое особое спряженіе* (?!), *отличающееся отъ другихъ по своимъ окончаніямъ, вслѣдствіе этого спряженій почти безчисленное множество* (?) и они очень

трудны. Страд. форма глагола перифрастическая (?). Въ изъяв. накл. имѣется 6 вр. и, кромѣ обыкновенныхъ прош., еще два прош. вр. Въ спряженіи глаголъ измѣняетъ свои окончанія; *но при этомъ и мѣстоимѣнія приставляются къ глагольной формѣ въ началѣ.* Груз. языкъ имѣетъ *мало предлоговъ* (prepositiones), *но много послѣлоговъ* (postpositiones). Удареніе не имѣетъ опредѣленнаго мѣста, а ставится, то на послѣднемъ, то на предпослѣднемъ, то даже на третьемъ отъ конца слогѣ; p. 430—431. Mithridates etc. v. Adelung. I, H. Berl. 1806.

Эта краткая характеристика грамм. строенія груз. языка, сдѣланная Аделунгомъ, безъ сомнѣнія, грѣшитъ во многомъ, какъ и Маджій, которымъ онъ пользовался, но нельзя отрицать и того, что нѣсколько особенностей груз. языка подмѣчено съ проницательностью лигвиста, таковы: мѣстим. префиксы, существованіе большаго числа послѣловъ и т. п.

§ 16. Извѣстный въ свое время лингвистъ *Северинъ Фатеръ* составилъ краткую грамматику груз. языка по тремъ грамм. трудамъ, Маджія, Варлаама и Фиралова, и помѣстилъ въ своихъ Vergleichungstafeln der Europäischen und Süd-West-asiatischen Stamm-Sprachen, herausgegeben v. Iohann-Severin Vater. Halle 1822. Этотъ трудъ Фатера носитъ заглавіе: grusinische oder georgische Spraschlehre nach Maggio, Ghai (Warlaam) u. Firalow; in 8, p. 38. Грузинскія буквы замѣнены латинскою транскрипціею. Планъ этой компиляціи достойный Фатера, но матеріальная, фактическая сторона уступаетъ ему во многомъ, что весьма естественно отъ человѣка, незнавшаго груз. яз. и, пользовавшагося скудными и не совсѣмъ достовѣрными грамм. источниками въ родѣ Маджія и Фиралова. Содержаніе отдѣловъ, вошедшихъ въ этотъ трудъ: Alphabet, въ этомъ отдѣлѣ авторъ разсуждаетъ объ особенностяхъ груз. звуковъ и начертаніи ихъ церковными и гражданскими алфавитными знаками. Затѣмъ излагаетъ этимологію (Formenlehre); падежныя окончанія съ примѣрами склоненія (p. 188—195) на основаніи вышеупомянутыхъ же грамм. трудовъ. Подъ рубрикою: Adjective рѣчь идетъ объ образованіи степеней сравненія; послѣ чего слѣдуетъ Pronomen съ примѣрами мѣстоименій. Особенною простотою и систематичностью отличается его изложеніе глаголовъ, о которыхъ Фатеръ разсуждаетъ относительно подробно (p. 108—216). Въ противоположность мнѣнію Аделунга, руководство-

вавшагося, впрочемъ, только словами Маджія, что почти каждый глаголъ имѣетъ свое особое спряженіе (см. § 15), Фатеръ говоритъ: *хотя дѣйствительно, спряженія груз. глаголовъ не просты* (sind nicht einfach), *но они не такъ запутанны* (verwickelt), *чтобы, въ особенности, при новѣйшихъ средствахъ и пособіяхъ* (Hülfsmittln), *нельзя было бы выдѣлить болѣе опредѣленныя аналогіи*. За тѣмъ подробно разбираетъ знаки временъ и наклоненій, подкрѣпляя примѣрами спряженій (p. 205 — 216). Наконецъ (p. 217 — 219), слѣдуетъ краткій обзоръ: Adverbium, Praepositionen, Conjuctionen.

§ 17. Существовала еще рукописная грамматика одного католическаго миссіонера Джиролама да-Норчіа. Объ этой грамматикѣ говоритъ Ротіеръ: P. Girolamo da-Norcia (католическій миссіонеръ, жившій около половины 18 столѣтія) четырнадцатый настоятель (préfet) (въ Грузіи) владѣлъ груз. языкомъ въ совершенствѣ; онъ даже *составилъ* груз. грамматику на итальян. языкѣ въ руководство ново пріѣзжавшимъ [миссіонерамъ]; она хранится въ монастырѣ гор. Гори. Было-бы весьма полезно сдѣлать распоряженіе привезти ее въ Европу, чтобы увеличить число списковъ, или же напечатать ее. Journal asiat. novembre, 1827, t. XI, p. 276, articl. de M. le colonel Rottiers. Я не знаю навѣрно, была ли она доставлена въ Парижъ; но предполагаю, что она была доставлена и „грамматика *одного католическаго миссіонера*“ (котораго имени не упоминаетъ Клапротъ), которая послужила основаніемъ для груз. грамматики этого ученаго, кажется, была грамматика Норчіи, о которой идетъ рѣчь въ Éléments de la lague géorgienne par M. Brosset. Paris 1837 г., p. III.

§ 18. L'Art Libéral, ou grammaire Géorgienne, par Brosset jeune, Membre du conseil de la Société Asiatique. Paris. Imprimerie lithographique de Roissy. MDCCCXXXIV. p. XVI, 291; in 8, большаго формата.

II. Éléments de la langue Géorgienne, par. M. Brosset jeune, memre adjoint de l'Académie Impériale de Russie et membre du conseil de la Société Asiatique de Paris. Ouvrage publié aux frais de la Société Asiatique. Paris, imprimé a l'imprimerie royale MDCCCXXXVII. p. LVI, 366, in 8 больш. форм.

Труды г. академика Броссе составили эпоху въ изученіи грузинскаго языка, равно какъ и грузинской археологіи, исторіи, исторіи литературы. Онъ первый, на основаніи подлинныхъ, туземныхъ источниковъ, позна-

комилъ и продолжаетъ знакомить, въ продолженіи почти полстолѣтія ученую Европу съ памятниками груз. письменности. Сначала въ Парижѣ (1827 — 1836 г.), потомъ въ С.-Петербургѣ, въ качествѣ члена Спб. Акад. Наукъ, въ многотомныхъ изданіяхъ, какъ и въ многочисленныхъ отдѣльныхъ статьяхъ, занимается изслѣдованіемъ духовной жизни груз. народа въ былое время. Распространяться здѣсь о громадныхъ заслугахъ, почтеннаго ученаго, по части изученія Грузіи въ историческомъ, археологическомъ, географическомг и литературномъ отношеніяхъ, — заслугахъ, хорошо извѣстныхъ всѣмъ оріентаментамъ, — выходитъ изъ предѣловъ нашей настоящей задачи, мы ограничимся только библіогр. обзоромъ его грамматическихъ трудовъ о груз. языкѣ.

Если вспомнить, какъ мало было сдѣлано до него въ Европѣ по части изуч. груз. языка, что на европейскихъ языкахъ не было ни одного груз. словаря, который бы заслуживалъ этого названія, ни грамматики, при помощи которой можно было бы выучиться груз. языку, между тѣмъ, первые же труды г. Броссе обличаютъ въ немъ весьма основательнаго знатока упомянутаго языка, то легко представить себѣ, какія неимовѣрныя препятствія приходилось преодолѣть этому замѣчательному труженику при изученіи занимающаго насъ языка! Въ Парижѣ знаменитый лингвистъ Ев. Бюрнуфъ привѣтствовалъ появленіе первой грамматики Броссе (Journ. des Savants, mars 1835), а въ С.-Петербургѣ Ак. Шёгренъ написалъ библіографическія замѣтки о обѣихъ грамматикахъ его (Lit. Anz. S.-Petersb. Ztg. 1838). Перечисливъ въ краткомъ очеркѣ туземные и иностранные грамм. труды, предшествовавшіе грамматикамъ г. Броссе, Шёгренъ говоритъ: „Вслѣдствіе краткости и неудослетворительности учебниковъ груз. языка, писанныхъ на европ. языкахъ, былъ необходимъ учебникъ грузинск. языка (grus. Sprachlehre), который, при бо̀льшей подробно̀сти, отличался бы систематичностью и ясно̀стью изложенія; необходимость въ такомъ учебникѣ вдвое сильнѣе должна была чувствоваться въ наше время, когда изученіе языковъ (Sprachstudien) проявляется въ такихъ широкихъ размѣрахъ и, особенно, индо-европейскихъ языковъ, возбуждая всеобщій и живѣйшій интересъ; вслѣдствіе чего, многимъ могла придти въ голову мысль, что можетъ быть и кавказскія земли (Kaukasus-Länder) можно было бы разсматривать за соединительные члены (Zwischenglieder) упомянутой семьи языковъ, каковыми могли считаться языки: армянскій, грузинскій и осетинскій. Удовлетворить упомянутую по-

требность въ учебникѣ груз. языка не въ состояніи былъ никто лучше г. Броссе, который въ теченіи многихъ лѣтъ ревностно занимался изученіемъ груз. языка и показалъ себя основательнымъ, и многосторонним знатокомъ груз. литературы, частью посредствомъ многихъ статей, являвшихся въ „Journ. Asiatique“, частью въ другихъ, болѣе подробных трудахъ, какъ напр., переводъ и объясненіе Chronique Géorgienne 1830 г. и Mémoires inédits, relatifs á l'histoire et á la langue géorgienne 1833. И какъ грамматикъ онъ справился своею задачею въ обѣихъ своихъ грамматикахъ превосходно“. Мы съ своей стороны скажемъ, что послѣ грамм. Антонія, грамматика № I г. Броссе самая подробная, а въ системѣ изложенія и распредѣленія грамматическаго матеріала далеко превосходитъ грамматику Антонія; г. Броссе не ограничивается только трудами авторовъ, писавшихъ, по Антонію, „высшимъ или ученымъ слогомъ“, или вообще литературнымъ языкомъ, которыми этотъ послѣдній пользовался. Авторы, которыми пользовался г. Броссе писали и высшимъ, и среднимъ, и простонароднымъ языкомъ, таковы: поэмы, романы, письма и т. п. Вотъ эти сочиненія: 1. Le Nouveau Testament et l'ancien; 2. Le catéchisme de Tlukhaant. 3. Le code; 4. La Chronique imprimée par la Soc. Asiat. en 1830. 5. Le Tariel. 6. Le Synaxaire et la liturgie, 7. Les divers manuscrits historiques de la Soc. Asiat. publiés 1833. 8. Diverses lettres formant ma correspondance. Les Romans d'Omain, de Baram et de Miri. 10. Le lexique de Soulkhan et la traduction de la tragédie d'Alziae. L'art Lib. p. IX.

Г. Брассе въ предисловіи своей I-ой грамм. упоминаетъ о предшествующихъ ему грамматикахъ съ краткимъ отзывомъ о достоинствахъ и недостаткахъ ихъ трудовъ, таковы: Петрици, Антоній Кат., царевичь Давидъ, Гай, Фираловъ, Фатеръ, Маджій. Часто цитуетъ этихъ авторовъ въ своихъ грамматикахъ, оспариваетъ ихъ мнѣнія, указываетъ и поправляетъ ихъ ошибки; quant aux grammaires d'Antoni et du P. David, говоритъ г. Броссе, elles ne me sont parvenues qu'en 1833, époque ou mon travail était terminé, et deja cité au Journ. As. 8-bre 1828. p. 294. je me suis fait une loi de donner la substance de l'Art libéral (т. е. грамматики Антонія № 2) soit pour discuter l'opinion d'Antoni, quand il s'est trouvé que j' en avais adopté une contraire, soit pour m'appuyer de son autorité, et enrichir mon livre de nombreux détails qui m'avaient échappé. Dans tous ces cas

j'ai cité avec un scrupule conscientieux chacun des emprunts que j'ai faits" ib. p. IX.

Мы представимъ сначала содержаніе 1-й изъ упомянутыхъ грамматикъ г. Броссе, затѣмъ 2-ой.

§ 19. № I. Первая грамматика г. Броссе, названная l'Art Libéral, начинается предисловіемъ p. I — XI, въ которомъ перечисляются до него существовавшія грузинскія грамматики, съ замѣчаніями объ ихъ достоинствахъ и недостаткахъ, второй перечень содержитъ выписанныя уже выше нами названія 10-ти печатныхъ и рукописныхъ сочиненій, изъ которыхъ авторъ почерпалъ свои примѣры и, наконецъ, нѣкоторыя замѣчанія о планѣ своего сочиненія. За предисловіемъ слѣдуетъ оглавленіе съ указаніемъ главъ, параграфовъ и страницъ. Уже полное и подробное (стр. 1 — 37) изложеніе грузинскаго алфавита, которымъ начинается I глава, съ необходимыми объясненіями о начертаніи, произношеніи, употребленіи и измѣненіи буквъ показываетъ, что письменному изложенію этой грамматики предшествовало тщательное и долговременное изученіе грузинскаго языка. Также подробно, общедоступно ученіе о имени существ., прил. и ихъ флексіяхъ гл. II — V. Затѣмъ, въ гл. VI (стр. 111 — 127) подъ рубрикою: de la Derivation авторъ разсуждаетъ о производствѣ словъ. Слѣдующія за тѣмъ 3 главы посвящены числительному имени и мѣстоимѣнію. Даже самая трудная часть груз. языка — ученіе о глаголахъ, является въ разбираемой нами грамматикѣ, въ двухъ главахъ X и XI (стр. 169—251), гораздо полнѣе, яснѣе и систематичнѣе, чѣмъ у Антонія, котораго взгляды о глаголахъ г. Броссе основательно оспариваетъ и поправляетъ. Главы XII — XVI (стр. 254—282) содержатъ въ себѣ нарѣчія, сологи (composition = предлоги и послѣлоги), союзы, утвердительныя частицы и междометія; послѣдняя глава XVII (стр. 283—289) заключаетъ въ себѣ Lettres paragogiques. Грамматика оканчивается „conclusion", общими замѣчаніями объ отношеніи груз. языка къ индо-европейскимъ языкамъ, особенно къ азіатской вѣтви этой группы языковъ. Въ пяти положеніяхъ высказывается мысль о сродствѣ груз. языка съ индо-европрйскими.

Чтобы, насколько возможно, облегчить начинающему учиться груз. языку, каждую главу сопровождаютъ, для постепеннаго упражненія, отрывки изъ романа Миріани съ подстрочнымъ и свободнымъ переводами; кромѣ того, въ началѣ грамматики тамъ-и-сямъ

грузинскія слова сопровождаетъ также латинская транскрипція, и вездѣ съ необходимою послѣдовательностью. Обращено надлежащее вниманіе также и на обыкновенный разговорный языкъ (la langue vulgaire), котораго отступленія отъ древне-литературнаго языка авторъ указываетъ вездѣ съ возможною тщательностью.

§ 20 № II. Вторая грамматика этого же автора имѣетъ только то единственное преимущество передъпервою, что она *напечатана*; между тѣмъ, какъ № 1 и предшествующія ему сочиненія Chronique Géorgienne и Mémoires etc. *литографированы*, слѣд. для большаго круга читателей менѣе доступна, чѣмъ № II. Но первое сочиненіе гораздо болѣе самостоятельная, связная и цѣльная работа автора, тогда какъ, второй печатный трудъ, начатый уже другимъ, Клапротомъ, г. Броссе, по порученію Парижскаго Азіатскаго Общества, долженъ былъ продолжать и дополнить. Какъ говорится введеніи ризбираемаго нами труда р. III, Клапротъ приступилъ къ печатанію грузинской грамматики, въ основу которой легъ грамм. трудъ о груз. языкѣ „одного итальянскаго миссіонера“, объ изданіи такой грамматики было упомянуто еще въ 1827 г., напечатанномъ Vocaboulaire de la langue Géorgienne Клапрота, но этотъ ученый умеръ до выхода въ свѣтъ своего труда, въ августѣ 1833 г., когда были напечатаны лишь 7 листовъ его груз. грамматики. Парижское Азіатское Общество, напечатавшее и словари на свой счетъ, пригласило г. Броссе продолжать работу, начатую Клапротомъ и онъ съ 113 стр. довелъ до конца; такимъ образомъ, издалъ печатную грузинскую грамматику по плану Клапрота, который, однако, при составленіи своей грамматики больше имѣлъ матеріала, чѣмъ при составленіи своего жалкаго грузино-французскаго и французско-грузинскаго Vocaboulair'я, сколоченнаго на скорую руку по весьма недостовѣрнымъ источникамъ, въ родѣ Маджія и Паулини. По этому г. Броссе видѣлъ себя вынужденнымъ припечатать къ 112 страницамъ Клапрота еще XXXIV страницъ „errata et additions“, которыя онъ помѣстилъ между своимъ „введеніемъ“ и началомъ Клапторовой работы, чтобы дать читателю путеводную нить при изученіи этой части (полной ошибокъ) книги. Такъ какъ Клапротъ началъ излагать глаголы по старому, избитому способу, то г. Броссе нашелся вынужденнымъ присоединить къ концу главы о глаголахъ стр. 138, новую главу объ этой же части рѣчи, которая простирается до стр. 199 и, по его собственнымъ словамъ, большею частью, есть выдержка изъ X главы

его же грамматики L'Art Libéral, при этомъ выпущены всѣ тѣ подробности и тонкости, которыя въ элементарной книгѣ, какова № II, не могли имѣть мѣста. Въ остальномъ порядкъ, по которому матеріалъ разбитъ на главы, почти тотъ же самый что̀ и въ L'Art libéral. Новымъ прибавленіемъ является здѣсь глава XIII (стр. 230 — 236) о синтаксисѣ; затѣмъ глав. XIV (стр. 257—362) содержитъ постепенное упражненіе, раздѣленное на 4 отдѣла, а именно: 1) не большое собраніе фразъ разговорнаго языка, 2) и 3) не напечатанные еще: жизнь св. a) Давида и Константина и b) Алексѣя человѣка Божія, писанныя — первая литературнымъ языкомъ, вторая — разговорнымъ, народнымъ (vulgaire), съ нѣкоторыми особенностями, свойственными имеретинскому говору; наконецъ 4) разсказъ „ქინვრა", заимствованный изъ тифлисской газеты. Въ первыхъ отрывкахъ произношеніе большею частью передано и латинскою транскрипціею, текстъ сопровождаетъ двойной переводъ: подстрочный и болѣе свободный. Книга оканчивается общимъ оглавленіемъ содержанія.

Второй интересный перечень, присоединенный къ № II заслуживаетъ особеннаго вниманія; онъ составляетъ второй отдѣлъ введенія (стр. VI — XXI), названный Tableau raisonné de la littérature Géorgienne, раздѣльный по предметамъ. Онъ заключаетъ въ себѣ названія грузинскихъ сочиненій какъ рукописныхъ, такъ и печатныхъ, туземныхъ и иностранныхъ, оригинальныхъ и переводныхъ. Здѣсь перечислены подъ VIII рубриками (Religion, Dictionnaires, Grammaires, Philosophie et Legislation, Histoire, Géographie, Voyages, Littérature proprement dite) 132 или, если взять все приведенное вмѣстѣ, болѣе 170 назвнній, за исключеніемъ отдѣльныхъ статей о грузинскомъ языкѣ, литературѣ и исторіи, помѣщавшихся въ Journ. asiat. въ періодъ времени отъ 1827—36, изъ которыхъ большая часть принадлежитъ самому Броссе. Е. Бюрнуфъ написалъ маленькую рецензію, какъ мы выше замѣтили, о I-ой грамм. г. Броссе. Въ началѣ статьи Бюрнуфъ сожалѣетъ, что его спеціальныя работы не позволили ему заняться груз. языкомъ, поэтому самостоятельнаго взгляда не можетъ имѣть о немъ, все что̀ онъ знаетъ о языкѣ, литературѣ и исторіи Грузіи почерпнуто имъ изъ вторыхъ и третьихъ рукъ. За тѣмъ рецензентъ даетъ краткія географическія и историческія свѣдѣнія о Грузіи, о первомъ знакомствѣ европейцевъ съ груз. языкомъ и литературою; далѣе, перечисляетъ груз. грамматическіе и лексикографическіе труды,

писанные на европейскихъ языкахъ, какъ-то: грамм. Маджія, Джиролама да-Норчіа, Гая (Варлаама), самоучитель Фиралова, словари: итальяно-грузинскій Паулини и Ирбаха, грузино-французскій и французско-грузинскій Клапрота съ краткими замѣчаніями объ ихъ достоинствахъ и недостаткахъ; наконецъ, переходитъ къ грамматикѣ г. Броссе L'Art libéral и дѣлаетъ общій библіографическій обзоръ, не входя въ критическую оцѣнку этого труда, и вотъ почему: il faudrai pour apprécier le caractère de la langue géorgienne, говоритъ Бюрнуфъ, en avoir fait comme M. Brosset, une etude approfondie; l'exposé de la nomenclature grammaticale que nous pourrions donner ici n'en offrirait au lecteur qu'une vue imparfaite. Il nous suffira de dire que le géorgien offre dans son système de flexion des exemples d'une organisation intérressante à étudier. M. Brosset pense que les particules postpositives ont, un sens propre et qu'elles sont employées avec ce sens même dans la langue; et en effet la part que prennent ces suffixes à la formation d'autres mots donne á cette opinion une grande vraisemblence. La structure des verbes fournit encore à l'auteur la matiére de nombreux éclaircissements. Enfin son livree porte dans toutes ses parties l'empreinte du travail, et les traces d'une lecture étendue". Далѣе рецензентъ оспариваетъ мысль о средствѣ груз. языка съ индо-европойскими, въ пользу которой высказался г. Броссе въ своей грамматикѣ и, за тѣмъ, заключаетъ свою рецензію такъ: Au reste, quand même quelques personnes desireraient que l'auteur eût fourni une série plus nombpeuse de preuves à l'appui de son opinion, l'utilité de son ouvrage n'en serait aucunement diminuée. Cette opinion n'est en effet qu'une de conclusions de ce livre. Si c'est la plus importante, et, dût-elle être l'objet de quelque contradiction, il resterait toujours à M. Brosset le mérite d'avoir livré aux amateurs de la langue géorgienne un traité plus methodique et plus complet que ceux qu'on possédait jusqu'à ce jour"... Journal des Savants, mars, 1835.

ОТДѢЛЪ III.

Кромѣ цѣльныхъ грамматическихъ трудовъ о грузинскомъ языкѣ, отъ времени до̄ времени, появлялись и разсужденія объ отдѣльныхъ частяхъ его грамматики, (напр., Фр. Мюллеръ о глаголахъ), равно и сравнительныя изслѣдованія о грамматическомъ строеніи этого языка

въ отношеніи къ другимъ языкамъ (Боппъ); наконецъ, и другія, родственныя съ грузинскимъ нарѣчія: мингрельское, лазское, сванетское не были забыты лингвистами,—о характерѣ-то литературы, посвященной всѣмъ этимъ вопросамъ и намѣрены мы поговорить вкратцѣ въ настоящемъ отдѣлѣ нашего труда.

§ 21. Проф. Фр. Мюллеръ помѣстилъ въ Sitzungsberichte der phil.—historischen classe der. K. Wiener Akademie der Wissenschaften. B. 60. 1869, p. 152, маленькое изслѣдованіе о грузинскихъ глаголахъ „Zur Conjugation des georgischen Verbrums“, какъ не разъ замѣчено, о самой запутанной части грузинской грамматики. Статья эта отличается всѣми обычными качествами, свойственными этому языковѣду: простотою и ясностью изложенія, систематичностью, остроуміемъ и смѣлостью выводовъ; но, къ сожаленію, въ основаніе же, первую посылку вкрались ошибки, отъ чего и весь силлогизмъ изслѣдованія, какъ ни логично и строго построенъ въ другихъ частяхъ, все-таки даетъ ошибочное умозаключеніе. Выводы, къ которымъ проф. Мюллеръ приходитъ въ своей статьѣ, такъ новы и важны, что, если бы могли оправдаться, безъ сомнѣнія, за ихъ авторомъ осталась бы честь открытія принципа, управляющаго *внутреннимъ механизмомъ* груз. глаголовъ; считавшихся, начиная съ Маджія и кончая Шлейхеромъ, всѣми какою-то загадкою, не подчиняющеюся никакой системѣ и правиламъ грамматическимъ. Хотя я имѣлъ уже случай и лично и печатно высказать почтенному профессору свое мнѣніе объ его изслѣдованіи, тѣмъ не менѣе, важность предмета изслѣдованія обязываетъ меня еще разъ обратиться къ этому вопросу; тѣмъ болѣе, что самъ авторъ выражаетъ желаніе въ своей статьѣ, обратить вниманіе спеціалистовъ на этотъ важный вопросъ, съ цѣлью выяснить истину. Сущность вывода къ которому приходитъ авторъ изслѣдованія можно резумировать въ слѣд. словахъ: *всѣ грузинскіе глаголы, въ наст. вр. изъяв. накл., сложены изъ существительнаго глагола и изъ существительной или причастной основы.*

Съ теоретической стороны мысль эта не представляетъ ничего необыкновеннаго. Образованіе различныхъ грамматическихъ формъ посредствомъ сложенія играетъ одну изъ важнѣйшихъ ролей въ экономіи языка вообще. Извѣстно, что одно изъ замѣчательнѣйшихъ (если не самое замѣчательное) открытій, сдѣланныхъ Боппомъ, — то, что даже, повидимому, самая цѣльная и органическая форма индо-европей-

ѣкихъ глаголовъ, оказалась *сложенной* изъ существительнаго глагола и глагольной основы, но этимъ путемъ образовались далеко не всѣ времена, и притомъ не важнѣйшія изъ нихъ, какъ настоящее. Словомъ мы можемъ и должны допустить, что въ упомянутой семьѣ языковъ нѣкоторыя глагольныя формы образовались путемъ сложенія, но мы не въ состояніи доказать, что *всѣ* времена и наклоненія, *всѣхъ* рѣшительно глаголовъ обязаны своимъ происхожденіемъ *сложенію* *). Этотъ способъ образованія глагольныхъ формъ находитъ еще большее примѣненіе въ туранскихъ языкахъ, такъ напр., въ турецкомъ не-только прошедшія и будущія вр. образуются посредствомъ сложенія существительнаго глагола съ несклоняемыми причастными основами, но и настоящее время въ немъ такого происхожденія **.)

Тоже самое явленіе имѣетъ мѣсто и въ изолированныхъ языкахъ, принадлежащихъ преимущественно къ классу приставочныхъ, такъ, въ баскскомъ языкѣ *бо́льшая часть* глагольныхъ формъ сложены изъ существ. глагола и причастій, которыя, по правиламъ грамматики этого языка, называются *правильными*, остальная же, сравнительно весьма не значительная, часть глаголовъ, чуждыхъ этого сложенія, называется *неправильною* ***).

Послѣ всѣхъ этихъ аналогическихъ явленій, существующихъ въ различныхъ языкахъ, дѣйствительно, можно было сдѣлать предположеніе, что, можетъ быть, и механизмъ грузинскихъ глаголовъ основанъ на подобномъ же сложеніи именныхъ и глагольныхъ элементовъ. Этою остроумною мыслью задался Фр. Мюллеръ въ упомянутой статьѣ, но, по ему мнѣнію, не разрѣшилъ его, благодаря неудачно подобраннымъ примѣрамъ, не подкрѣпленнымъ звуковыми законами грузинск. языка. Дѣйствительно, въ груз. языкѣ существуетъ цѣлая группа *глаголовъ сложныхъ и въ настоящемъ времени*, какъ-то: ვ-ვ-ი-ვ-არ хожу (буквально — *ходящъ есмь*), ვ-ზი-ვ-არ сижу (буквальн. — *сидящъ есмь*), ვ-დგ-ვ-არ стою (стоящъ есмь), ვ-წვ-ვ-არ лежу (лежащъ есмь), გ-ვ-ი-ვ-არ выхожу (выходящъ есмь), ჩ-ვ-ი-ვ-არ нисхожу

---

*) Franz Bopp, über das Conjugationssystem der Sanskritsprache etc. Frankfurt 1816, p. 8. 96.

**) Общая грамм. турецко-татарск. языка мирзы А. Казембъ-Бека. Казань, 1846 г. стр. 25, 271.

***) Шлейхеръ: die Sprachen Europas. Bonn. 1850.

(нисходящъ есмь) *), მ-ი-ყუ̂ჳ-ხ-ჳ я люблю тебя (ты мнѣ любезенъ еси), გ-ი-ყუ̂ჳ-ვ-ჳ ты любишь меня (я тебѣ любезенъ есмь), მ-ი-ყუ̂ჳ-ჳ-(ჳ)-ს, გ-ი-ყუ̂ჳ-(ჳ)-ს, я его люблю, ты его любишь (мнѣ, тебѣ онъ любезенъ есть) и тому подобныхъ сложныхъ глаголовъ можно насчитать, можетъ быть, десятка два, три, и то большинство изъ нихъ въ прошедшемъ и будущемъ врем. просты, всѣ же остальные, т. е. болѣе, чѣмъ $^{9}/_{10}$ глаголовъ, совершенно просты, и обходятся въ настоящемъ, равно какъ и другихъ главныхъ временахъ, безъ всякаго существительнаго глагола, при томъ же упомянутыя сложныя формы не встрѣчаются, или весьма рѣдко, въ древнѣйшихъ памятникахъ языка, какъ евангеліе.

Указанная нами статья проф. Фр. Мюллера есть послѣднее слово европейской науки о характерѣ механизма грузинскихъ глаголовъ, если она не разрѣшила вопроса, то все-таки, какъ всякая остроумная мысль, безъ сомнѣнія, обратить вниманіе послѣдующихъ изслѣдователей на этотъ трудный, но въ высшей степени важный предметъ.

§. 22. Кромѣ вопросовъ, касающихся той или другой части грамматики груз. языка, лингвисты съ давнихъ-поръ начали изслѣдовать этотъ языкъ съ точки зрѣнія сравнительнаго языкознанія, т. е. старались опредѣлить отношеніе его къ другимъ семьямъ языковъ; съ этою цѣлью стали посвящать этому вопросу нерѣдко отдѣльныя статьи и изслѣдованія. Въ разсужденіи объ этомъ предметѣ, какъ и слѣдовало ожидать, разошлись изслѣдователи между собою во многомъ такъ, что, съ теченіемъ времени, выяснились три направленія, которыя считаютъ въ числѣ своихъ приверженцевъ извѣстнѣйшихъ лингвистовъ европы: приверженцы перваго направленія относятъ груз. языкъ къ *индо-европейской семьѣ* языковъ; приверженцы втораго направленія къ *туранской семьѣ*; наконецъ, приверженцы третьяго направленія считаютъ его съ родственными идіомами *изолированною группою* языковъ. Займемся краткимъ обзоромъ литературы и представителей всѣхъ этихъ направленій.

Еще у туземныхъ груз. грамматиковъ встрѣчаемъ мы часто сопоставленіе грамматическихъ явленій груз. языка съ аналогическими свойствами другихъ языковъ; такъ Антоній (грамм. № 2, § 207) говоритъ, что по аналогіи *греческаго*, *латинскаго и армянскаго* язы-

---

*) *Корни и основы* ლი, ბი, დგე, ჵე, ევნ въ вышеприведенныхъ примѣрахъ я передалъ причастіями (искусственно составленными) единственно во избѣжаніе пущей безсмыслицы, которая могла имѣть мѣсто въ случаѣ буквальной передачи ихъ на русск. языкъ.

ковъ допустилъ существованіе формы винительнаго пад. и въ груз. языкѣ, но, съ теченіемъ времени, по тщательномъ изслѣдованіи онъ убѣдился, что таковой формы нѣтъ въ упомянутомъ языкѣ, какъ нѣтъ ея, напр., во *французскомъ*, *итальянскомъ* и *латинскомъ* для словъ средняго рода. Фираловъ въ „Самоучителѣ“ часто сближаетъ, какъ мы видѣли, хотя весьма искусственно и произвольно, грамм. формы груз. языка съ формами русской рѣчи. Наконецъ, у г. Іосселіани (грам. стр. 40) находимъ мы мѣсто, гдѣ онъ при объясненіи формы и значенія грузинскихъ глаг. causativa (ვ-ს-ᲫᲔᲑ-ᲔᲑ-(ი-ნ)-ᲔᲑ, ვ-ს-ᲬᲔᲠ-(ᲘᲜ)-ᲔᲑ заставляю строить, заставляю писать) указываетъ на аналогическія формы въ арабскомъ и еврейскомъ языкахъ глагол. 5 и 6 классовъ.

Во всѣхъ этихъ сближеніяхъ, конечно, нѣтъ и тѣни сравнительнаго изслѣдованія языка, но есть попытка, по возможности, обобщить и объяснить груз. грамматическія формы аналогическими явленіями, имѣющими мѣсто въ другихъ языкахъ.

Гораздо опредѣленнѣе цѣль и метода сравненія у европейскихъ авторовъ. Объ отношеніи груз. языка къ индо-европейскимъ первый сталъ разсуждать Лейбницъ. Въ письмахъ своихъ къ извѣстнымъ въ то время знатокамъ восточныхъ языковъ и литературъ, этотъ философъ началъ проводить мысль объ отношеніи груз. языка къ греческому, латинскому, армянскому. Въ одномъ изъ такихъ посланій онъ высказалъ опредѣленнѣе и подробнѣе свое мнѣніе объ этомъ предметѣ *).

Gratias ago, пишетъ Лейбницъ, quod communicatam tibi a Reverendissimo Domino Abbate Luccensi notationem meam, de cognitio jam veteribus consensu linguae Aegyptiae cum Colchica, nationis Armenis vicinae literis humanitatis et doctrinae plenis remunerari voluisti. Dubito et ego, продолжаетъ онъ, an Colchica (lingua) vetus eadem sit cum Georgiana hodierna... Est mihi ad manus dictionarium linguae Georgianae, typis Congregationis propagandae Fidei Romae 1629, editum, in quo agnosco multa consentire cum lingua Graeca... Такимъ образомъ Лейбницъ усумнившись въ тождествѣ *древне-колхидскаго* языка съ современнымъ ему *грузинскимъ*, находитъ на основаніи грузино-итальянскаго словаря Паулини и Ирбаха, что *этотъ послѣдній сходенъ съ греческимъ*, и

*) G. g. Leibnitii epistola ad Andream Acoluthum. Hanoverâ, 10, Octobr. 1695, въ собраніи его сочиненій: Leibnitii opera (collecta studio Ludovici Dutens) Genevae MDCCLXVIII. p. II. Collectanea Etymologica, t. VI. p. 138—139.

вотъ, начинаетъ приводить доказательства въ пользу этой мысли: около 140 словъ взяты изъ упомянутаго словаря и сличены съ греческими, латинскими, итальянскими словами. Почти половина груз. словъ переданы ошибочно, благодаря, отчасти, автору словаря Паулини; числительныя же имена переданы вѣрно. Приводимъ нѣсколько образчиковъ пріемовъ сравнительнаго изслѣдованія Лейбница: organi (слѣдовало org'ano ორღანო) = ὄργανον органъ, kliti (слѣдов. klite კლიტე) = κλείς, clavis ключъ, aera (слѣд. haeri ჰაერი) = aer воздухъ, seri (სერი, სალამო) vesper вечеръ, seroba (სერობა) caena (?) ужинъ, вечерняя трапеза, а не *обѣдъ*, orbis (слѣд orbi ორბი) aquila credo cognatum cum ὄρνις (ὄρενος) орелъ, fanali (слѣд. p'arani, p'anari ფარანი) фонарь, ab jtalico fanale и т. п. Число такихъ сближеній Лейбницъ легко могъ увеличить вдвое и втрое на основаніи тѣхъ примѣровъ, которые приведены у него же, такъ напр., ничто не мѣшаетъ, по его методѣ сравненія, отожествить груз. ცა (ca) небо съ греч. Ζεύς, Зевесомъ, богомъ неба, или ფეხი (p'exi) нога, съ лат. pes, pedis и т. п. Искусственность и крайняя шаткость сравнительныхъ пріемовъ Лейбница очевидны: одна половина словъ, приведенныхъ имъ въ подтвержденіе своей мысли, иностраннаго, греко-латинскаго происхожденія; они вошли въ языкъ путемъ (книжнымъ) заимствованія и, слѣдовательно, нѣтъ ничего удивительнаго, если они представляютъ поразительную аналогію съ своими греко-латинскими прототипами, но на основаніи такого искусственнаго сближенія строить теорію о сродствѣ упомянутыхъ языковъ съ грузинскимъ — больше чѣмъ не научно. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о другой половинѣ грузинскихъ словъ, сравниваемыхъ Лейбницемъ съ греческими и латинскими словами и, не имѣющихъ ничего общаго между собою, кромѣ внѣшняго, случайнаго звуковаго сходства, какъ seri (ხერი) = vesper вечеръ. Но не будемъ взыскательны къ Лейбницу, писавшему болѣе, чѣмъ полтора столѣтія до нашего времени, когда еще не было и помину о сравнительномъ языковѣдѣніи, тѣмъ болѣе, что даже и въ наши дни встрѣчаются у лингвистовъ не менѣе курьезныя сближенія и соображенія при сравненіи разныхъ языковъ.

Съ первой четверти текущаго столѣтія г. Броссе сталъ проводить какъ въ отдѣльныхъ статьяхъ, помѣщавшихся въ Journal asiatique, такъ и въ своихъ обѣихъ грамматикахъ мысль о сродствѣ груз. языка съ индо-европейскими языками; въ одной изъ этихъ послѣднихъ

(L'art libéral ou Grammaire géorgienne, par Brosset jeune, Paris 1834, p. 290), высказалъ свое мнѣніе прямо, подъ рубрикою conclusion, въ пяти слѣдующихъ положеніяхъ: Il résulte des faits contenus dans cette grammaire,

1°. Qu'une trés grande partie des mots géorgiens appartient au fonds commun des langues dites Indo-Germaniques, en se rapprochant spécialement du sanscrit, de l'ancien persan, et de la langue du zend, le plus souvent par l'intermédiaire de l'arménien;

2°. Que les formes nominales, une bonne partie de la déclinaison. et la marque du comparatif sont absolument sanscrites ou zendes;

3°. Que la même remarque s'applique à la presque totalité des pronoms Géorgiens;

4°. Que la forme, la classification, et une partie de la conjugaison, est analogie a celles du pérsan, du sanscrit et du grec;

5°. Que, pour la syntaxe et un nombre considérable de mots le géorgien parait être sui juris, bien que tous ces rapports constatés permettent d' en supposer d'autres, que découvrira sans doute un plus habile explorateur.

Эти заключительныя положенія, выведенныя г. Броссе въ своей грамматикѣ, дали поводъ Е. Бюрнуфу высказать въ рецензіи на эту грамматику, свое мнѣніе о задачахъ, цѣли и границахъ сравнительной методы языкознанія вообще, и сравненіи груз. языка въ частности; мнѣніе Бюрнуфа объ этомъ предметѣ такъ же современно и важно въ наше время, какъ оно было почти 40 лѣтъ тому назадъ, когда его высказалъ этотъ замѣчательный языковѣдъ, вотъ оно: „Des analyses auxquelles il s'est livré, говоритъ Бюрнуфъ о г. Броссе, et des comparaisons qu'il a établies entre les formes de la déclinaison ou de la conjougaison géorgienne et les formes correspondantes, appartenant à quelques idiomes de la famille indo-germanique, M. Brosset a cru pouvoir conclure que le Géorgien appartient à cette grande division des langues de l'ancien monde. Nous regretons de ne pouvoir exprimer nous-même une opinion sur cet intéressant sujet. Nous désirons sans doute aussi vivement que perssonne, voir cette branche immense des idiomes indo-européens s'enrichir d'un dialecte nouveau, et nous comprenons tout ce que l'affinité du gérogien et de l' arménien peut ajouter de vraisemblance au sentiment de M. Brosset; mais nous pensons aussi qu'il faut procéder aux recherches de ces genre avec une extrême ré-

serve, et ne comparer entre elles que des formes dont la nature véritable est, de part et d'autre, nettement déterminée. Il subsiste encore dans l' esprit, de quelques personnes trop de préjugés contre la philologie comparative pour qu'on ne prenne pas les précaution les plus sévères contre les rapprochements incomplets et les conclusions précipitées. Nous n'en pensons pas moins avec M. Brosset que le géorgien offre dans ses pronoms par exemple, des rapports assez reconnaissables avec quelques anciens idiomes de la famille indo-européenne. Ce que nous voulons dire seulement ici, c'est que nous ne connaissons par assez le géorgien pour vérifier par nous-même la portée de ces ressemblances, et pour déterminer avec exactitude l'ensemble des caractères par lesquels cet idiome se distingue des autres langues auxquelles M. Brosset le rattache. Car, on ne peut trop le dire, ce ne sont pas seulement les ressemblances qu'il importe constater, c'est la nature de ces ressemblances, ce sont les points sur lesquels elles portent, ce sont surtout les traits individuels qui sont propres à chacun des idiomes comparés, et qu'elles mettent en lumière. Si les deux idiomes que l'on rapproche appartiennent réellement à la même souche, les ressemblances ne manqueront pas, et il suffira d'une sagacité ordinaire pour les découvrir. Mais tant que la mesure de rapport ne sera pas trouvée, on ne devra pas espérer d' avoir obtenu un résultat vraiment scientifique. Or, cette mesure ne peut être que le produit d'une comparaison suivie et compléte des deux langues; elles n'est donnée que du moment où les caractères qui les distinguent l'une de l'autre se sont nettement détachés de ce qui forme leur patrimoine commun". Journal des Savants, Mars 1835.

Знаменитый основатель *сравнительной методы* изслѣдованія въ наукѣ языкознанія, берлинскій профессоръ и академикъ *Францъ Боппъ* пошелъ ещё дальше въ этомъ направленіи. Онъ, въ двухъ своихъ академическихъ чтеніяхъ 11-го декабря 1842 и 23 октября 1845 гг., старался доказать мысль о сродствѣ груз. языка, равно и другихъ иберійскихъ нарѣчій, съ индо-европейскими языками. Эти изслѣдованія, печатавшіяся сначала въ академическихъ період. изданіяхъ, появились въ послѣдствіи въ видѣ особой брошюры подъ заглавіемъ: Die Kaukasischen Glieder des Indoeuropäischen Spachstamms, von Franz Bopp. Berlin 1847, in 4, p. 83. Въ началѣ (p. 5) брошюры Боппъ говоритъ: для того, чтобы доказать исконное сродство (Urverwandtschaft) между

грузинскимъ и санскритскимъ языками, слѣдуетъ обратиться для этого непосредственно къ самому санскриту (а не черезъ посредство армянскаго языка), съ которымъ грузинскій и лазскій показываютъ удивительное сходство во всѣхъ частяхъ организма языка, въ флексіяхъ именъ, степеняхъ сравненія, мѣстоименныхъ основахъ и склоненіяхъ, въ глаголахъ-спряженіяхъ, знакахъ лицъ, чиселъ, временъ и наклоненій. Освѣтить эти стороны сходства составляетъ цѣль настоящаго разсужденія. Затѣмъ приступаетъ къ сравненію груз. языка съ санскритскимъ, при этомъ ограничивается сравненіемъ одной только этимологической, или морфологической части, оставляя безъ вниманія фонетическую часть, звуковую систему и законы груз. языка, безъ которой не мыслимо никакое строго-научное сравненіе языковъ. Начинаетъ сравненіемъ именныхъ флексій p. 8, образованія и знаковъ степеней сравненія p. 20, далѣе переходитъ къ сравненію мѣстоименій, о которыхъ говоритъ, что „они представляютъ богатый кладъ доказательствъ исконнаго сродства грузинскаго языка съ санскритскимъ“ p. 24. Сравненіемъ числительныхъ именъ упомянутыхъ языковъ оканчиваетъ Боппъ первое чтеніе p. 31 — 42. Второе чтеніе начинается сравненіемъ глаголовъ p. 43. Это чтеніе оканчивается обзоромъ и сравненіемъ словообразовательныхъ префиксовъ, предлоговъ, и сравнительнымъ анализомъ категорій груз. сложныхъ словъ, которыя Боппъ сближаетъ съ санскритскими сложными karmadhâraya (опредѣлительная форма), bahuvrîhi (притяжательная), tatpuruscha (зависимая) p. 64 — 67. Въ концѣ брошюры находятся примѣчанія и дополненія p. 68—83. Къ этому сравнительному труду подали поводъ Боппу грамматическія изслѣдованія д-ра Розена о языкѣ лазовъ, мингрельцевъ, сванновъ и абхазцевъ, хотя самъ Розенъ въ своихъ изслѣдованіяхъ ничего не говоритъ о индо-европейскомъ характерѣ упомянутыхъ языковъ, и напротивъ того, общій тонъ его изслѣдованій легко позволяетъ заключить противное. Боппъ въ этомъ сравнительномъ изслѣдованіи, по истинѣ съ удивительнымъ остроуміемъ старается доказать, что названные имъ въ тѣсномъ смыслѣ кавказскими языками, югозападные идіомы, составляющіе иберійскую группу, а именно: грузинскій, мингрельскій, лазскій, сванетскій имѣютъ тѣсную связь съ санскритскимъ языкомъ. И дѣйствительно, доказательства, приводимыя Боппомъ, и тѣ случаи, на которые онъ указываетъ въ подтвержденіе своего взгляда, располагаютъ въ пользу этого пред-

положенія каждаго, кто самъ не имѣлъ случая поближе познакомиться съ упомянутыми языками. Разумѣется, Боппъ не утверждаетъ, чтобы груз. языкъ съ родственными нарѣчіямя имѣлъ съ санскритскимъ такого рода связь, какъ напр., новые индійскіе идіомы, т. е. чтобъ онъ былъ отпрыскомъ и дальнѣйшимъ развитіемъ народнаго языка, сохранившагося въ древнихъ гимнахъ Ведъ и лежащаго въ основаніи санскрита, какъ языка письма. Такое мнѣніе нашло бы не много вѣры у каждаго, кто имѣетъ хотя бы только слабое понятіе о строеніи этихъ языковъ. Боппъ думаетъ, что груз. языкъ съ родственными нарѣчіями имѣетъ индо-европейскій характеръ (или скорѣе, близко родственный съ этимъ семействомъ). Если же это, дѣйствительно, такъ, то мы должны признаться, что Боппъ грѣшитъ въ высшей степени противъ научной методы сравненія, сближая упомянутые идіомы исключительно съ санскритомъ, чтобы обнаружить въ нихъ индо-европейскую природу, ибо, если иберійскіе языки, въ самомъ дѣлѣ, члены великой индо-европейской цѣпи языковъ, то мы не имѣемъ права сличать отдѣльныя формы въ одномъ только индо-европейскомъ языкѣ, не обращая вниманія на другіе члены той же семьи, и притомъ, еще меньше имѣемъ право ограничиться въ этомъ случаѣ такимъ языкомъ, согласные звуки котораго, съ одной стороны, своеобразно развились, съ другой — подверглись не маловажнымъ измѣненіямъ. О шаткости методы сравненія въ упомянутомъ трудѣ Боппа, искусственности и произвольности многихъ сближеній и толкованій, равно и не вѣрности результатовъ добытыхъ такимъ путемъ, я имѣлъ случай высказаться (Жур. Мин. Н. Пр. № Сентябрь, 1872 г.). Не оспоримой заслугой Боппа (хотя отрицательной) останется то, что онъ, благодаря своему необыкновенному остроумію, проницательности, дару комбинаціи и знанію санскрита, привелъ *всѣ доказательства* въ пользу индо-европейской природы груз. языка, какія только можно было отъискать; словомъ, въ этомъ трудѣ Боппъ высказалъ все, что можно было сказать въ защиту упомянутаго направленія, и, если результаты, противъ ожиданія автора, получились *отрицатѣльные*, то, тѣмъ не менѣе, задача, цѣль *изслѣдователя* достигнута. Кромѣ этой отрицательной пользы изслѣдованіе Боппа имѣетъ и положительныя достоинства; въ этомъ трудѣ Боппъ неограничивается сравненіемъ формъ одного только груз. языка, но часто обращаетъ вниманіе и на лазскій, мингрельскій, сванетскій, грамматическія формы, которыхъ сравниваетъ между собою; о грамм.

строеніи этой иберійской группы языковъ разсыпано у Боппа въ занимающемъ насъ трудѣ множество весьма остроумныхъ и вѣрныхъ соображеній, и объясненій вполнѣ достойнныхъ этого необыкновеннаго лингвиста. По поводу этого изслѣдованія г. академикъ Броссе написалъ открытое письмо Боппу, помѣщенное въ Bull. de l'Akad. Imp. des sciences de S.-Pétersbourg, T. II, № 9, въ которомъ частью защищаетъ свои взгляды, оспариваемые Боппомъ, частью же поправляетъ ошибки, вкравшіяся въ изслѣдованіе Боппа. (Lettre a M. Bopp sur son Rapport relatif aux recherches philologigues de M. le docteur Rosen, par. M. Brosset. Lu le 1 novembre 1844).

Послѣ упомянутой брошюры Боппа не появлялось больше спеціальнаго разсужденія, посвященнаго вопросу о индо-европейскомъ характерѣ груз. языка; Боппъ мало кого убѣдилъ своимъ изслѣдованіемъ, и напротивъ того, большая часть изъ тѣхъ лингвистовъ, которые еще вѣрили въ возможность индо-европейскаго происхожденія груз. яз., убѣдились въ трудѣ Боппа, что основаній для такого предположенія весьма мало.

Другое направленіе, существовавшее, существующее отчасти и въ настоящее время, относитъ грузинскій языкъ съ родственными идіомами къ туранской семьѣ языковъ, рѣшительнѣе другихъ объ этомъ высказался *Максъ Мюллеръ* въ своей классификаціи языковъ (The languages of the seat of war in the east etc. 2 edit. London, Leipzig 1855, p. 124), хотя и онъ *ограничивается общими положеніями, не приводя никакихъ фактическихъ доказательствъ въ подтвержденіе своей мысли.* Грузинскій языкъ, равно и другіе кавказскіе языки, М. Мюллеръ называетъ отдаленными, или *разсѣянными языками туранскаго семейства* (scattered languages of the Turanian Family); въ другомъ мѣстѣ (ib. p. 125) называетъ ихъ *выродившимися колоніями* языковъ туранскаго семейства (degenerated colonies of the Turanian family of splech); изъ этихъ названій видно, что онъ считаетъ грузинскій и сѣверо-восточные языки Кавказа только отдаленными членами туранской семьи. Возможность отдаленнаго родства, при которомъ не всегда ясно сохраняются въ словарѣ, или грамматикѣ языковъ слѣды общаго ихъ происхожденія Мюллеръ объясняетъ слѣд. образомъ: діалекты, отдѣлившіеся отъ общаго ствола (from the common stock) въ отдаленное время и живущіе изолированно другъ отъ друга, иногда до того индивидуализируются, что утрачиваютъ знаки и особенности своего общаго характера.... языки, и въ особенности туранскіе языки,

такъ гибки, что допускаютъ безконечнія комбинаціи и смѣшенія. Послѣ этого общаго введенія Мюллеръ приступаетъ къ обзору языковъ и народовъ Кавказа, о которыхъ сообщаетъ краткія историческія и географическія свѣдѣнія, большею частію, по Клапроту и Розену (Asia polyglottop. 109—138, die Spr. der Lazen, Abhandlungen über das Mingrel. Suanische u. Abchasische, in 4. Berl. 1846—46). Мюллеръ дѣлитъ всѣ кавказскія племена на два отдѣла, на 1) *собственно кавказскія племена* (the caucasian tribes properly so called), которыхъ языки онъ называетъ *аборигенскими* (aboriginal languages),— это племена, живущіе съ незапамятныхъ временъ въ нынѣ занимаемыхъ ими мѣстностяхъ; II) другія племена, пришедшія относительно позже, каковы Грузины, Осетины, равно и турецкія племена — Басіани и др. Всѣ языки, какъ и народы, дѣлитъ Мюллеръ также на два отдѣла. Первый онъ называетъ *грузинскою вѣтвью* (georgic branch), которую дѣлитъ еще на четыре вѣтви. I) Собственно *Грузины-Картвели*, обитатели Карталиніи, Кахетіи и Имеретіи; II) Жители *Мингреліи*, *Одиши и Гуріи*; они населяютъ древнюю Колхиду и ихъ языкъ имѣетъ близкое сродство съ лазскимъ; III) *Сваны*, населяющіе южные склоны кавказскихъ альповъ и, имѣющіе всѣ признаки грузинскаго происхожденія. Ихъ языкъ имѣетъ много особенностей въ сравненіи съ языкомъ Мингрельцевъ и Лазовъ, но значительное число корней, словъ и граммат. формъ, сходныхъ съ ними, даетъ ему мѣсто между языками грузинскаго семейства. IV) Послѣднюю, западную вѣтвь грузинскаго народа составляютъ *Лазы*, называемые Турками Ладжъ. М. Мюллеръ даетъ краткія историческія и географическія свѣдѣнія объ этомъ племени и обитаемыхъ имъ мѣстностяхъ, на основаніи опять таки Клапротова Asia polyglotta, изъ которой приводимъ нижеслѣдующія слова: „Обиталище Лазовъ въ Понтѣ простирается отъ Трапезунда, продолговато по берегу Чернаго Моря, до устья *Чороха*, которая отдѣляетъ его отъ *Гуріи*. Ихъ языкъ довольно близокъ къ мингрельскому; въ средніе вѣка Лазы дали свое имя всѣй странѣ отъ Чороха, къ сѣверу, до Фазиса, составлявшей тогда *Лазское царство*. Прокопій и Агафій единогласно свидѣтельствуютъ, что Лазы потомки древнихъ Колхидцевъ. Поэтому разсказы древнихъ о происхожденіи этихъ послѣднихъ отъ Египтянъ, баснословны, ибо ни въ лазскомъ, ни мингрельскомъ, ни же грузинскомъ языкѣ нѣтъ ни какихъ слѣдовъ родства съ Коптскимъ, содержащимъ въ себѣ остатки

древне-египетскаго языка. Равно и черты лица жителей восточнаго берега Чернаго моря не имѣютъ ни какого сходства съ типомъ египтянъ, достовѣрно извѣстнымъ намъ по памятникамъ скульптуры и живописи. (Asia polyglotta p. 110—111).

Затѣмъ М. Мюллеръ переходитъ къ историко-географическому обозрѣнію горскихъ племенъ, аборигеновъ Кавказа, и ихъ „аборигенскихъ языковъ“; эту группу языковъ Мюллеръ дѣлить на три вѣтви на а) восточную, или лезгинскую, б) среднюю, или мидздегскую и в) западную, или черкеско-абхазскую.

Этимъ оканчивается обзоръ кавказскихъ языковъ у Мюллера, къ сожалѣнію, авторъ не даетъ ни какихъ фастическихъ доказательствъ въ подтвержденіе своей мысли объ отдаленномъ сродствѣ грузинскаго, и вообще ковказ. языковъ, съ туранскими, но, такъ какъ въ своихъ „чтеніяхъ по наукѣ о языкѣ“ онъ объ этомъ сродствѣ болѣе ужъ не говоритъ, то, можетъ быть, самъ же увидѣлъ въ послѣдствіи какъ мало основаній допустить мысль о подобной связи.

Въ лингвистической наукѣ существуетъ еще третье мнѣніе о грузинскомъ языкѣ, которое кажется мнѣ болѣе близкимъ къ истинѣ, оно считаетъ грузинск. языкъ, вмѣстѣ съ другими языками Кавказа, изолированной, или „особнякомъ стоящей группой языковъ“ (vereinzelt stehende Sprachgruppe). Это мнѣніе пріобрѣтаетъ, съ разширеніемъ нашихъ познаній о грузинскомъ яз., все больше и больше прозелитовъ въ средѣ лингвистовъ; послѣдователями этого направленія считаются также первостепенные европейскіе лингвисты. Такъ, въ этомъ смыслѣ высказывался еще Клапротъ: хотя грузинскій яз., имѣетъ много сходства, говоритъ онъ, съ Индо-германскими и другими, особенно сѣверо-азіатскими языками, тѣмъ не менѣе его слѣдуетъ разсматривать за особенный родъ языка (Stammsprache), который отличается отъ всѣхъ извѣстныхъ языковъ какъ по корнямъ, такъ и по грамматикѣ, (я на основаніи другихъ мѣстъ сочиненія Клапрота ошибочно заключилъ, Жур. Мин. Н. Пр. № Сент. 1872, что этотъ ученный относитъ груз. яз. къ тур. семьѣ въ такую же ошибку впалъ и Бенфеи Gesch. der Sprachwiss. p. 772), (Asia Polyglotta p. III.). Такого же мнѣнія: Шлейхеръ (die Sprachen Europas. Bonn, 1850, p. 99—103. Die Unterscheidung von Nomen und Verbum in der lautlichen Form, p. $\frac{60}{556}$).

Поттъ (Die Ungleicheit menschlicher Rassen etc. 1856, p. XXV — VI.). Лепсіусъ (Sandard alphabet etc. Leipzig 1863). Фр.

Мюллеръ посвятилъ этому вопросу прекрасную, маленькую статейку (Orient und Occident, Göttingen, 1864, B. II, p. 546). Бепфеи (Geschichte der Sprachwissenschaft und Orientalischen Philologie in Deutschland, 1869. p. 772). Шпигель (Erânische Alterthumskunde, Leipzig, 1871. B: I, p. 412), который заключаетъ отдѣлъ о грузинскомъ и другихъ кавказскихъ языкахъ такъ: „какъ ни отрывочны наши познанія о кавказскихъ языкахъ, все таки теперь уже можно съ достовѣрностью утверждать двѣ вещи, первая, что всѣ эти языки болѣе или менѣе близко родственны другъ другу, такъ какъ, при всѣхъ своеобразностяхъ, имѣютъ извѣстныя, общія всѣмъ имъ характеристическія черты, — второе положеніе, это то, что они ни въ какой родственной связи не находятся ни съ какимъ семействомъ языковъ, ни съ индо-германскими, какъ прежде пытались доказать, ни турецко-татарскими, отъ которыхъ кавказцы отличаются еще и физическими особенностями. Въ этихъ языкахъ мы имѣемъ совершенно особенное семейство языковъ, занимавшихъ прежде, по всѣй вѣроятности, больше пространства, чѣмъ въ настоящее время...

Къ такому же заключенію привело меня разсмотрѣніе иберійской морфологіи, которое я и высказалъ: префиксное словообразованіе пріобрѣло во всѣхъ иберійскихъ языкахъ право гражданства на ряду съ суффикснымъ образованіемъ, такъ напр., въ спряженіи глаголовъ личныя мѣстоименія являются префиксами въ сокращенномъ видѣ: 1 л. ⴂ w, ⴁ b, ⴃ m, 2 л. ⴅ ch, ⴈ h, ⴉ ḱ, ⴊ g, ⴋ g, 3 л. ⴅ s, ⴌ u, ⴅ ch. Въ лазскомъ спряженіи преф. ⴍ o (ǒn), ⴎ do, ⴉ ḱo, ⴃ mo, ⴌ e, ⴌⴃ em; въ сванетскомъ для той же цѣли: ⴎⴏ li, ⴍ o, ⴅ ch, ⴅⴂ xw, ⴍⴅ ox ⴍⴏ ot‘; черезъ прибавленіе префиксовъ: ⴌⴃ em, ⴌⴋ eg‘, ⴌⴅ ex, ⴊⴂⴏ gwi, ⴊⴏ gi, ⴅⴍ xo образуются indirecta tempora vebri directi. Въ грузинскомъ языкѣ степени сравненія образуются посредствомъ префиксовъ ⴌ u, ⴌⴌ uu; также образуются и числительныя порядочныя посредствомъ преф. ⴃⴌ me; n. agentis ⴑ sa, n. abstacta — ⴑⴏ si. *Этотъ принципъ словообразованія, существующій во всѣй группѣ иберійскихъ языковъ, ясно говоритъ противъ предполагаемаго индо-европейскаго и туранскаго происхожденія этихъ языковъ.* (Сравнительный обзоръ морфологіи иберійской группы кавказскихъ языковъ. Ал. Цагарели Спб. 1872 стр. 49—50). Въ статьѣ посвященной этому вопросу (Жур. Мин. Н. Пр. № Сентябрь, 1872) я говорю: *грузинскій языкъ (равно какъ и другіе*

кавказскіе языки) не имѣетъ генетической связи съ индо-европейскими языками, но не можетъ быть причисленъ и къ урало-алтайскимъ. Онъ, подобно баскскому въ Европѣ, по всей вѣроятности, есть остатокъ нѣкогда весьма многочисленной группы языковъ, распространенной на Кавказскомъ перешейкѣ еще до прихода семитическихъ, арійскихъ и урало-алтайскихъ племенъ на Кавказъ и наюгъ отъ него.

Наконецъ, я указалъ причины разногласія лингвистовъ объ этомъ предметѣ, равно какъ и способъ вполнѣ научнаго рѣшенія этого спорнаго вопроса, въ упомянутомъ „Обзорѣ морфологіи иберійскихъ языковъ“ изъ котораго тѣмъ охотнѣе привожу нижеслѣдующее мѣсто, что брошюра эта *литографирована* и вышла въ весьма умѣренномъ количествѣ экземпляровъ (47), въ противномъ случаѣ, большинство читателей было бы лишено возможности провѣрить мою ссылку: если извѣстнѣйшіе европейскіе лингвисты, говорю я, до-сихъ-поръ еще расходятся во взглядахъ относительно генетической связи грузинскаго языка съ другими языками, и до-сихъ-поръ еще затрудняются найдти ему мѣсто въ морфологической классификаціи ихъ, то причинъ такой нерѣшительности, неопредѣленности и неуспѣшности лингвистическихъ теорій слѣдуетъ искать не въ одной трудности и крайней запутанности грамматическихъ формъ (особенно глаголовъ), или только въ недостаткѣ древнѣйшихъ памятниковъ письменности груз. языка, но, по моему мнѣнію, главнымъ образомъ, въ недостаткѣ полнаго всесторонняго изученія предмета, языка во всѣхъ его развѣтвленіяхъ и притокахъ (діалектахъ, нарѣчіяхъ, говорахъ), въ неопредѣленности его личности, типа со всѣми характеристическими чертами, отличающими его, какъ одно недѣлимое, цѣлое отъ всѣхъ ему подобныхъ объектовъ. Такое возсозданіе типа языка сразу избавило бы всякаго отъ неблагодарнаго и рискованнаго труда искать принадлежащее мѣсто въ морфологической, или генетической классификаціи языку, котораго типъ еще не вполнѣ уясненъ. Но для опредѣленія типа языка не достаточно даже самыхъ древнихъ письменныхъ памятниковъ, каковы бы они ни были, не могутъ замѣнить вполнѣ рѣчи народной, и не воспроизведутъ во всѣмъ богатствѣ и разнообразіи формъ и всѣхъ отправленій языка; для этого важнѣе изученіе языковъ, на формы которыхъ литература не успѣла набросить свою узду и сковать ихъ произволъ и капризы, обусловливающіе свободное развитіе рѣчи. Діалекты, не имѣющіе литературы и исполняющіе только первоначальное назначеніе языка, именно, служащіе

средствомъ къ устной передачѣ другимъ своихъ мыслей и чувствъ, образуются и развиваются почти безъ вліянія индивидуальнаго духа, и могутъ быть, по справедливости, разсматриваемы, какъ чистѣйшія выраженія дѣятельности языка общественнаго духа, живущаго по своимъ непреложнымъ естественнымъ законамъ. Въ этомъ отношеніи идіомы грузинскихъ племенъ лазовъ, мингрельцевъ, сванновъ, не имѣющіе письменности, особенно важны для науки языкознанія, у этихъ народовъ языкъ живетъ еще въ природномъ своемъ состояніи, въ состояніи постояннаго сгаранія, и на эти-то языки мы должны обратить особенное вниманіе, если желаемъ составить себѣ вѣрное понятіе о ростѣ и развитіи грузинскаго языка, не остановленнаго въ діалектахъ вмѣшательствомъ литературы; p. 1—4.

Итакъ, *самый вѣрный и научный способъ положить конецъ, болѣе полтора стол. тянущемуся спору, это — тщательное и всестороннее изслѣдованіе (безъ всякихъ предвзятыхъ теорій) грузинскаго языка (особенно фонетики его) съ родственными иберійскими нарѣчіями, мингрельскимъ, лазскимъ, сванетскимъ, и, такимъ способомъ возсозданіе, путемъ сравненія и дедукціи, исконнаго типа* (Ursprache) *иберійскаго языка, лежащаго въ основаніи всѣхъ упомянутыхъ языковъ грузинскаго класса.*

§ 23. Такая потребность, впрочемъ, давно была сознана лингвистами и грамматиками, хотя и до-сихъ-поръ еще она удовлетворена въ весьма слабой степени. У туземныхъ груз. грамматиковъ мы ничего не встрѣчаемъ о нарѣчіяхъ, они тщательно оберегаютъ свои труды отъ вторженія формъ, оборотовъ, выраженій чисто-народныхъ, разговорныхъ, тѣмъ болѣе естественно ихъ молчаніе о нарѣчіяхъ, говорахъ и діалектахъ, которые считались „испорченнымъ грузинскимъ языкомъ“, какъ они выражаются. Къ тому же нарѣчія эти въ историческое время неимѣли письменности, но пользовались (въ христіанскую эпоху) церковно-богослужебными книгами на грузинскомъ языкѣ, слѣдовательно, по ихъ понятію, въ грамматикѣ для нарѣчій не было никакой необходимости. Такимъ образомъ для иберійскихъ нарѣчій туземной грамматической литературы не существуетъ; отдѣльныя же книги начинаютъ появляться, напр., „Лушну-Анбан“ сванетская азбука. Тифлисъ 1864 г. стр. 147, (напеч. на сванетскомъ, грузинскомъ и русскомъ языкахъ). „Правила о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости въ Мингреліи“ (на мингрельскомъ языкѣ). 16 стр. in fol. Желательно

было бы увеличить книги на этихъ языкахъ, равно какъ и лазскомъ, не только въ интересѣ науки языкознанія, но и христіанской религіи, чтобы *всѣ языки* (*племена*) *имѣли возможность славить Господа* на своемъ яз... Отчего, напр. не перевести Евангеліе на эти языки и не распространить его въ народѣ — *это совершенно въ духѣ восточной, греческой церкви въ противоположность католической, западной...*

О грамматикѣ этихъ языковъ позаботились иностранцы: первый изъ европейцевъ, обратившій серьезное вниманіе на иберійскія нарѣчія былъ Клапротъ, у котораго собрано все, что было объ этомъ предметѣ у предшественниковъ его Палласа и Гюльденштедта. Но и Клапротъ довольствовался только собраніемъ словъ и фразъ на этихъ нарѣчіяхъ, и сравнительнымъ сопоставленіемъ ихъ съ грузинскимъ языкомъ, отмѣчая при этомъ различные говоры въ самыхъ нарѣчіяхъ, такъ въ лазскомъ онъ отличаетъ три говора: *хопійскій*, *кимербурнійскій* и *трапезундскій* (Asia polyglotta, p. III); впрочемъ, существованіе послѣдняго изъ этихъ говоровъ д-ръ Розенъ отрицаетъ (Ueber die Sprache der Lazen, p. I). Упомянутое собраніе словъ, фразъ, сравненіе съ грузинскимъ, дѣленіе на говоры съ историко-этнографической характеристикою народцевъ, говорящихъ на этихъ языкахъ, равно и географическія свѣдѣнія объ обитаемыхъ ими мѣстностяхъ, находятся у Клапрота въ его сочиненіяхъ: Anhang zur Reise in Kaukasus und nach Georogien v. Julius v. Klaproth. Halee u. Berlin 1812—14. Asia Polyglotta, Paris 1823. Archiv für asiatische Literatur, Geschichte u. Sprachskunde, St.-Petersburg. 1810. Г. ак. Броссе, еще въ бытность свою въ Парижѣ, писалъ о мингрельскомъ діалектѣ: Détails sur le dialecte Géorgien usité en Mingr. Jour. Asiat. Février, 1829. Замѣтки объ этомъ же предметѣ въ Chronique géorgienne, Paris 1830, p. 135.

Первые грамматическіе очерки мингрельскаго и сванетсяаго, равно абхазскаго и осетинскаго языковъ, составилъ на мѣстѣ д-ръ Георгъ Розенъ, въ 40-хъ годахъ, по порученію Берлинской Академіи Наукъ. Онъ провѣрилъ на мѣстѣ все, что было сдѣлано лексическаго объ этихъ языкахъ его предшественниками, преимущественно Клапротомъ, ошибки котораго Розенъ часто поправляетъ. Эти грамматическія изслѣдованія Розена печатались сначала въ періодическихъ изданіяхъ, Берлинской Академіи Н., въ послѣдствіи же вышли отдѣльными брошюрами: Ueber die Sprache der Lazen v. Dr. Georg Rosen. 1844. in 4. p. 36. Ueber das Mingrelische, Suanische und Abchasische, 1846.

ın. 4. p. 84. Для лазскаго языка Розенъ употребляетъ арабскія письмена въ томъ видѣ и значеніи, въ какомъ его употребляютъ Турки, а латинскую транскрипцію по методѣ Воппа: что касается до латинской транскрипціи, то слѣдуетъ замѣтить, что метода Боппа была, дѣйствительно, лучшая въ то время, но передать всѣ звуки лазскаго языка, равно и другихъ нарѣчій грузинской группы, турецко-арабскими знаками рѣшительно не возможно, такъ какъ они ни въ качественномъ, ни въ количественномъ отношеніи не достаточны, чтобы выразить все разнообразіе и разнохарактерность звуковъ иберійскихъ, послѣ этого само собою понятно, что многіе звуки лазскаго языка переданы не вѣрно; впрочемъ, онъ самъ замѣтилъ это, и для всѣхъ остальныхъ языковъ, изслѣдованныхъ имъ какъ-то: мингрельскаго, сванетскаго, абхазскаго и осетинскаго употребляетъ грузинскую гражданскую азбуку, какъ „болѣе соотвѣтствующую звукамъ всѣхъ вообще кавказскихъ языковъ“.

Въ концѣ своихъ изслѣдованій Розенъ высказываетъ мнѣніе, къ которому привели его работы, именно, что между языками народовъ западнаго и средняго Кавказа существуетъ двойная аналогія (doppelte analogie): общая, въ силу которой въ основаніи всѣхъ языковъ иберійскаго класса, равно и кистинскаго, абхазскаго, черкесскаго яз., лежитъ одна звуковая система, выражаемая довольно вѣрно знаками гвузинскаго алфавита. Вторая—частная (speciellere) аналогія гораздо важнѣе первой. Она на основаніи постепенности развитія грамматическихъ формъ, соединяетъ въ одну группу языки черкесскій и абхазскій съ иберійскою группою языковъ. Первоначально эти первые, вѣроятно, не имѣли ни какихъ именныхъ флексій, кромѣ тѣхъ, которые образуютъ изъ единств. числа множественное. На этой первой ступени развитія остановился абхазскій языкъ, въ глаголѣ котораго существуютъ знаки лица и времени, въ противоположность неполнымъ именнымъ флексіямъ. Уже сванетскій языкъ является на болѣе высокой ступени развитія; въ немъ имя пріобрѣтаетъ болѣе грамматической силы. Въ этомъ языкѣ мы находимъ уже падежныя флексіи, хотя слабо примѣняемыя къ дѣлу; впрочемъ, въ противоположность имени, глаголъ не рѣдко утратилъ свои мѣстоименные элементы. За сванскимъ слѣдуетъ два колхидскіе діалекта (мингрельскій и лазскій), уступающіе грузинскому несклоняемостію прилагательнаго имени. Наконецъ, мы видимъ этотъ послѣдній на высшей ступени развитія языка. Имя освободилось отъ глагола и возвысилось до

собственнаго полнаго склоненія, такъ что, только падежъ личнаго мѣстоименія двухъ первыхъ лицъ, и, въ существительномъ имени, не различеніе винительнаго и дательнаго п. (?),—напоминаютъ ту низскую ступень грамматическаго развитія, на которой стояли всѣ они (Abhandl. über das Mingrel. etc. p. 84). Объ отношеніи же иберійскихъ діалектовъ между собою Розенъ замѣчаетъ слѣдующее: частью словами моего провожатаго (Begleiter), частью собственными наблюденіями убѣдился я относительно діалектовъ грузинскаго языка, живущихъ на обѣихъ сторонахъ водораздѣльной линіи между Чернымъ и Каспійскимъ морями, что разница между ними только чисто лексическаго характера (?) т. е. она состоитъ въ выборѣ выраженій, тогда какъ грамматика, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отступленій въ мѣстоименіяхъ, одинакова... Фактъ, что такая значительная водораздѣльная линія (Wasserscheide), которая дѣлитъ области Чернаго и Каспійскаго морей, вмѣстѣ съ тѣмъ не есть народораздѣльная (Völkerscheide) линія, объясняется естественной формой той цѣпи горъ, которая образуетъ упомянутую линію. Она въ не многихъ мѣстахъ только достигаетъ высоты вѣчнаго снѣга и имѣетъ на западъ крутой спускъ, на востокъ же къ Курѣ покатость постепенно-наклонную, такъ, что существуетъ много проходовъ черезъ этотъ хребетъ горъ. Вслѣдствіе этого жители одной стороны легко могутъ встрѣчаться съ жителями другой стороны. Вопросъ же, — какая изъ этихъ двухъ отлогостей могла быть первоначальнымъ обиталищемъ грузинскаго народа, слѣдуетъ рѣшить безусловно, въ пользу восточной. По имени восточной, центральной области — Картли съ незапамятныхъ временъ народъ называетъ себя и свой языкъ, это доказываетъ еще и то, что области Кахети на востокъ, Шамше на югъ, Имерети и Гурія съ принадлежащими Турціи грузинскими санджакатами, — розсматривалъ народъ за позднѣйшее расширеніе первоначальной родины. На долину Кура указываютъ и названія Грузіи у мухамеданскихъ сосѣднихъ народовъ: у Тур. и Перс. *гурджистанъ*, у русскихъ *Грузія*, хотя, дѣйствительно, у Армянъ называется վիրք wirk (ќ знакъ множ. ч.), или народная форма (vulgar?) վրաստան wrastan каковое названіе имѣетъ въ виду иберійцевъ, обитающихъ на западѣ (?); (über das Mingrel. etc. p. 46).

Словомъ, всѣ эти изслѣдованія Розена полны остроумныхъ мыслей, наблюдательности, оригинальныхъ и мѣткихъ соображеній, и строгаго грамматическаго такта. Одинъ упрекъ можно сдѣлать автору,

именно, что его труды весьма кратки и, что матеріальная, фактическая сторона ихъ далеко не соотвѣтствуетъ формальной. Собранія словъ и фразъ, находящіяся въ концѣ каждаго изслѣдованія недостаточны для того, чтобы читатель имѣлъ возможность, провѣривъ грамматическіе выводы автора на примѣрахъ, самъ убѣдился бы въ ихъ безошибочности— авторъ не позаботился присоединить къ своимъ трудамъ хоть нѣсколько коротенькихъ текстовъ на изслѣдуемыхъ имъ языкахъ, нѣсколько пѣсень, пословицъ, сказокъ, которыя могъ онъ, будучи на мѣстѣ, легко записать со словъ своего cicerône — мулы, природнаго лаза, сопровождавшаго его.

II.

ФОНЕТИКА.

Мы напрасно стали бы искать у груз. грамматиковъ изложенія фонетики груз. языка, сколько-нибудь соотвѣтствующаго и удовлетворяющаго требованіямъ научной фонетики. Мы не находимъ у нихъ *) строгаго анализа звуковъ и ихъ видимыхъ представительницъ — буквъ; не изслѣдованы законы ихъ соединенія, раздѣленія, перехода одного въ другой, вставки, выпаденія, ассимиляціи, диссимиляціи, дѣйствующихъ на предшествующіе и послѣдующіе звуки и т. п. Все разсужденіе объ этомъ предметѣ, имѣющемъ первостепенную важность въ грамматикѣ (см. стр. 94), ограничивается въ груз. грамм. повѣствованіемъ традиціонныхъ свѣдѣній о началѣ и происхожденіи груз. алфавита, о числѣ буквъ, ихъ начертаніи, распредѣленіи по органамъ произношенія и т. п. словомъ, передачей педагогико-физіологической стороны звуковъ. Конечно, то обстоятельство, что всѣ онѣ, сколько ихъ ни есть, предназначены учебниками, значительно извиняетъ и объясняетъ далеко не научное изложеніе ихъ, хотя наука отъ подобныхъ „смягчающихъ вину обстоятельствъ“, понятно, ничего не выигрываетъ.

§ 24. Антоній говоритъ (§ 156 № 2), что груз. народъ получилъ отъ предковъ и первыхъ учителей при первомъ царѣ Фарнаозѣ (ж. за 300 л. до Р. Х.) 39 буквъ, но послѣ того какъ онъ (Антоній) сдѣлался по искуснѣй (დაჯერებული) въ грамматич. искусствѣ, по долговре-

*) За исключеніемъ г. Броссе, который подъ рубрикой: de la prononciation, usages et permutation, довольно подробно излагаетъ нѣкоторыя звуковыя измѣненія и особенности фонетики груз. языка, L'art libér. p. 12 — 24.

менномъ обсужденіи, нашелъ необходимымъ прибавить къ нимъ еще одну гласную ⴑ. Антоній не опредѣляетъ характера звука, представляемаго этимъ новоизобрѣтеннымъ знакомъ, въ § 152 говоритъ кое-что только объ его употребленіи, именно, что онъ ставится въ словахъ съ нѣсколькими согласными, а въ глаголахъ является характеромъ (?) спряженій, равно и въ стихахъ ставится въ началѣ и концѣ, что, однако, неслѣдуетъ вставлять его часто и насильно, когда природа слова того не требуетъ. Во многихъ мѣстахъ вступаетъ Антоній въ полемику съ тѣми, которые усумнились бы въ необходимости новоизобрѣтеннаго имъ знака для груз. языка. Онъ предлагаетъ предполагаемымъ противникамъ такого рода вопросы: возможно ли выговорить нѣсколько согласныхъ безъ гласн. звука? Вы отвѣтите, что нельзя. Какимъ обр. въ состояніи образовать слогъ три, четыре и болѣе согласныхъ безъ гласной? Если вы сколько-нибудь знакомы съ грамм. искусствомъ, то должны сказать, что не въ состояніи. Итакъ, заключаетъ нашъ грамматикъ, вы должны признать изобрѣтенную мною букву необходимой для груз. языка.

Этого знака нѣтъ ни въ одной изъ древнихъ рукописей, или печатныхъ книгъ, и послѣ Антонія встрѣчается только у ближайшихъ преемниковъ его по грамматикѣ — царевича Давида и Гаіоза (который ему отводитъ въ алфавитѣ 40-ое мѣсто, у Антонія же онъ занимаетъ 24 т. е. между ⴖ и ⴗ), всѣ же остальные справедливо оставили его безъ вниманія. Насколько можно судить, онъ долженъ былъ, по мысли изобрѣтателя, играть приблизительно ту же роль, какую играетъ, напр. въ арм. ը, приближающійся нѣсколько по произношенію къ русск. ы, фр. ĕ (въ иныхъ случаяхъ не пишется), и, позволяющій произносить слова со многими согласными, напр. Մխիթար (Мхитар), произн. какъ Մըխիթար (мыхитар) սմբատ (смбат), սըմբատ (сымбат) *). Антоній самъ примѣняетъ, впрочемъ, съ большею непослѣдовательностью, новый знакъ, большею частью, къ словамъ съ нѣсколькими согласными средняго губно-зубнаго прикосновенія и плавнымъ ⴔ (r), ⴕ (l), какъ ბრძენი мудрецъ, ბრძანება повѣленіе, произношеніе которыхъ, дѣйствительно, болѣе или менѣе продолжительно (Dauerlaute), что̀ обусловливается ихъ природой. Въ одной и-той же группѣ согласныхъ

---

*) Изслѣдованіе о составѣ армянскаго. языка К. Патканова. Спб. 1864, стр. 24 — 25.

другой разъ нѣтъ этого знака, какъ-будто изобрѣтатель забылъ его, что̀, между прочимъ, доказываетъ отсутствіе внутренняго чутья (Sprachgefühl), не подсказывавшаго, что въ данномъ мѣстѣ данный звукъ необходимъ. Кромѣ того, если Антоній думалъ, по праву грамматика, устранить, весьма обыкновенное въ груз. языкѣ, стеченіе трехъ, четырехъ и болѣе согласныхъ, то слѣдовало прежде всего помочь гортаннымъ звукамъ. Если бы Антоній не исходилъ изъ предвзятой мысли, что будто невозможно произнести нѣсколько согласныхъ порознь и вмѣстѣ безъ гласной, а обратился бы къ самому языку, то нашелъ бы, что оно возможно, и, что это значительное стеченіе согласныхъ есть характеристическая черта груз. языка, отличающая его, между прочимъ, отъ другихъ иберійскихъ сонарѣчій мингрельскаго, лазскаго, напр. груз. ღმერთი Богъ, мингр. ღორუნთი, лазск. ღომორთ (ღორმოთ, ორმოთი), сван. ღერბეთ; груз. ძაღლი собака, мин. ჯოღორი; груз. ხმელი сухой, лаз. ხომოლ; груз. ზღუა̂ море, лаз. ზუღ и т. п. Хотя историческое правописаніе и даетъ намъ, до нѣкоторой степени, право предполагать, что въ древнемъ періодѣ жизни груз. языка стеченіе согласныхъ было не въ такой мѣрѣ, какъ въ позднѣйшее время, но уже въ надписяхъ VII—XIII вв. мы встрѣчаемъ во множествѣ замѣненіе гласныхъ и придыхательныхъ согласными, такъ, вмѣсто ჳ̂ჱ-ვე, вм. ჳ-ვი (ჩ̂ჳ̂ჱნი = ჩვენი нашъ, თჳსი = თვისი свой, ღ̂ვთაება = ღვთაება—божество), тѣмъ не менѣе, положительно можно сказать, что, если звукъ, соотвѣтствующій антоніевой буквѣ и существовалъ когда-либо въ груз. языкѣ, то его уже не стало за долго до Антонія. Можетъ быть, кромѣ арм. ը Антоній имѣлъ въ виду и аналогическое явленіе въ мингр. языкѣ (ჯიჯგნაჲ муравей, ჩქჩქ сынъ), въ которомъ, дѣйствительно, слышится родъ звука, приближ. къ русск. ы, — что̀, конечно, Антоній легко могъ знать, будучи долгое время въ Имеретіи — кутаисскимъ митрополитомъ *).

---

*) Антоній ничего не говоритъ о томъ, были ли при груз. царѣ Фарнаозѣ изобрѣтены буквы груз. *церковнаго* алфавита, или *гражданскаго*, или же оба эти алфавита считаетъ онъ въ основаніи тождественными. Объ этомъ вопросѣ нѣсколько распространяется г. Броссе (L'art libéral, p. 7, и Journ. asiat. 1833, Mai, p. 395) говоря, что груз. буквы представляютъ неоспоримое сходство съ армянскими, зендскими и санскритскими-деванагари алфавитн. знаками, что̀ было замѣченно еще Анкетилемъ Дюпероном̀. Клапротъ въ этомъ направленіи идетъ еще дальше: онъ полагаетъ (Élément de la langue géorgienne p. 1—9), со словъ арм. историковъ, что св. Месропъ (410 г. по Р. Хр.), составивъ

§ 25. Антоній дѣлитъ (§ 156) всѣ звуки груз. языка на а) *безгласные*, согласные (უკმოხი — 30), б) *гласные* самозвучные (თჳთკმოვსწი — 5) и в) *несамозвучные*, придыхательные (ხსმუსლკმოვსწი — 5). Затѣмъ онъ приступаетъ къ физіологическому дѣленію ихъ — по мѣсту зарожденія звуковъ, по органамъ произношенія и по силѣ напряженія ихъ въ слѣд. порядкѣ: а) согласные ბ, დ, ვ, ფ (губ-

---

для своего (арм.) народа азбуку, отправился въ Грузію, по приглашенію груз. царя А р ч и л а (413—446), гдѣ онъ составилъ и груз. алфавитъ изъ 38 буквъ. Изобрѣтеніе же гражд. азбуки, продолжаетъ Клапротъ, груз. историки приписываютъ 1-му груз. царю Фарнаозу... но, справедливо замѣчаетъ онъ, округленная форма знаковъ гражд. письма, изъ которыхъ многіе представляютъ только свободное подраженіе (une imitation libre) знакамъ церк. алфавита, да и то обстоятельство, что по свидѣтельству нѣкоторыхъ писателей (?), гражд. алфавитъ былъ введенъ въ употребленіе около 1312 г. въ эпоху реформы (?) груз. лѣтосчисленія, даютъ намъ право заключить, что груз. гражд. алфавитъ позднѣйшаго происхожденія. Съ перваго взгляда кажется, говоритъ тотъ же авторъ, что груз. церковн. письмена имѣютъ много сходства съ армянскими, но это сходство только кажущееся, ибо, анализируя точнѣе знаки этихъ двухъ азбукъ, мы находимъ только весьма не много сходства въ начертаніи и формѣ знаковъ ихъ. Но груз. алфавитъ, съ исторической точки зрѣнія есть важное явленіе (phénomène): большая часть его знаковъ имѣютъ поразительное сходство (une ressemblance frappante), съ знаками dêva nagari и другихъ алфавитныхъ знаковъ Индіи, происшедшихъ отъ него. Далѣе Клапротъ, сравниваетъ 15 груз. алф. знаковъ съ таковыми же деванагари, и гдѣ явнаго сходства нѣтъ, тамъ онъ приводитъ пенджабскіе, магратскіе, бенгальскіе, бирманскіе, кашмирскіе, даже тибетскіе и др. алф. знаки; если они не имѣютъ «поразительнаго сходства» съ знаками груз. церк. алфавита, тогда Клапротъ сравниваетъ ихъ гражданскими и т. п. Словомъ прибѣгаетъ ко всякаго рода натяжкамъ, чтобы только наидти предположенное сходство. Теперь, спрашивается: чѣмъ объяснить такое странное явленіе, что знаки груз. церк. алфавита, давшіе существованіе гражд. алфавиту и арм. алфавитъ, обязанные одному и тому же лицу, своимъ происхожденіемъ, имѣютъ сходство только въ трехъ знакахъ, по Клапроту, большая же часть знаковъ груз. алфав. сходна съ санскритскими письменами, какъ силится доказать Клапротъ? Для объясненія такого феномена этотъ ученый даетъ преоригинальную теорію, вотъ его комбинаціи: сходныхъ знаковъ въ груз. алфавитѣ съ санскритскими слишкомъ много, говоритъ онъ, чтобы это было дѣломъ случая, но оно объясняется слѣд. образомъ: первымъ и пламеннымъ желаніемъ Месропа было, когда онъ по приглашенію Саака явился въ Вагаршападъ, истребить идоловъ, оставшихся еще въ Арменіи, мѣру эту онъ считалъ одинаково полезною какъ для религіи, такъ и для государства. Кромѣ того Месропъ зналъ, что общность (communauté) алфавита, употребляемаго въ Персіи и Арменіи служитъ важнымъ препятствіемъ къ повсѣмѣстому распространенію христіанства, вслѣдствіе легкости, съ какою могли получать запрещенныя книги, тогда какъ свящ. книги, писанныя на иностранныхъ языкахъ, иностранными буквами, недоступны были народу; вотъ, по этой-то причинѣ и составилъ

ные) произносятся, въ соединеніи съ гласною ა, прикосновеніемъ губъ между собою; подобнымъ же образомъ (?) произносятся и (гортанные) ღ, ყ, ქ при легкомъ участіи гортани; ლ, ო, ტ (зубные) произносятся, въ соединеніи съ различными гласными, нѣсколько широкимъ (ფაღდ-ოლდგ) прикосновеніемъ кончика языка къ поверхности (нёба) близь зубовъ; ვ же произносится, въ соединеніи съ ი, легкимъ сжатіемъ внутренней части губъ (?); ზ, ს, ც, ძ, წ произносятся, въ соединеніи съ различными гласными, острымъ (ძწჲ-ტაღდგ) прикосновеніемъ кон-

---

Месропъ арм. алфавитъ изъ знаковъ, имѣющихъ весьма мало сходства съ письменами персовъ и другихъ, нехристіанскихъ народовъ, обитавшихъ въ странахъ сосѣднихъ съ Арменіей. Позже, когда онъ прибылъ въ Грузію, руководствуясь тѣми же соображеніями (motifs), составилъ азбуку, предназначенную для употребленія въ этой странѣ, изъ знаковъ, частью произвольно выдуманныхъ, частью же взятыхъ имъ изъ индійскаго алфавита, который въ его время, можетъ быть, былъ еще въ употребленіи въ Бактріанѣ и на берегахъ Инда, слѣд. онъ могъ его знать.

Какъ ни остроумна эта теорія Крапрота, внушенная можетъ быть общимъ недугомъ того времени — все производить изъ Индіи и человѣчество, и религію, и философію, и языки, и письмена, казалось, будто средневѣковыя суевѣрныя понятія о богатствѣ Индіи, въ другомъ, культурномъ смыслѣ, снова воскресли въ Европѣ, — тѣмъ не менѣе теорія эта гораздо менѣе убѣдительна, чѣмъ лѣтописныя сказанія о происхожденіи груз. алфавита. Въ силу этихъ сказаній, основываясь и на сходствѣ значительнаго числа знаковъ, можно съ нѣкоторою достовѣрностью сказать, что въ основу груз. церк. алфавита легли знаки арм. месроповскаго (хотя, дѣйствительно, алфавитный порядокъ этихъ двухъ системъ значительно разнится другъ отъ друга) и вошли въ употребленіе, вѣроятно, въ эпоху водворенія христіанства въ Грузіи, когда было положено начало и груз. литературѣ. Существовали ли до того времени въ Грузіи какіе-нибудь письменные знаки, фактическихъ доказательствъ для этого пока неимѣется. Знаки же груз. гражд. алфавита, съ большею вѣроятностью,можно разсматривать за дальнѣйшее, позднѣйшее развитіе груз. церк. алфав. знаковъ. Хотя, къ сожалѣнію, для нагляднаго объясненія процесса, которымъ совершался этотъ переходъ отъ прямолинейной къ округленной формѣ, между которыми непривычный глазъ замѣтитъ, пожалуй, мало сходства, у насъ еще не много фактовъ, и тѣ не собраны, и не изложены въ послѣдовательномъ порядкѣ, наглядно представляющемъ вполнѣ логическое, органическое видоизмѣненіе и упрощеніе этихъ знаковъ (кое-что объ этомъ см. въ прекрасномъ трудѣ г. Л. Загурскаго: Кавказско-Горскія письмена. Тифл. 1871, стр. 2 — 3).

Насъ занимаютъ въ настоящемъ трудѣ буквы какъ представительницы з в у к о в ъ, а не сами по себѣ, поэтому несчитаемъ удобнымъ распространяться здѣсь объ этомъ предметѣ; между тѣмъ, вопросъ о груз. алфавитахъ такъ, важенъ, такъ своевременъ, и столько еще спорнаго и темнаго въ ихъ исторіи и графикѣ, что считаю необходимымъ поговорить объ этомъ по подробнѣе, при удобномъ случаѣ, въ особой статьѣ.

чика языка къ поверхности (нёба); ღ, Ნ произносятся, въ соединеніи съ первою гласною (ა), посредствомъ нѣсколько широкаго прикосновенія кончика языка къ поверхности (нёба); ყ, Ә, Ⴁ, Ⴟ, ჯ произносятся, въ соединеніи съ различными гласными, сильнымъ и широкимъ прикосновеніемъ кончика языка къ нёбу; ღ, ყ, Ⴙ, ჰ произносятся, въ соединеніи съ первой гласной, при дѣятельномъ участіи гортани; ф произносится при помощи первой гласной, легкимъ прикосновеніемъ между собою внутреннихъ поверхностей губъ (?). Нашъ грамматикъ забылъ რ, которую слѣдуетъ отнести къ 6-ой категоріи плавныхъ.

И такъ всѣхъ категорій согласныхъ звуковъ 9, по Антонію; органы, принимающіе участіе въ образованіи и произношеніи этихъ звуковъ, какъ мы видѣли, суть: языкъ, или лучше кончикъ его, играющій въ классификаціи Антонія самую видную роль, такъ какъ при помощи его образуются изъ 30 звуковъ 16, остальные распредѣлены между нёбомъ, губами и гортанью, слабое или сильное напряженіе которыхъ сообщаетъ звукамъ тѣ или другіе фонетическіе оттѣнки.

б) Гласные: ა, ე, ი, ო, უ произносятся протяжнѣе, чѣмъ в) придыхательные: ჱ, ჲ, ჳ, ჴ, ჵ (Ⴟ), замѣчаетъ Антоній (въ § 157); неговоря больше ничего о фонетич. характерѣ первыхъ, онъ нѣсколько распространяется о послѣднихъ: ჱ, продолжаетъ Антоній, произносится съ участіемъ гортани и есть глухо-произносимое ე; ჲ, произносимое также съ участіемъ гортани есть глухое ი; ჵ также требуетъ участія гортани; ჴ произносится глуше, чѣмъ ა; основной звукъ Ⴟ глухое ო. Эти два послѣдніе звука Антоній причисляетъ къ согласнымъ, на томъ-де основаніи, что они отдѣльно, безъ основныхъ ихъ звуковъ ა и ო не въ состояніи образовать слога; ჱ, ჲ, ჳ будто-бы могутъ образовать слогъ, ჱ и ჳ кромѣ того, по Антонію, служатъ характеромъ въ глаголахъ, ჲ не встрѣчается въ началѣ словъ, въ серединѣ рѣдко, а обыкновенно въ концѣ. Вотъ, въ главныхъ чертахъ все, что̀ мы встрѣчаемъ у Антонія о природѣ груз. звуковъ. Несмотря на похвальное стараніе Антонія подробно описать физіологическую сторону ихъ, все-таки его описаніе не даетъ яснаго понятія о груз. звукахъ, такъ какъ у него нѣтъ строгаго подраздѣленія ихъ на категоріи и точнаго описанія мѣстъ ихъ зарожденія, опредѣленія его не обнимаютъ характеристическихъ чертъ ни звуковъ, ни органовъ произношенія, напр., опредѣленіе ვ 6-ой катег. и ф 9-ой кат. совершенно одинаково, и въ обоихъ случаяхъ опредѣленіе оши

бочно, такъ какъ, оба звука *губно-зубные*, а не *губные* только, какъ думаетъ нашъ авторъ.

О груз. звукахъ довольно подробно разсуждаетъ и Маджій *); онъ дѣлитъ ихъ на слѣд. категоріи: 1) voales ა, ე, ი, ო, უ; 2) consonantes ბ, დ, ე, ვ, ზ, ჱ, თ, ი, კ, ლ, მ, ნ, ი (слѣдовало ჲ) პ, ჟ, რ, ს, ტ, ფ, ქ, ღ, ყ, შ, ჩ, ც, ძ, წ, ჭ, ხ, ჯ, ჰ, ჵ, ჳ, ჴ; 3) plaenae რ, ჰ, ჴ; 4) mutae ბ, გ, დ, ვ, ზ, ჱ, თ, კ, ლ, მ, ნ, (ჲ), პ, ჟ, ს, ტ, ფ, ქ, ღ, ყ, შ, ჩ, ც, ძ, წ, ჭ, ხ, ჯ, ჰ; 5) duplae ზ, მ, ჟ, ღ, ყ, ც, ჭ, ხ, ჯ; 6) gutturales პ, ღ, ხ, ჯ, ჴ, ჵ; 7) vuales კ, ყ, ქ, ზ; 8) palatinae გ, მ, ჩ, ც, ყ, ჭ, ჯ; 10) sibilantes ზ, ს, ძ, წ; 10) balbutientes დ, თ, ტ; 11) flexae ლ, ნ, რ; 12) labiales ბ, მ, ვ, ფ; 13) moles ვ, ი (ჲ). Изъ этого распредѣленія звуковъ видно какъ произвольно распоряжается съ ними Маджій,—подъ рубрикой полныхъ (plaenae) онъ помѣщаетъ რ (r), ჰ (ha) и ჴ (ho), на томъ основаніи-де, что они не нуждаются для произношенія въ помощи гласныхъ, вѣдь на этомъ же основаніи онъ могъ сюда причислить и всѣ остальныя придыхательныя и гласныя. Гортанныя: კ, ქ, ყ (k, k̓, q) Маджій назыв. vuales (quae scilicet formantur in vua), а ჱ, დ, ხ, ჯ, ჰ, ჴ (he, g̓, x, x̓, ha, ho) называетъ гортанными на томъ основаніи-де, что въ ихъ произношеніи больше всѣхъ другихъ органовъ принимаетъ участіе гортань. Такая же случайность признаковъ и искуственность опредѣленія природы звуковъ видны и въ названіи зубныхъ: დ, თ, ტ, и плавныхъ: რ, ლ, ნ, изъ которыхъ первые называетъ balbutientes, потому-де, что qui balbutiunt, in harum literarum sono, verba confundunt, вторые же flexae,—in quibus exprimendis lingua tanges dentium flectitur....

---

*) Syntagmaton etc. cap. II, p. 3 — 10.

Мы представляемъ звуки грузинскаго языка, для наглядности и краткости, въ нижеслѣдующей, нами составленной, таблицѣ.

СОГЛАСНЫЕ.									ГЛАСНЫЕ.
Мгновенные.					Придувные.		Носовые.	Плавные.	
	Непридыхательные.		Придыхательные.						
	Глухіе.	Звонкіе	Глухіе.	Звонкіе	Глухіе.	Звонкіе			
Гортанные	ჰ,ხ	ღ	ქ	ყ	ჩ,ძ	ჯ,წ			ჱ,ჲ
Нёбные	კ	გ	ჴ		ჭ	ყ,ე			ი
Язычные						რ		ლ,ჭ	ო
Зубные	ტ,თ	დ	ს	ც,ძ	შ	ზ	ნ		
Губные	პ	ბ	ფ		ვ	ჳ,ფ	მ		უ

МОРФОЛОГІЯ.

§ 26. *Родъ* ნათესაო, какъ мы видѣли въ I-ой ч. нашего труда, составляетъ камень преткновенія для груз. грамматиковъ, кромѣ Маджія, Фатера, Клапрота, Броссе и Д. Чубинова, всѣ остальные находятъ въ груз. языкѣ *четыре* рода, такъ по Антонію (§ 181, можетъ быть по подражанію Мхитару, который также ошибочно допускаетъ четыре рода въ арм. языкѣ): мужескій მამრობითი, მამა отецъ, ხარი быкъ; женскій მდედრობითი, დედა мать, ფური корова; средній უმეშუალობითი, ქუა камень, სახლი домъ; общій სამოგადო, კაცი человѣкъ, შვილი дитя и т. п. *). Существительное имя, говоритъ нашъ грамм., не имѣетъ особенныхъ знаковъ для обозначенія въ словахъ мужескаго или женскаго рода, но нѣкоторыя прилагательныя принимаютъ для обозначенія женск. рода окончаніе ა (а); въ подкрѣпленіе своей мысли Антоній приводитъ нѣсколько примѣровъ (всѣ сущ. имена) изъ Библіи: ჭაბუკა (Руф. 2, 3) дѣва, ქალა (Ис. 24, 2) госпожа, მეფა (Іерем. 44, 17) царица, წინასწარმეტყველა (Ис. 8, 3) пророчица, ყრმაა (Іер. 34, 11) дѣвочка (отрочица), ებრაელა (Іер. 44, 9) еврейка, მოაბელა (Ис. 15, 1) моавитянка. Въ цитованныхъ мѣстахъ упомянутыя слова встрѣчаются, какъ я убѣдился изъ справокъ, дѣйствительно, въ той формѣ, въ какой приводитъ Антоній, между тѣмъ ни въ Евангеліи, одномъ изъ древнѣйшихъ документовъ груз. письмен-

*) По этому случаю вѣрно замѣчаетъ г. Броссе: il me paroît évident que, d'un côté Antoni a confondu le genre grammatical, et ses signes de convention avecles sexes naturels; et que, de l'autre, il fait de l'exeption la regle, puisque les 7 exemples ci-dessus sont à-peu-prés les seuls connus. L'art libér. p. 42.

ности, ни въ древне-свѣтской или духовной литературѣ, равно и надписяхъ VI — VII вв., какъ и въ разговорномъ языкѣ нѣтъ подобной формы, упомянутыя мѣста Библіи я склоненъ объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что издатели груз. Библіи (Москва 1743), сличая ее предварительно съ греческой, славянской и др. Библіями, какъ они сами говорятъ въ предисловіи, весьма вѣроятно, что они (безсознательно или сознательно — это другой вопросъ), допустили эти чуждыя груз. языку формы, единственно по подражанію языкамъ, имѣющимъ грамм. роды, таковыхъ, искусственно составленныхъ словъ не мало можно встрѣтить, напр., въ современномъ разговорномъ и письменномъ груз. языкѣ — далеко не классическомъ. Всѣ эти грамматики упускаютъ изъ виду одно весьма важное обстоятельство, именно, что грамматика имѣетъ дѣло не съ *матеріальной*, или логической стороной понятій, предметовъ и явленій, но съ *формальной*, звуковой — наскóлько, кáкъ и чѣ́мъ эти явленія сказываются, обнаруживаются въ *звукѣ*, кòгда говоримъ, и *письмѣ* кòгда передаемъ эти звуки условными, видимыми знаками, словомъ, цѣль грамматики, напр. относителнно родовъ, изслѣдовать: перемѣняется ли одно и тоже слово въ какой-нибудь изъ своихъ частей (въ началѣ, серединѣ, концѣ) когда оно относится къ мужчинѣ, и когда женщинѣ, или, вообще, къ совокупности существъ, понятій, предметовъ и явленій, относимыхъ, обыкновенно по аналогіи, къ той или другой сферѣ, — вотъ вся задача грамматики! Какъ ни простымъ и азбучнымъ кажется это правило, но, къ сожалѣнію, и сегодня еще въ обращеніи въ Грузіи школахъ руководство груз. грамматики (конечно, сбивающій съ толку учащихся), въ которомъ излагается совершенно антоніевское дѣленіе родовъ, хотя, съ появленія грамм. этого замѣчательнаго человѣка, прошло болѣе чѣмъ сто лѣтъ, пора бы понять и убѣдиться груз. грамматикамъ въ этомъ простомъ фактѣ. Грамматическая голова Маджія легко поняла это и прямо говоритъ, что въ груз. языкѣ нѣтъ родовъ, стр. 50.

§ 27. *Чиселъ* რიცხვ, въ груз. языкѣ два: *единственное* ერთობითი и *множественное* მრავლობითი; *двойственнаго* ორობითი нѣтъ, въ этомъ соглсны всѣ грамматики.

Множ. ч. образуется посредствомъ слоговъ ნი, ები (см. стр. 50—51): კაც-ნი, კაც-ები люди, иногда эти знаки удвоиваются: კაც-ებ-ნი люди. Кромѣ того множ. число можетъ быть выражено повтореніемъ одного и того же слова въ формѣ ед. числа: დიდ-დიდი большіе.

§ 28. Относительно числа *падежей* ბრუნვა, равно какъ и *склоненій* ბრუნვები, груз. грамм. не согласны между собою; они дѣлятъ имена не по *темамъ*, а по *окончаніямъ*, впрочемъ относительно склоненія давно всѣ они пришли къ заключенію, что оно *одно* за весьма немногими отступленіями (см. стр. 35).

Г. Броссе допускаетъ 10 падежей, 7 простыхъ (cas simples) и 3 сложныхъ (cas complexes). Антоній же 8 слѣд.: 1) წოდებითი, ანუ სახელობითი *прямой* (casus rectus), или именительный, 2) ნათესაობითი *родительный*, 3) მიცემითი *дательный*, 4) შემასმენელობითი *винительный*, 5) დაწყებითი *начинательный*, 6) მოთხრობითი *повъствовательный*, 7) მოქმედებითი *творительный*, и 8) წოდებითი *звательный*, примѣры: 1) მარიამ, არსება, მზე, 2) მარიამ-ის, არსებ-ის, მზ-ის, 3) მარიამ-ს, არსება-ს, მზე-ს, 4) მარიამ-ი, არსება-დ, მზე-დ, 5) მარიამ-ის-გან, არსებ-ის-გან, მზ-ის-გან, 6) მარიამ-მან, არსება-მან, მზე-მან, 7) მარიამ-ით, არსებ-ით მზ-ით, 8) ჲ, მარიამ, არსება-ო მზე-ო.

Изъ всѣхъ этихъ падежей органическую форму и спеціальные знаки имѣютъ: *род. дательн. творительн. и звательн.* падежи. Въ имен. падежѣ слово имѣетъ форму и окончаніе имени вообще; т. е. оканчивается на всѣ гласныя, и придыхательныя, и изъ согласныхъ преимущественно: ა. ი, ო, ნ. Форма *вин. п.* есть таже именительн. форма съ придых. ა, часто присоединяемымъ въ древн.-груз. языкѣ къ словамъ, неоканчащимся на гласн. ი, и, имѣющимъ нѣкоторое *указательное* (démonstratif) значеніе, какъ и этотъ послѣдній однородный съ нимъ гласн. звукъ. И форма *повъств.* п. та же именительн. форма съ мѣстоименіемъ указательнымъ ეს „тотъ“, играющимъ въ этой сложной, постпозиціонной формѣ роль опредѣлительн. члена, являющагося, по духу груз. языка, въ видѣ послѣлога. *Начинательный* же п. Антонія, есть ничто иное *какъ род. п. съ послѣлогомъ* ჲ ეს „отъ, изъ“, и такихъ падежей можно образовать, по меньшей мѣрѣ, еще десятка два, т. е. столько, сколько въ языкѣ послѣловъ, требующихъ тѣхъ или другихъ падежей; тоже самое слѣдуетъ замѣтить и о сложныхъ пад. г. Броссе, названныхъ causatif и local, которые состоятъ также изъ послѣлога и требуемаго имъ падежа, такъ: თჳს „для“, ში ეს „въ“, первый сочин. съ род. п. ეს-ის თჳს „для отца“, второй съ дат. სახლ-ს ში ეს „въ домѣ“.

Къ числу глубокихъ граммат. соображеній Антонія принадлежитъ и замѣчаніе его о крайне своеобразномъ употребленіи *род. падежа* въ

груз. языкѣ: родительн. п., говоритъ онъ (№ 2, § 197), имѣетъ весьма похвальное обыкновеніе,—онъ часто согласуется съ именемъ, котораго опредѣлителемъ (განმსვითარებლად) онъ является въ предложеніи; для подтвержденія этой мысли Антоній приводитъ 13 примѣровъ, большею частью изъ Библіи, вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: ძე-ნი ლევ-ის-ნი дѣти Левія (соб. дѣти левійскія) გუშმ-ისა ქრისტე-სი-სა тѣла Христова, ჴელ-ითა მოციქულ თა-თა руками апостоловъ (соб. апостольскими) ძე-ნ-ო კაც-თა-ნ-ო, дѣти человѣческія (Езек. 38, 2) и т. п. Внутренній смыслъ этого „похвальнаго обыкновенія“ можно объяснить слѣд. образомъ: форму род. падежа духъ груз. языка разсматриваетъ какъ *прилагательное*, и въ такомъ видѣ она, согласуясь съ управляющимъ существительнымъ, полагается въ требуемомъ имъ падежѣ и числѣ, при чемъ, сверхъ своего падежнаго окончанія, принимаетъ и знакъ падежа, требуемаго существительнымъ *).

§ 29. Прилагательныя склоняются въ груз. языкѣ какъ и существительныя; первыя могутъ предшествовать послѣднимъ, но въ классическомъ языкѣ они обыкновенно слѣдуютъ за нимъ, въ обоихъ случаяхъ могутъ быть и безъ падежныхъ флексій, хотя этого избѣгаетъ древне-груз. языкъ.

О формѣ и образованіи степеней сравненія я уже говорилъ (стр. 52), здѣсь только замѣчу, что суфф. ებრი, выдаваемый Антоніемъ за знакъ сравнительн. степени, не имѣетъ этого значенія въ языкѣ; онъ значитъ единственно „подобный, подобно, по, какъ, также“ и есть знакъ *уподобленія*, а не сравненія, такъ: კეთილ-ებრი не знач. „добрѣе“ но „доброватый“ მოკლ-ებრი „коротковатый“ и т. п. У послѣдующихъ грамм. справедливо является знаками этой степени преф. უ и суфф. ესი უ-კეთ(ილ)-ესი добрѣе, отъ კეთილი добрый.

§ 30. Склоненіе мѣстоименій, особенно личныхъ, отступаетъ нѣсколько отъ склоненій именъ. Эта часть рѣчи изложена у Антонія подробно, но у г. Броссе изложеніе ея отличается какъ полнотою, такъ и, что важнѣе, строгимъ анализомъ и расчлененіемъ запутанныхъ и, такъ сказать, скрещенныхъ мѣстоименныхъ элементовъ **), играющихъ такую важную роль въ организмѣ языка.

---

*) На это рѣдкое свойство груз. языка обратилъ особенное вниманіе и Боппъ: die Kaukas. Glieder. d. Indo-europ. Spr. Berl. 1844, p. 20.

**) L'art libéral p. 140—166.

§ 31. Характеристическая особенность груз. глаголовъ состоитъ, преимущественно въ *употребленіи мѣстоименныхъ элементовъ въ видѣ префиксовъ* (въ двухъ 1-ыхъ л., а въ 3-мъ л. въ видѣ суфф.) *слитно съ формой глагола и измѣненіи гласныхъ, являющихся между личнымъ знакомъ и темой глагола, видоизмѣняющихъ грамматическое значеніе слова*, такъ: ვ-წერ (w-cer) *я* пишу, მ-წერ (m-cer) мнѣ пишешь (მე me мѣст. 1-го л. я), ვ-წერ-ე (w-cer-e), ვ-წერ-დ-ი (w-cer-d-i) *я* писалъ, მ-წერ-ე (m-cer-e), მ-წერ-დ-ი (m-cer-d-i) (ты) *мнѣ* писалъ, ვ-წერ-ო (w-cer-o) если *я* буду писать, მ-წერ-ო (m-cer-o) если (ты) *мнѣ* будешь писать и т. п. ვ-ს-წერ (w-a-cer) я *на*дписываю, приписываю (ему), მ-ს-წერ (m-a-cer) *на*дписываешь на мня, ვ-ი-წერ (w-i-cer) я *вы*писываю, пишу для себя, მ-ი-წერ (m-i-cer) *вы*писываешь для меня, пишешь мнѣ, ვ-უ-წერ (w-u-cer) я пишу ему, для него, უ-წერ-ს (u-cer-s) онъ пишетъ ему, для него, ვ-ი-წერ-ვ-ი, — ებ-ი (w-i-cer-w-i,—eb-i) страдательн. форма — меня пишутъ, ვ-ე-წერ-ვ-ი, -ებ-ი (w-e-cer-w-i,-eb-i) я пишусь, მ-ე-წერ-ვ-ი,-ებ-ი (m-e-cer-w-i,-eb-i) приписываешь мнѣ и т. п.

Всѣ эти модификаціи обязаны измѣненію звуковъ: ვ w, მ m, ს a, ე e, ი i, უ u. Первые два w и m суть мѣст. 1-го л. и, безъ сомнѣнія, они одного происхожденія, хотя функціи ихъ различны, — 1-ое замѣняетъ прямые падежи, 2-ое косвенные, какъ мы видѣли; далѣе *a* придаетъ глагольной формѣ всегда значеніе *дѣйствительнаго*, и чаще *переходящаго* глагола; *e* иногда дѣйствительн., или средн., но большею частью *страдательн.* значеніе, равно какъ *i*, служащій характеромъ *страд. залога*, см. стр. 12.

На эту особенность груз. глагола обратили особенное вниманіе и груз. грамматики; Антоній находитъ въ глаголахъ четыре главныя составныя части: 1) корень (основа) глагола ძირი ზმნისა 2) характеръ спряженія სხვანი მაუღლებელნი, 3) знаки лицъ ნიშანნი მისთანავენი 4) зн. чиселъ მიმართველნი; таковы: 2) ს, ე, უ, ი, a, e, u, i, суфф. ო, ჳ o, f, 3) ვ, ჲ, ს, მ, g, უ, w, h, s, m, g, u, 4) ო, ნ, ტ, n.

Мѣстоименные элементы — преф. были замѣчены и Маджіемъ см. стр. 53. Полнѣе и систематичнѣе изложены они у Броссе, L'art libér p. 165. Тогда какъ для наклоненій спеціальнаго знака въ большинствѣ случаевъ нѣтъ налицо, знаки главныхъ *временъ*, особенно простыхъ, ясно выступаютъ въ формахъ глаголовъ, такъ, напримѣръ, для прош. совер. ე, прош. несовер. დ, будущ. услов. ო, наст. услов. დ-ე-დ-ე.

ОТГЛАГОЛОНОЕ ИМЯ წერ-ა ПИСАТЬ.

		Изъявительн. наклон.			Услов. наклон,
Настоящ. вр.	ед. ч.	ვ-ჰს-წერ, ჰს-წერ, ჰს-წერ-ს,	Настоящ. вр.	ед. ч.	ვ-ჰს-წერ-დ-ე, ჰს-წერ-დ-ე, ჰს-წერ-დ-ე-ს,
	мн. ч.	ვ-ჰს-წერ-თ, ჰს-წერ-თ, ჰს-წერ-ე-ნ.		мн. ч.	ვ-ჰს-წერ-დ-ე-თ, ჰს-წერ-დ-ე-თ, ჰს-წერ-დ-ე-ნ,-ი-ან.
Прошед. несоверш.	ед. ч.	ვ-ჰს-წერ-დ-ი, ჰს-წერ-დ-ი, ჰს-წერ-დ-ა(რს),-დ-ი-ს,	Прошедш. совер.	ед. ч.	მ-ე-წერ-ა(რს), გ-ე-წერ-ა(რს), ე-წერ-ა(რს),
	мн. ч.	ვ-ჰს-წერ-დ-ი-თ, ჰს-წერ-დ-ი-თ, ჰს-წერ-დ-ნ-ე-ნ,-დ-ი-ან,-დ-ნ-ი-ან.		мн. ч.	გ-ვ-ე-წერ-ა(რს)-თ, გ-ე-წერ-ა(რს)-თ, ე-წერ-ა(რს)-თ.
Прошед. соверш.	ед. ч.	ვ-ჰს-წერ-ე, ჰს-წერ-ე, ჰს-წერ-ა(რს),-ის,	Давнопрошед	ед. ч.	მ-ე-წერ-ო-ს, გ-ე-წერ-ო-ს, ე-წერ-ო-ს,
	мн. ч.	ვ-ჰს-წერ-ე-თ, ჰს-წერ-ე-თ, ჰს-წერ-ე-ს.		мн. ч.	გ-ვ-ე-წერ-ო-ს-თ, გ-ე-წერ-ო-ს-თ, ე-წერ-ო-ს-თ.
Давнопрошед. вр.	ед. ч.	მ-ი-წერ-ი-ა(რს),-ი-ე-ს, გ-ი-წერ-ი-ა(რს),-ი-ე-ს, უ-წერ-ი-ა(რს),-ი-ე-ს,	Будущее вр.	ед. ч.	ვ-ჰს-წერ-ო, ჰს-წერ-ო, ჰს-წერ-ო-ს,
	мн. ч.	გ-ვ-ი-წერ-ი-ა(რს)-თ,-ი-ე-ს-თ, გ-ი-წერ-ი-ა(რს)-თ,-ი-ე-ს-თ, უ-წერ-ი-ა(რს)-თ,-ი-ე-ს-თ.		мн. ч.	ვ-ჰს-წერ-ო-თ, ჰს-წერ-ო-თ, ჰს-წერ-ო-ნ.

Повѣл. наклон.

Наст. вр.	ед. ч.	2 л. ჰს-წერ-ე 3 л. ჰს-წერ-ო-ს	мн. ч.	ჰს-წერ-ე-თ ჰს-წერ-ო-ნ.

Причастія.

Дѣйств. наст. вр. მ-წერ-ე-ლი, მ-წერ-ა-ლი.
Страд. прошед. вр. წერ-ი-ლი, ნა-წერ-ი
буд. вр. წერ-ა-დ-ი, სა-წერ-ი,

Важнѣйшіе выводы, къ которымъ приводитъ разсмотрѣніе груз. глаголовъ суть слѣд.—глагольная форма никакимъ внѣшнимъ знакомъ не отличается отъ именной формы; далѣе, глагольн. основа сама по себѣ, по формѣ (а не по смыслу), не имѣетъ опредѣленнаго значенія залога, только съ прибавленіемъ знаковъ, приведенныхъ нами выше, а) преф. ვ w, ჰ h, მ m, გ g, უ u, въ соединеніи съ гласными: ა a, ე e, ი i и суфф. ს s, ვი wi, ები ebi, получаютъ значеніе дѣйствительнаго, средн. и страдательн. глаголовъ; такимъ образомъ, *самыя существенныя измѣненія въ организмѣ груз. глагола, происходятъ не въ концѣ глагольныхъ формъ, но въ началѣ*, это составляетъ характеристическую черту крайне своеобразнаго граммат. строя груз. языка вообще и глаголовъ въ особенности.

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Въ это время мать Антонія, царица Елена (самъ Антоній называетъ ее Елизаветой) находилась въ Москвѣ и была сильно опечалена такимъ поступкомъ сына, и вотъ, между прочимъ, что она эму писала: «сынъ мой, зачѣмъ поразилъ оружіемъ сердце мое, томящееся на чужбинѣ? Теперь потеряна всякая надежда на мое возвращеніе въ страну нашу. Брата нѣтъ у тебя, и зачѣмъ потерялъ ты надежду быть царемъ и царство, которое освободитъ Богъ силою русскихъ, старающихся помочь намъ очистить землю нашу отъ турокъ. წყობილ-სიტყჳაობა стр. VII. Тиф. 1853.

2. Издатель сочиненія Артонія «Мѣрное слово» г. Іоселіани приводитъ приказъ груз. царя Теймураза, которымъ дозволяется Антонію уѣхать въ Россію. (Дѣло Синодальн. Архива, № 350, за 1756 г.).

3. Эти авторы и труды, на которые ссылается Антоній и въ другихъ мѣстахъ своей грамматики суть: Св. Писаніе, Іосифъ Флавій, исторія Арсенія объ обращеніи грузинъ въ христіанство, соч. Діонисія о чинахъ небесныхъ, творенія Іоанна Богослова, Іоанна-Философа Петрици, Дамаскина, Аѳанасія, Арсенія Католикоса, блаженнаго Ефрема, Максимé, Исторія Арменіи Моисея Хоренскаго. Антоній приводитъ въ прибавленіи же своей 1-ой грамм., какъ образецъ высокаго слова, отрывокъ изъ сочиненія Руставели «жизнеописаніе царицы Тамари», между тѣмъ его поэму Вепхвисткаосани, по которой этотъ поэтъ до сихъ поръ только и былъ извѣстенъ, онъ ни разу не цитируетъ. Этотъ образчикъ «высокаго слова» представляетъ такой поразительный контрастъ съ простымъ, безъискуственнымъ языкомъ поэмы упомянутаго автора что невольно возникаетъ мысль, наперекоръ увѣреніямъ Антонія, не есть ли это «жизнеописаніе» скорѣе плодъ какого-нибудь келейнаго рабочаго, стилиста-черноризца, чѣмъ произведеніе автора романтико-героической поэмы — Вепхвисткаосани!

4. Очевидно, Антоній говоритъ здѣсь о страшномъ опустошеніи Тифлиса при Вахтангѣ VI, въ 1723 г., Константиномъ царемъ кахетинскимъ (въ магомет. Махмедъ Кули-ханъ), вмѣстѣ съ персіянами, см. ниже, пр. 5.

5. Изъ писателей, подвизавшихся на поприщѣ грузинской литературы и

письменности въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, особенно выдаются, кромѣ самаго Антонія, еще три личности: князь *Саба Сулханъ Орбеліани*, царь *Вахтангъ VI* — историкъ и законодатель и его сынъ *Вахуштій* — географъ, такъ какъ Антоній останавливается на этихъ личностяхъ, принимавшихъ участіе и въ судьбѣ грамм. груз. языка, и отличительная черта эпохи, въ которую они жили, — это необыкновенное литературное движеніе, то считаю нелишнимъ сообщить здѣсь нѣсколько подробнѣе біографическія и библіографическія свѣдѣнія объ упомянутыхъ писателяхъ и ихъ трудахъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Саба Сулханъ Орбеліани родился въ 1658 г. и происходитъ отъ груз. фамиліи князей Орбеліановыхъ. Онъ былъ по матери двоюродный братъ царей Арчила и Георгія. Изъ краткой біографіи, помѣщенной въ началѣ его *груз. словаря*, узнаёмъ, что Сулханъ до 45 лѣтняго возраста занималъ развыя общественныя должности, а 1685 г. оставивъ міръ, удалился въ пустынь; 1698 г. вступилъ въ монашество и нареченъ *Сабой* (въ мірѣ назывался Сулханомъ). Въ 1710 и 1712 годахъ Саба сопровождалъ груз. царей Кайхосро и Вахтанга въ Хорасанъ и въ Испаганъ, гдѣ онъ оставался цѣлый годъ. Въ 1713 г. монахъ Саба, тайно отъ родныхъ, удалился черезъ Турцію въ Европу. Былъ въ Сициліи, Римѣ, Генуѣ (а не въ *Женевѣ*, какъ думаютъ нѣкоторые, вводимые въ заблужденіе итальянскимъ произношеніемъ этихъ названій, Gênova. Gênua произн. Дженова, Дженуа—*Генуа*, а *Женева* Ginêvra произн. Джиневра) и Франціи; король французскій принялъ его благосклонно и велѣлъ показать ему рѣдкости столицы. На обратномъ пути въ 1716 г. видѣлся съ папою и черезъ Мальту возвратился въ Константинополь, гдѣ онъ оставался годъ у француз. посланника. Послѣдніе дни свои монахъ Саба провелъ въ Москвѣ у царя груз. Вахтанга VI и умеръ въ глубокой старости, отрекшись, передъ смертію, отъ католической вѣры, которою онъ прельстился во время своего путешествія на западѣ; онъ написалъ даже особую книгу подъ названіемъ ხვდომის კარი «*Двери рая*», въ которой доказывалъ православіе католической церкви, въ противоположность восточной, греческой. Вотъ какъ отзывается Антоній въ своемъ «Мѣрномъ словѣ» о монахѣ Орбеліани: «Сабу я не хвалю, потому что онъ сдѣлался врагомъ св. церкви и противникомъ истины. Онъ написалъ не «Двери рая», а врата адовы, на погибель душамъ и самъ погибъ. Но стихи (?) его пользуются заслуженною извѣстностью и я хвалю тѣ изъ нихъ, въ которыхъ нѣтъ латинской примѣси, раскола или ереси, и вообще все что̀ Саба написалъ въ мірскомъ духѣ — превосходно и поэтично.» წყობ.-სიტყ. стр. 287. Труды его кромѣ упомянутаго суть: *Путешествіе по Европѣ*, въ которомъ подробно описываетъ церкви и духовенство, о другихъ же сторонахъ европейской жизни или ничего не говоритъ, или очень мало. Саба еще въ молодости написалъ басни подъ заглавіемъ სიბრძნე სიცრუისა «*Мудрость вымысла:*» Эти басни написаны въ прозѣ, чистымъ народнымъ языкомъ XVII столѣтія, отличаются мѣткостью выраженій и неподдѣльнымъ юморомъ. Часть этихъ басень оригинальна; содержаніе взято изъ груз. жизни и груз. быта; часть же переведена съ восточныхъ и европейскихъ басень. Я перевожу заглавіе этой книги სიბრძნე სიცრუისა словами «*мудрость вымысла*», а не «*мудрость и ложь*», какъ это дѣлаютъ разные переводчики, ибо, во 1-хъ, между этими двумя словами (на груз. языкѣ) нѣтъ никакой соединительной частицы; во 2-хъ, второе существительное стоитъ въ родит. падежѣ; въ 3-хъ

*) Эта книга называется „წიგნი სიბრძნე-სიცრუისა", т. е. წიგნი სიბრძნისა და სიცრუისა. „Книга мудрости и вымысла" „Das Buch der Weisheit und Dichtung". З. Д.

груз. слово ცთომა означаетъ и *умственную* и *нравственную* фальшивость, въ настоящемъ случаѣ, очевидно, его слѣдуетъ понимать въ первомъ значеніи и перевести словомъ *вымыселъ* (Dichtung, dichten), какъ единственно-противоположнымъ понятію «мудрость», выражающимъ *умственное совершенство*. И такъ смыслъ заглавія упомянутой книги Сулхана есть, по моему мнѣнію, слѣд.: мудрое нравоученіе, вытекающее (хотя бы и) изъ вымышленныхъ разсказовъ и событій.

Но самое замѣчательное изъ сочиненій Сулхана Орбеліани, которымъ онъ обезсмертилъ себя, — это его *Словарь груз. языка*, — гигантскій трудъ надъ составленіемъ котораго Сулханъ трудился въ продолженіи 30-ти лѣтъ (1669 — 1698), и, кончивъ его, поступилъ въ монахи. Въ предисловіи своего словаря Сулханъ говоритъ слѣд.: «Я приступилъ къ составленію груз. лексикона по порученію царей Арчила и Георгія, побудительною же причиной къ этому порученію было то, что въ народѣ древній груз. языкъ началъ было уже забываться и портиться. Надъ составленіемъ этого словаря, продолжаетъ онъ, трудился я 30 лѣтъ, бралъ слова изъ св. писанія, старинныхъ груз. переводовъ, изъ философій Прокла Платоника, Діодоха, Аристотеля, Порфирьевыхъ категорій, Немесія, Іоанна Дамаскина, Платона и другихъ свѣтскихъ книгъ. Стараясь не упустить ни одного стариннаго грузинскаго слова, я-де помѣстилъ въ своемъ словарѣ много и такихъ словъ, которыхъ значеніе я самъ не довольно ясно понималъ, предоставляя другимъ, остроумнѣйшимъ, найдти его, и таковыя слова обозначалъ я знаками и т. п. Словарь Сулхина названъ ცოტაის კრებ «Букетъ словъ» Онъ содержитъ въ себѣ болѣе 15,000 названій, до 25 т. словъ, расположенныхъ въ алфавитномъ порядкѣ. Въ словарѣ встрѣчаются около 26 названій разныхъ оригиналныхъ и переводныхъ сочиненій, духовнаго и свѣтскаго содержанія, которыми Саба пользовался при составленіи своего труда. Онъ говоритъ, что еще до него сушествовалъ «Букетъ словъ», но, во время безпрестанныхъ разореній Грузіи, потерянъ. Иногда подъ однимъ словомъ приводитъ нѣсколько десятковъ подобозначущихъ (синонимовъ) и столько же различныхъ значеній (омонимовъ) одного и того же слова, такъ напр. подъ словомъ ჯუნჯული «сосудъ» приводитъ описаніе 15 разнаго рода сосудовъ и посудъ. Подъ словомъ სლვა «ходъ, шествіе» — 32; не менѣе родовъ и видовъ перечисляетъ подъ словами ნათესავი «родственникъ» и ხმალი «сабля» и др. Многія слова объясняетъ авторъ изъ этимологіи греческой, латинской, армянской и другихъ восточныхъ языковъ. Это обширное словохранилище, къ сожалѣнію, существующее до сихъ поръ только въ рукописяхъ (экземпляръ его находится и въ азіат. Музеѣ Спб. Ак. Н.), должно быть настольной книгой для каждаго, занимающагося груз. языкомъ ex professo.

Жизнь и правленіе *Вахтанга VI* полны драматизма; я ограничусь здѣсь только немногими словами о немъ. Вахтангъ, еще до вступленія на престолъ Карталиніи въ 1719 году, управлялъ, въ качествѣ персид. губернатора, въ теченіи 7 лѣтъ Адзербейжаномъ, гдѣ онъ успѣлъ основательно познакомиться съ персид. языкомъ и литературой.

Когда Турки возвели на престолъ Карталиніи брата Вахтангова Іессея (отца Католикоса Антонія I), вторично принявшаго магометанство, тогда онъ, по приглашенію Петра В. переселился въ Россію, и умеръ впослѣдствіи въ Астрахани, на пути въ Персію. Вахтангъ, еще во время управленія карталинскимъ царствомъ, желая сохранить отъ порчи времени и переписчиковъ ста-

ринныя груз. книги, преимущественно же Библію и сдѣлать ихъ доступными большинству, задумалъ завести въ Тифлисѣ типографію, для чего онъ выписалъ необходимый матеріалъ и типографщика изъ Валахіи. Вотъ что говоритъ Вахтангъ объ основаніи этой типографіи: «Я потомокъ Давида (царя іуд.), внукъ знаменитаго Вахтанга, племянникъ славнаго Арчила и преславнаго карт. царя Георгія, сынъ великаго царя груз Леона, самодержецъ Грузіи Вахтангъ выписалъ изъ Валахіи типографщиковъ и основалъ типографію во спасеніе душъ упомянутыхъ царей, отца и матери моей Туты, дочери правителя Гуріи, и во спасеніе души моей и души супруги моей, дочери черкесскаго князя, царицы Русудани и для назиданія дѣтей нашихъ.» Скоро типографія была готова и приступлено къ печатанію Библіи. Грузин. Библія была переводима по частямъ и въ разное время, окончательно же переведена и исправлена по греческому переводу семидесяти толковниковъ св. отцами Евфиміемъ и Георгіемъ, жившими въ Иверской обители на Аѳонѣ, въ началѣ XI столѣтія. Переводъ этотъ до сихъ поръ хранится въ упомянутомъ монастырѣ. Въ немъ по вѣтхости, не достаетъ книги Маккавеевъ, начальныхъ двухъ листовъ и главъ 4-й, 5-й и 6-й, равно и 3-й книги царствъ. Частыя и опустошительныя нападенія Турокъ, Персіянъ и горскикъ народовъ на Грузію, едва совсѣмъ не истребили груз. Библію; оставшіяся части, искаженныя переписчиками, требовали исправленія. Царь Арчилъ, во 2-й половинѣ 17 стол., первый возъимѣлъ желаніе исправить недостатки груз. Библіи. При всѣхъ своихъ стараніяхъ нигдѣ онъ въ Грузіи не могъ отъискать древняго перевода книги Сираховой и Маккавейскихъ, потому нашелся вынужденнымъ перевести ихъ вновь и присоединить къ прочимъ исправленнымъ книгамъ Библіи — и вотъ, племянникъ этого-то царя Вахтангъ и приступилъ къ печатанію рукописной Библіи, доставшейся отъ дяди. Успѣлъ отпечатать только книги пророческія, Евангеліе, Апостолъ, Псалтырь, Служебникъ, Требникъ, Молитвенникъ и Часословъ; изъ свѣтскихъ книгъ: поэму Руставели (XII в.) Вепхвисткаосани. Вскорѣ послѣ основанія типографіи Персіяне раззорили г. Тифлисъ и разрушили это заведеніе, уничтоживъ бо́льшую часть отпечатанныхъ книгъ, (основанная впослѣдствіи царемъ Иракліемъ II типографія въ Тифлисѣ подверглась гой же участи при послѣднемъ нашествіи Персянъ на Грузію въ 1795 г.). Въ 1794 году царь Вахтаигъ съ семействомъ переѣхалъ въ Москву и здѣсь сынъ его Бакаръ довершилъ изданіе груз. Библіи, заведя новую груз. типографію при своемъ домѣ, въ подмосковномъ селѣ Всесвятскомъ. царевичъ Бакаръ кончилъ совершенно печатаніе груз. Библіи въ 1743 году Библія эта напечатана въ листъ въ два столбца, на александрійской бумагѣ, весьма четкими и чистыми литерами. Въ началѣ помѣщено краткое предисловіе царевича Бакара, содержащее въ себѣ исторію груз. Библіи и ея изданія; говорится, между прочимъ, что она соображена съ еврейскою, греческою, сирскою, болгарскою и армянскою Библіями. Къ концу припечатаны: 1) мѣсяцесловъ святыхъ, столпы евангелій и алфавитный каталогъ на всю Библію; 2) Пасхалія со златымъ числомъ по рукамъ, такъ называемымъ богословскимъ; 3) Росписаніе церковныхъ праздниковъ по мѣсяцамъ; 4) указаніе типографскихъ ошибокъ, которыхъ очень много и 5) увѣдомленіе отъ царевича Вахуштія объ участіи своемъ въ этомъ изданіи.

Въ 1712 году, въ Тифлисѣ, въ типографіи Вахтанга была отпечатана, какъ мы уже замѣтили, и груз. поэма Вепхвисткаосани. Набожная цѣль, которую

Вахтангъ имѣлъ, какъ мы видѣли, устраивая груз. типографію, гдѣ должны были печататься церковныя и нравоучительныя книги, отразилась и на изданіи упомянутой поэмы. Онъ снабдилъ ее своими комментаріями, которыя чрезвычайно интересны въ томъ отношеніи, что показываютъ совершенное извращеніе вкуса къ изящному даже у передовыхъ людей того времени и непониманіе лучшаго произведенія классическаго періода груз. литературы. Въ началѣ своихъ примѣчаній Вахтангъ говоритъ, что еще до него комментировали эту поэму многіе другіе и все невѣрно понимали ее, что тѣ комментаторы, которые считаютъ ее сочиненіемъ соблазнительнымъ и безнравственнымъ, доказываютъ этимъ, что «они не въ состояніи отличить простаго стекла отъ драгоцѣннаго камня и жемчугъ принимаютъ за бисеръ», и вотъ послѣ этого Вахтангъ берется оправдать автора поэмы, отъ незаслуженныхъ нареканій потомства и разумѣется, этимъ онъ ему оказываетъ плохую услугу. Онъ утверждалъ, что эта поэма есть ничто иное, какъ священная аллегорія, хотя и представленная въ мірскомъ духѣ, («чтобы привлечь большее число читателей, такъ какъ чисто священными предметами обыкновенно мало интересуются»), но на самомъ дѣлѣ она имѣетъ въ виду духовную любовь между Богомъ и людьми; что Руставели, какъ христіанскій поэтъ и философъ, въ глазахъ набожной царицы Тамары, двухъ Католикосовъ и множества, ревнующаго о нравственности, духовенства, не осмѣлился бы написать что-либо не имѣющее цѣли нравственной и, что между прочимъ, цѣль его была представить непоколебимую вѣрность супруговъ и друзей при всѣхъ превратностяхъ жизни человѣческой. Въ этомъ духѣ и комментируетъ Вахтангъ всѣ мѣста поэмы. Дѣйствительно, нельзя отвергать, что въ основаніи поэмы Руставели лежитъ мысль нравственная, какъ въ основаніи каждаго истинно-поэтическаго произведенія, но не въ томъ смыслѣ какъ Вахтангъ думаетъ. Онъ, желая доказать свою мысль, сводитъ мѣста поэмы съ текстами свящ. Писанія и правилами евангельскаго ученія, при этомъ вдается въ явныя натяжки, примѣняя тексты свящ. писанія къ такимъ мѣстамъ поэмы, которыя совершенно противорѣчатъ навязываемому имъ значенію. Словомъ, его объясненія напоминаютъ такое же мистическое толкованіе извѣстной библейской книги «пѣснь пѣсней», приписываемой царю Соломону. Впрочемъ Вахтангъ въ концѣ своего предисловія указываетъ еще на другой мотивъ, почету онъ такъ понимаетъ поэму Руставели и почему счелъ нужнымъ сдѣлать примѣчанія къ ней: «но если даже говоритъ онъ, смыслъ поэмы другой (т. е. не мистически-духовная любовь), то все таки лучше такъ понимать (т. е. такъ какъ онъ понимаетъ), я съ своей стороны, въ интересѣ Бога и людей, предпочитаю такое пониманіе и читатели сами пусть понимаютъ такъ, какъ имъ заблагоразсудится, я былъ и буду невиненъ въ дурныхъ послѣдствіяхъ отъ этого происходящихъ, — правитель народа обязанъ заботиться о нравственности подданныхъ, поэтому и я предпринялъ настоящій трудъ.» Понятно, что когда при оцѣнкѣ поэтическихъ произведеній руководствуются полицейскими соображеніями и побужденіями, тогда отъ подобной критики много толку ждать нельзя.

Что же касается до той части комментаріевъ Вахтанга, которая посвящена собственно объясненію труднопонимаемыхъ древнихъ словъ грузинскихъ и переводу иностранныхъ словъ, встрѣчающихся въ поэмѣ, то она составлена толково и вѣрно, и драгоцѣнна для исторіи груз. языка. Послѣ Вахтангова изданія въ 1712 г., поэма эта была издаваема еще нѣсколько разъ: въ 1844 г.

Ак. Броссе, Д. Чубиновъ и Палавандовъ напечатали ее съ краткимъ объяснительнымъ словаремъ въ концѣ для иностранныхъ и труднопонимаемыхъ древне-грузинскихъ словъ, затѣмъ она два раза была напечатана въ 1846 и 1860 гг. г. Д. Чубиновымъ въ видѣ 2-й, стихотворной части его груз. хрестоматіи, также съ словаремъ и объясненіями, послѣдній разъ она была напечатана въ Тифлисѣ 1867 г. съ такимъ же объяснительнымъ словаремъ. Она была также переводима, по частямъ, на иностранные языки: Ак. Броссе на франц. языкъ (Journ. As. avril et novembre 1830, mai 1831), равно и на русскій, польскій и армянскій языки. Изъ этой же поэмы составлена трагедія царевичемъ Окропиромъ на груз. языкѣ, изд. Москв. 1851 г.

Считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о невѣрномъ переводѣ на русск. языкъ заглавія этой поэмы: сложное груз. слово ვეფხვის-ტყაოსანი я перевожу «человѣкъ въ барсовой кожѣ», или какъ 8 стихъ поэмы гласитъ: ერმა ვეფხვის-ტყაოსანი «юноша въ барсовой кожѣ», между тѣмъ его переводятъ до сихъ поръ, вотъ уже полстолѣтія, словами «Барсова кожа». Я усматриваю въ этомъ переводѣ грубую грамм. ошибку, — «Барсова кожа» будетъ по грузински ვეფხვის-ტყავი, между тѣмъ въ груз. ვეფხვის-ტყაოსანი остается непереведеннымъ еще ოსანი; что же это окончаніе значитъ, какой смыслъ придаетъ оно слову? Его значеніе можно перевести на русскій языкъ словами: *имѣющій, носящій, покрытый*, напр. წვერი «борода», წვერ-ოსანი «бородатый, носящій бороду», ქუდი «шапка», ქუდ-ოსანი «носящій шапку» т. е. *мужчина*, въ отличіе отъ მანდილ-ოსანი носящій мантилію, т. е. *женщина;* слѣдовательно ვეფხვის-ტყავი = «барсова кожа», ვეფხვისტყაოსანი = носящій барсовую кожу, покрытый барсовою кожей, «человѣкъ (или юноша) въ барсовой кожѣ.»

Перевести же ვეფხვისტყაოსანი безцвѣтными и прозаическими словами «Барсова кожа», (не говоря ужъ о томъ, что грамматически не вѣрно) значитъ лишить это заглавіе загадочности и образности, такъ удачно выраженной поэтомъ въ названіи своей поэмы, даже однимъ заглавіемъ вызывющей любопытство у читателя. Такое пониманіе заглавія этой поэмы какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ и сущности предмета: въ 84 и 83 четверостишіяхъ поэмы говорится о *Тариэли*, главномъ дѣйствующемъ лицѣ поэмы, что «на немъ было платье изъ кожи барса, изъ барсовой же кожи шапка покрывала голову его.»

Вахтангъ *VI* оказалъ также громадныя услуги груз. исторіографіи и законодательству. По его приказанію были собраны разбросанныя древнія лѣтописи и соединены въ одно цѣлое подъ стариннымъ назв. ქართლის-ცხოვრება Текстъ и франц. переводъ его съ необходимыми примѣчаніями и поясненіями, сдѣланный г. Ак. Броссе, изданы Спб. Ак. Н. и составляютъ весьма важный источникъ и матеріалъ для груз. исторіи; эта лѣтопись доведена до 1307 г. Будучи составлена изъ разныхъ древнихъ лѣтописей, она писана то высшимъ, то простымъ и простонароднымъ языкомъ. Лучшія мѣста, отличающіяся простотой, ясностью и изяществомъ встрѣчаются до царя Арчила-мученика т. е. до 718, далѣе слогъ измѣняется и становится болѣе простонароднымъ.

По приказанію же Вахтанга составлено и სამართლის წიგნი Уложеніе. Въ предисловіи Вахтангъ указываетъ на причины, вызвавшія появленіе этого Уложенія; именно, съ одной стороны, невѣжество судей въ законовѣдѣніи, съ другой ихъ недобросовѣстность и подкупность. Дѣловой слогъ Уложенія за-

мѣтно отличается отъ обыкновеннаго литературнаго языка. Это Уложеніе раздѣляется на 7 частей: 1-я содержитъ въ себѣ 52 статьи, взятыя изъ кн. Моисея «Второзаконіе», 2-я греческіе законы Льва Мудраго, Константина и др. государей, 3-я заключаетъ въ себѣ армян. законы въ числѣ 431 статьи, 4-я законы груз. царя Георгія VI, который составилъ ихъ собственно для горцевъ, покоренныхъ имъ въ 1325 г., 5-я заключаетъ законы Агбуги, управлявшаго ахалцихскою областью въ качествѣ вассала груз. царя (1444 — 1454), 6-я законы груз. Католикосовъ 1605 г., въ числѣ 24 статей, наконецъ 7-я содержитъ собственно Уложеніе Вахтанга въ числѣ 267 статей, изъ которыхъ большая часть уголовнаго характера.

Съ литературной дѣятельностью царя Вахтанга VI имѣетъ тѣсную связь такая же дѣятельность его сына *Вахуштія*, который переселившись съ отцемъ въ Москву учавствовалъ здѣсь въ изданіи груз. библіи въ 1743 году, онъ составилъ первый пространный русско-грузинскій словарь, экземпляръ котораго хранится въ акад. библ. азіат. рукописей. Ему же принадлежитъ «Висраміани» въ стихахъ. Но самый важный трудъ его — это исторія и географія Грузіи, составленныя имъ по богатымъ матеріаламъ отца. Исторія доведена до половины XVIII ст.; въ составъ ея входятъ: a) общее предисловіе; b) статьи о нравахъ и обычаяхъ грузинъ; c) исторія Грузіи до распаденія ея на три царства въ 1469 г. Карталинское, Кахетинское и Имеретинское и 5 княжествъ: Саатабегское, Гурійское, Мингрельское, Сванетское и Абхазкое; d) статья о причинахъ распаденія Грузіи на три царства и пять княжествъ; e) географическое описаніе и исторія Карталиніи 1469 — 1745 г.; f) географич. описаніе и исторія Кахетіи съ 687 г. по 1744 г.; g) географическое описаніе и исторія Имеретіи съ 686 г. до 1744 г.; h) географич. описаніе и исторія Ахалцихской области съ 508—1744 года; i) географич. описаніе и исторія другихъ кавказскихъ странъ. Въ концѣ приложены: α) хронологическій указатель важнѣйшихъ происшествій отъ кончины царицы Тамары 1204—1755 г.; β) хронологич. таблица, показывающая современныхъ груз. царямъ и котоликосамъ государей Европы и Азіи. Эта сравнительная таблица начинается съ 1-го грузинск. царя Фарнаоза, т. е. 237 года до Р. Хр. и кончается 1745 г. по Р. Хр.; γ) списокъ деревнямъ и селамъ, лежащимъ въ Карталиніи и Кохетіи; δ) сверхъ того, къ исторіи приложена родословная таблица груз. царей, а географическимъ описаніямъ весьма подробныя карты числомъ до 20-ти.

Географія Вахуштія издана акад. Броссе, съ переводомъ на франц. языкъ, а текстъ его исторіи изд. Д. І. Чубиновымъ, переводъ сдѣланъ академикомъ же Броссе. Катол. Антоній говоритъ въ своемъ «Мѣрномъ словѣ» о Вахуштіѣ: «я хвалю Вахуштія за его географическія познанія, за его умѣнье передавать историческія событія умно и подробно; онъ написалъ исторію картѳеловъ, кахетинцевъ, месховъ, абхазцевъ, мингрельцевъ, свановъ и кавказскихъ горцевъ, — этимъ онъ оказалъ услугу грузинамъ. Вахуштій изслѣдовалъ родословное дерево царей (грузинск.), потомковъ Давида (царя Іудейск.) вѣрно и хорошо, хотя и подвергся заслуженнымъ порицаніямъ, такъ какъ въ его сочиненіяхъ оказалось не мало и пристрастнаго».

6. Эти слова Антонія «не *есть* грамматика არა არს გრამმატიკა, мнѣ кажется, даютъ намъ полное право заключить, что книга, о которой идетъ рѣчь существовала въ его время, иначе онъ бы сказалъ არა იყო გრამ. «не *была* грамм.», слѣдовательно, Антоній *могъ* имѣть ее подъ руками.

7. Въ другомъ мѣстѣ своей грамм. № 2, § 155, такимъ образомъ старается Антоній доказать важность и необходимость учиться грамматикѣ: «посредствомъ элементовъ слова воздвигается зданіе разнообразныхъ благородныхъ знаній, заключающее въ себѣ плодоносныя деревья и цвѣты разговора и письма, среди которыхъ почиваютъ мысли глубокомысленныхъ людей, сдѣлавшіяся предметами изученія человѣчества, стремящагося *къ познанію вещей, познанію причинъ вещей, измѣренію силъ и причинъ вещей и познанію количества ихъ*. Обо всемъ этомъ разсуждаетъ и искусство — грамматика, сдѣвательно необходимо учиться ей». Кажется, эта послѣдняя философская формула заимствована Антоніемъ у Баумейстера; такъ на стр. 1, § 2 логики этого автора встрѣчаемъ слѣдующее мѣсто: *Троякое есть человѣческое познаніе. Ибо,* или *то, что сдѣлано, и впредь сдѣлаться можетъ, познаемъ,* или *причину тѣхъ вещей,* которыя суть или бываютъ, *ясно усматриваемъ*; или наконецъ *количество вещи познаемъ,* и *силы оныхъ измѣрять можемъ*». Хр. Баумейстра логика съ латинск. на росс. языкъ перевед. лейбъ-гвардіи мих. полка сержантомъ имп. моск. унив. студентомъ А. Павловымъ. 1870. Здѣсь кстати замѣтимъ, что нѣсколько ссылокъ у Антонія на философ. сочиненія Баумейстра согласно съ русскими переводами ихъ, а не съ латинскими подлинниками, что̀, думаю, даетъ намъ право предполагать, что онъ заимствовалъ (или по его иниціативѣ и указанію заимствовали другіе—въ настоящемъ случаѣ это для насъ все равно) ихъ не непосредственно изъ латинск. подлинниковъ, а изъ русск. переводовъ.

8. Здѣсь у Антонія выходитъ противорѣчіе: въ предисловіи своей первой грамм. говоритъ, что еще до составленія ея перевелъ съ арм. категоріи Аристотела и здѣсь снова говоритъ, что перевелъ катег. Аристотеля по возвращеніи изъ Россіи, т. е. спустя болѣе 14-ти лѣтъ, перевелъ ли онъ второй разъ съ арм. или съ греч. подлинника, или переводилъ по частямъ? Мы не имѣемъ пока положительныхъ данныхъ, чтобы дать отвѣтъ на эти вопросы,—констатируемъ только фактъ противорѣчія въ словахъ нашего грамматика.

9. Avant Antoni, *Iean le philosophe* ou *Petritsi* cité par lui.; говоритъ г. Броссе, parait avoir composé ancienement une grammaire géorgienne. L'art. lib. p. VIII. Тоже самое говоритъ и Шёгренъ: über die merkwürdige georgische od. grusinische Sprache soll schon der berühmte grusinische Philosophe *Iohan Petritsi*, der in der 2-ten Hälfte des X (?) Iahrhunderst lebte, eine grammatik geschrieben haben. A. I. Sjegren. Liter. Anz. St.-Peret. Ztg. 1838, № 27. Этотъ *Іоаннъ чирчимелійскій*, названный *Философомъ*, былъ родомъ грузинъ, жилъ 1120 г. Антоній восхваляетъ его (Учѣб.-боѳ. § 731—744, стр. 250), говоря, что «онъ знаетъ не только вещи, но и причины ихъ, — сущее и имѣющее быть одинаково основательно, поэтому онъ настоящій философъ» и т. п. Кромѣ того, онъ даетъ ему и другіе не менѣе лестные эпитеты, какъ мы видѣли (см. стр. 13). Судя по его познаніямъ въ греч. языкѣ, что̀ видно изъ множества переводовъ, сдѣланныхъ имъ съ этого языка, можно предполагать, что онъ былъ однимъ изъ тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ посылали, на счетъ царства, ежегодно въ XI и XII в., въ Аѳины для образованія. Труды его суть: переводъ толкованія на евангеліе Марка, Іоанна Златоуста; Клемаксъ Іоанна синайскаго, перевелъ стихами и прозой, прологъ въ честь святыхъ грузинск., которыхъ память празднуется церковью въ сентябрѣ, октябрѣ, ноябрѣ, декабрѣ и январѣ; онъ извѣстенъ также какъ переводчикъ Прокла Діодоха, Іосифа Флавія, Аристотеля, Платона, Дамаскина, Порфирія и др. Для нашей цѣли важнѣе

всего былъ, конечно, переводъ Аристотелева περὶ ἑρμηνείας, сдѣланный Петриціемъ, гдѣ мы надѣялись найти грамм. зимѣтки и о груз. языкѣ, но, къ сожалѣнію, этого драгоцѣннаго документа мы не нашли въ нашихъ столичныхъ книгохранилищахъ, такъ, что и онъ долженъ остаться до-поры до-времени подъ спудомъ.

10. Malgré l'exessive abondance d'analyse, l'absence total de synthése, et l'inexactitude même de plusieurs des aperçus généraux que renferme ce livre (грамм. № 2) il n'en est pas moins un livre précieus pour la connaissance de la langue géorgienne, l'art lib. p. VI. Тоже сомое говоритъ и Шёгренъ: ...es ist jene Grammatik (von Antoni) nämlich unter allen einheimischen die ausführlichste, und ihr Hauptverdienst eine bis ins Kleinliche gehende Erschöpfung des Details der sprachlichen Formen, die in materieller Hinsicht fast nichts, sonst aber so sehr viel zu wünschen übrig lässt, dass man nach dem Sprichworte den Wald von lauter Bäumen nicht sehen kann. Auf jeden Fall bleibt jedoch das gedachte Werk, zumal als erster Versuch einer volständigen grusinischen Grammatik ein höchst schätzenswerthes und unentbehrliches Hulfsmittel für einen jeden, der die georgische Sprache ex professo studiren will. Cjögren, St.-Petersb. Ztg. 1838, № 97.

11. Заглавіе мхитаровой грамматики гласитъ: *քերականութիւն գրաբառ լեզուի հայկազեան սեռի: Ընդարձեցեալ աշխատասիրութեամբ Մխիթարայ վարդապետի սեբաստացւոյ Ընդդէմ հայր կոչեցելոյ:, ի վարժուհի նորամտից աշակերտաց դասատան՝ իւրոյ: Առ ի յօգուտ այլոց ամենից որք ունին զփափաք, ի գաւթիս իմաստից դրամբ քերականութիւն մտանելոյ: Յամի ած 1770: ապրիլի 25: ի վ ենետիկ;* in 4°, стр. 584.

За неимѣніемъ экземпляра 1-го (1730) изданія, которымъ только и могъ пользоваться Антоній при составленіи своей 1-й грамм., я пользовался экз. спб. публич. библ. 2-го изданія (1770 г.); между этими двумя изданіями нѣтъ никакой разницы въ грамматич. отношеніи, какъ сообщили письменно ОО. венеціанскіе мхитаристы чрезъ М. М. Міансарова, обязательно справившагося, по моей просьбѣ, съ ними объ этомъ предметѣ.

Cirbied говоритъ: en 1730, le docteur Mikhitar de Sébast ....fit imprimer une grammaire arménienne assez étendu, dans laquelle *il a suivi tantôt les régles du latin* et tantô celles des meilleurs auteurs arméniens. En 1727 il donna aussi une petite grammaire abrégée de l'arménien vulgaire.... *Vers l'an 1755 la premiere gramm. de Mikhitar fut traduite et adortée à la langue géorgienne*, par un prêtre de Tiflis nommé *Iean յովհան*. Gramm. de la langue armén. par. I.-Ch. Cirbied. Paris 1823 p. XXXIII. Такого перевода грамм. Мхитара, сдѣланнаго священ. Іоанномъ неизвѣстно въ груз. литературѣ,—не смѣшиваетъ ли Cirbied его съ Филиппомъ, учителемъ арм. языка и сотрудникомъ Антонія при составленіи первой грамматики?....

12. Въ рукописномъ сборникѣ, содержащемъ въ себѣ и «Симетне», соединены вмѣстѣ еще нѣсколько совершенно разнородныхъ, по содержанію, рукописей, — въ началѣ *русская грамматика*, стр. 44. безъ имени автора и года написанія; въ концѣ пришиты еще двѣ большія тетради, писанныя грузинск. гражд. буквами; 1-я гласитъ: иконологія, или полное собраніе аллегорій, эмблемъ и т. п. переводъ съ русск. напеч. въ Москвѣ 1803, сдѣланный 1810 году,

2-я трактуетъ «о Фейерверкѣ—приготовленіи и различныхъ родахъ его», безъ указанія года и автора.

На стр. 34 цитованная Философія Бауместра, озаглавлена такъ: Philosophia definitiva, a M. Frid. Christ. Baumeistro. Vittemberge MDCCXLIII, p. 153.

13. Гаіозъ былъ ученикомъ Антонія, въ послѣдствіи на короткое время ректоромъ телавской семинаріи (въ Кахетіи), наконецъ, архіеп. астраханскимъ, труды его суть: 1) Церковная исторія, порев. съ русск. 2) Регламентъ Петра В. 3) Богословіе Платона митроп. москов. 4) Нравоучительныя книги имп. Марка-Аврелія. 5) Царскій наказъ Агапита діакона константинопольск. «какъ должно царствовать», писанный къ имп. Юстиніану. 6) Словарь европ. достопамятныхъ городовъ. 7) Китайское нравоученіе. 8) Исторія древнихъ царствъ Ролленя. 9) Толкованіе кн. притчей Соломона. 10) Посланія Василія В. 11) Грузин. грамм. разбираемая нами. 12) Записки о груз. исторіи. 13) О вѣрѣ, въ вопрос. и отвѣтахъ. 14) Рѣчи, произнесенныя въ телав. семинаріи при Ираклiѣ II. 15) Проповѣди на различные дни и др. см. Кратк. истор. груз. церкви. П. Іосселіана. Спб. 1843, стр. 135.

Фатеръ (Vergleichungstafeln der Europ. Spr. Halle 1822, p. 186), какъ и Mitridates Аделунга, смѣшиваетъ грамм. Варлаама (на русск. яз. Спб. 1802) съ грами. Гаіоза.

14. Нашъ авторъ даетъ курьезное объясненіе груз.названія «буквы» სტო, — поего мнѣнію, это названіе дано еще Аристотелемъ: „ითჳს არისტოტელი რამეთუ წუხრმან კალმისამან დასტო,“ თითქოს არისტოტელს ქართულათ ლაპარაკნოს!

15. Фатеръ помѣстилъ подъ заглавіемъ: neue Sprachkunde въ «Всеобщ. Лит. Газетѣ» рецензію на грамм. труды Маджія, Варлаама и Фиралова, вотъ слова Фатера о «самоучителѣ» этого послѣдняго: ein Haupthinderniss der Deutlichkeit u. eines wahren überblicks der grusinischen Sprache ist in letzterem (d. j. Selbstlehrer) der Plan: zu gleich russich u. grusinisch zu lehren. Allg. Liter. Ztg. Halle 1821, p. 379, 186, № 264.

16. Я весьма сожалѣю, что не имѣю подъ руками книгу «Калмасоба» приписываемую ц-чу Іоанну, въ которой трактуется, между прочимъ, и о грамматикѣ.

17. Католическіе миссіонеры являются въ Грузіи еще въ началѣ XIII стол., царица грузинская *Русудана* (1212 — 1239) обратилась къ папѣ Григорію IX въ 1239 г съ просьбою о помощи для защиты царства отъ вторженія монголовъ. Папа, вмѣсто помощи, отправилъ въ Грузію семь монаховъ изъ ордена *братьевъ проповѣдниковъ* (fratres praedicatores) для пропаганды католичества. Старанія этихъ проповѣдниковъ склонить цариду съ народомъ къ принятію католической вѣры,—остались тщетными, ибо Русудана отвѣтила папѣ Григорію IX въ отрицательномъ смыслѣ, какъ и предшественнику его Онорію III, сдѣлавшему ей подобныя же предложенія. Въ 1289 году папа Николай IV послалъ новыхъ проповѣдниковъ въ Грузію, которые нашли тамъ благосклонный пріемъ,—такъ, что имъ было позволено имѣть своего епископа въ Тифлисѣ. Около 1476 г. было отправлено посольство Константиномъ III царемъ груз. къ папѣ Александру VI, который отвѣтилъ ему посланіемъ. Папа Евгеній IV уговаривалъ на Флорентинскомъ соборѣ присутствовавшаго на немъ груз. митрополита Григорія принять католичество, но тотъ, желая избавиться

отъ подобнаго рода предложеній, тайно оставилъ Флоренцію и отправился на родину. (См. Краткая ист. груз. церкви, П. Іосселіана, Спб. 1843, гл. VIII стр. 88. Груз. церковь свидѣтельница православія русской церкви. М. Ѳомина-Цагерели, Спб. 1848, стр. 12). Затѣмъ, католическіе миссіонеры являются въ Грузіи во множествѣ, въ началѣ XVII столѣтія. Они проникали преимущественно черезъ ахалцихскую область, гдѣ и было главное ихъ мѣстопребываніе и наибольшее число лицъ, обращенныхъ имъ въ католичество; оттого и преобладаетъ преимущественно ахалцихскій говоръ во всѣхъ сочиненіяхъ, писанныхъ монахами католической пропаганды, въ это время они встрѣчаются разсѣянными по всей Грузіи: Карталиніи (въ гг. Тифлисѣ, Гори), Имеретіи (Кутаисѣ), Мингреліи, Гуріи. Не однократно, когда пропаганда католической вѣры особенно усиливалась и число прозелитовъ изъ грузинъ возрастало, — тогда, по распоряженію высшаго начальства, запирались ихъ церкви и они сами были удаляемы изъ предѣловъ царства; тѣмъ не менѣе, всякій разъ находили возможность, благодаря хидатайству какой-нибудь сердобольной вліятельной особы (преимущественно изъ прекраснаго пола), снова возвращаться къ своимъ обитàлищамъ и святынямъ, пока, наконецъ, въ 40-хъ годахъ такущаго столѣтія, по распоряженію начальства, они окончательно не были удалены изъ Грузіи. Впрочемъ, нужно отдать имъ справедливость, они приносили странѣ въ то время не малую долю пользы: они учреждали при своихъ церквахъ для дѣтей училища, которыя были разсадниками, покрайней мѣрѣ, грамотности. Католическія церкви и богослуженіе всегда отличались нѣкоторою торжественностью и внѣшнимъ благолѣпіемъ: музыка, краснорѣчивыя и восторженныя «слова» католическихъ проповѣдниковъ, сопровождаемыя соотвѣтствующею декламаціей, не могли не имѣть нѣкотораго цивилизующаго вліянія на народъ. Затѣмъ, безспорно, ихъ обширныя познанія въ богословіи, философіи, исторіи, особенно въ языкахъ древнихъ и новыхъ, давали имъ возможность быть собесѣдниками и друзьями многихъ сановниковъ духовныхъ и свѣтскихъ, — воспитывать и учить наукамъ дѣтей дворянъ. Наконецъ, самое важное почему дорожило общество и правительство терпѣло католическихъ миссіонеровъ какъ людей полезныхъ,—это то, что они вмѣстѣ съ тѣмъ были и *врачами*. Въ странѣ, гдѣ вся медицина сводилась на нѣсколько десятковъ молитвъ и причитаній знахаровъ и знахорокъ, равно какъ и на медиц. кодексъ, извѣстный подъ именемъ «Карабадини», между тѣмъ, даже простая горячка или лихорадка, свирѣпствовавшія тамъ съ такою силою, постоянно уносили множество жертвъ,— въ такой странѣ, говорю, сколько-нибудь раціональный способъ леченія долженъ былъ считаться настоящимъ благодѣяніемъ; тѣмъ болѣе, что эти миссіонеры врачи часто безплатно лечили и, изъ своихъ маленькихъ аптекъ, даромъ раздавали лекарства простому люду. Можетъ быть и возрожденіе наукъ и искусствъ въ Грузіи въ XVII и XVIII в. не мало обязано пребыванію тамъ католическихъ миссіонеровъ. Послѣ *братьевъ проповѣдниковъ* прибывшіе миссіонеры были изъ *Театинскаго ордена*, затѣмъ *Капуцинскаго*. Покойный *О. Морошкинъ*, авторъ извѣстнаго сочиненія «Іезуиты въ Россіи», предполагая пребываніе монаховъ *Іезуитскаго ордена* и въ *Грузіи*, просилъ меня навести справки объ нихъ. По моей просьбѣ г. Я. Гогебашвили съ покойнымъ братомъ моимъ Влад. Цагарели, съ разрѣшенія Высокопр. Экзарха Грузіи Евсевія, осмотрѣли архивъ Тифлисс. Синодальной Конторы, равно спрашивали и лицъ, компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ,—но всѣ поиски за іезуитами въ Грузіи оста-

лись тщетными,— ихъ тамъ не оказалось, о чемъ я и писалъ о. Морошкину изъ Мюнхена въ 1869 году. Естественно, что изученіе мѣстнаго, груз. языка было въ интересѣ этихъ миссіонеровъ, для приготовленія которыхъ въ Римѣ, въ школѣ пропаганды былъ профессоръ груз. языка (см. Ueber die georgianische Litteratur, v. Franz Carl *Alter* prof. der. Griech. Spr. Wien, 1798, p. 22), и были изданы пропагандой же, еще до разбираемой нами грамматики, слѣдующія элементарныя книги, необходимыя для изученія каждаго языка: Alphabetum Ibericum, sive georgianum, cum Oratione dominica, salutatione angelica etc. Romae e typogr. Propagandae. 1629. in 8°. Stephano Paulini et Niceforo Irbachi Ditionario Giorgiano e Italiano. Romae 1626. in 4°. Содержитъ въ себѣ 3084 словъ. Паулини, въ предисловіи своего словаря, ссылается на авторитетъ упомянутаго Никифора Ирбаха, природнаго грузина, (по Клапроту и С.-Мортену, извѣстнаго въ XVI ст. во всей передней Азіи своими познаніями и дипломатическою дѣятельностью), что онъ помогалъ Паулини при составленіи грузино-италіанскаго словаря; если это дѣйствительно такъ, то Паулини плохо воспользовался его услугами, такъ какъ при составленіи своего труда онъ какъ будто больше руководствовался роднымъ, италіанскимъ: или латинскимъ произношеніемъ, чѣмъ грузинскимъ Ирбаха, оттого онъ постоянно смѣшиваетъ звуки თ (th) съ ტ (t); ბ, ფ (b, ph) съ პ (p); ჭ (kh) съ კ (k); ღ (gh) съ გ (g); ფ, ც, ძ (ç, c, z) съ ს и ზ (s, z). И разбираемая нами груз. грамм. Маджія имѣла отчасти такое же назначеніе; но замѣчательно, что о существованіи этой грамматики Антоній *ничего не говоритъ*, была ли она ему извѣстна, или миссіонерамъ, для которыхъ она была написана и къ которымъ Антоній обращался при составленіи своей 1-й грамматики (см. стр. 7).?

На эти вопросы мы не можемъ дать положительнаго отвѣта, по неимѣнію фактовъ, говорящихъ за или противъ, — одно можно сказать, съ нѣкоторою вѣроятностью, что если бы она была извѣстна Антонію, то едва ли воздержался бы не сказать своего мнѣнія объ ней, хотя бы въ родѣ того, что онъ говоритъ о грамм. Захаріи (см. стр. 6),—что «она не есть грамматика».

Лейбницъ пишетъ объ этой же грамм. къ Ла-Крозу, главному библіотекарю въ Берлинѣ: ....on en a aussi publier une grammaire, de types della propaganda, mais que je n'ai point vûe; cependant elle doit être curieuse, comme j'ai jugé par *une recension que j'en ai vue autrefois dans le giornale de'litterati* (Leibnitii. Op. t. V. p. 495). Къ сожалѣнію эту интересную рецензію я не могъ найти, такъ такъ Лейбницъ не указываетъ ни *года*, ни *нумера* журнала.

18. ....Quum iam in Jberiam, et Colchidem allegatus; aerumnas, et labores plurimos exantilarim, in tam anicipiti itinere; per medias Arabum, Turcarum, et Persarum Regiones suscepto, ingentibis periculis obnoxio, hostium inursionibis infesto, viarum anfractibus aspero, montibus horrido, fluminibus obruto, nivibus obsito perpetuis, fabulosis etiam terroribus obesso; ad Phasidis verrucas, et iuga Caucasi praetergressus. ...Quò Nostrates, non auri cupido, quae priscis temporibus, é Graeciae litorae, deduxit Argivos: Sed unus advocat zelus animarum, deliciarum oblitos, contemptotes periculorum, scientiam salutis edoctos: ut Tuis nutibus obsequantur .. Syntagmaton etc.

19. Mlthridates, etc. v. Adelung, I, H. Berl., 1806.

BAYERISCHE STAATS- BIBLIOTHEK MUENCHEN

Транскрипція грузинскихъ алфавитныхъ знаковъ латинскими литерами, которой я держался въ предлагаемой книгѣ.

ს — a
ბ — b
გ — g
დ — d
ე — e
ვ — w
ზ — z
ჱ — he
თ — ‘t = греч. ϑ
ი — i
კ — k
ლ — l = русск. л
მ — m
ნ — n
ჲ — hie
ო — o
პ — p
ჟ — j = русск. ж
რ — r
ს — s
ტ — t
უ — u
ფ — f
ქ — ‘p = перс. پ
ღ — ‘k = арабск. ك
ყ — ‘g = арабск. غ
შ — q = арабск. ق
ჩ — ‘s = русск. ш
ც — ‘c = русск. ч
ძ — c = русск. ц
წ — z = арабск. ذ
ჭ — ç приблиз. какъ русск. тц
ხ — ‘ç приблиз. какъ русск. тч
ჴ — x
ჯ — ‘x
ჰ — ẓ = арабск. ظ
ჵ — hae
ჶ — hoe

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Страница	*Строка*	*Слѣдуетъ читать*
8	15	безстрашный.
15	33	къ руководству.
20	16	88, b.
„	18	88, a.
22	27	ქერაკანოჲთეან.
23	30	წოდებაჲ,
25	8	დაჲდებულ.
„	„	შეულლჳანი.
„	12	გითხჳანი.
„	„	წჳალებისათჳს.
26	9	გერძოსჲ.
29	13	სიტყჳს.
30	4	работа.
45	13	заботиться.
46	23	съ ея.
47	2	Maggio.
„	30	желающему.
48	1	codices.
50	15	Regionem.
52	4	отношеніи.
57	17	распоряженіе.
75	20	изолированной.
84	28, 29	Խիթար.
95	1	№ 31.

1+3
3 177

Archiv
München

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Cagareli, Aleksandr Antonovič,

O grammatičeskoj literaturě gruzinskago jazyka Kritičěskij očerk. A. Cagareli

Sanktpeterburg 1873

L.as. 555 u
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11159902-9